

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№1 / 2019

В НОМЕРЕ:

- ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
- ПАМЯТИ УЧЕНОГО: АНТОНОВ
ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ
- К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ
ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ
- ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
УЧАСТИЯ МОНГОЛИИ В
МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ
СОТРУДНИЧЕСТВЕ
- ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ
СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ
ХИЩЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ
ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ В
РАЙОНАХ ВООРУЖЕННОГО
КОНФЛИКТА

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№1
2019

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук по юридическим
и военным наукам (Перечень ВАК)
28 декабря 2018 г. за № 196 по группам
научных специальностей
12.00.09– Уголовный процесс
(юридические науки),
20.00.00 – Военные науки (военные науки)

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

Выходит 4 раза в год
на русском языке

Распространяется
в Российской Федерации

Представляемые к изданию статьи
проходят обязательную экспертизу
в соответствии с требованиями
Инструкции о порядке подготовки
в Вооруженных Силах
Российской Федерации
материалов к открытому опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Мишуткин Игорь Викторович,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич,
директор Правового департамента
(начальник юридической службы)
Министерства обороны Российской Федерации

Дерешко Богдан Юльевич,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
МВД России по научной работе

Ивановский Владимир Сергеевич,
начальник Главного управления военной полиции
Министерства обороны Российской Федерации

Маликов Сергей Владимирович,
советник Управления по вопросам
государственной службы и кадров
Администрации Президента Российской Федерации

Марченков Валерий Иванович,
главный научный сотрудник (научный руководитель)
Военного университета

Петров Валерий Георгиевич,
заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации - Главный военный прокурор

Сорочкин Александр Сергеевич,
заместитель Председателя Следственного
комитета Российской Федерации – руководитель
Главного военного следственного управления

Солонин Дмитрий Олегович,
помощник начальника Военного университета по
работе с верующими военнослужащими

Хомчик Владимир Владимирович,
заместитель Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель Судебной
коллегии по делам военнослужащих

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент

Заместитель председателя:

Никонович Сергей Леонидович,
доктор юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор

Дамаскин Олег Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор

Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор

Кандыбко Наталья Викторовна,
доктор экономических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, профессор

Кушнир Андрей Михайлович,
доктор экономических наук, профессор

Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент

Мазаник Александр Иванович,
доктор военных наук, профессор

Мигачев Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Никитин Алексей Николаевич,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент

Толкаченко Анатолий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор

Топорков Анатолий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор

Журнал ориентирован на публикацию результатов научных исследований по специальности 20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права, а также иных научных работ, в которых рассматриваются вопросы правового обеспечения обороны и военной безопасности государства

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

Главный редактор:

Винокуров А.Ю.

Заместитель главного редактора:

Никонович С.Л.

Научный редактор:

Докучаев О.В.

Редактор:

Тюрина О.А.

Перевод аннотаций
на английский язык:

Бочаров А.В.

Верстка:

Бочаров А.В.

Адрес редакции:

111033, г. Москва,

ул. Б. Садовая, д. 14

E-mail: vestnikvp-vu@mail.ru

<http://www.vvp-vu.pf>

Подписано в печать:

март 2019

Формат 70x108 1/16.

Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии

«ИСПО принт»

г. Москва, ул. Щипок, д. 28

Тел.: 8 (499) 235-54-52

E-mail: zakaz@ispo-print.ru

www.ispo-print.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.Ю. ВИНОКУРОВ, В.А. ОКОЧА

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ
ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ7

С.Л. НИКОНОВИЧ

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ ..15

ОБОРОНА И БЕЗОПАСНОСТЬ

А.И. ЗЕМЛИН

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ.....21

ВОЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

В.В. КОЗЛОВ

УЧАСТИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ И ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ26

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

С.С. ХАРИТОНОВ

МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ, СОВЕРШАЕМОЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ УКАЗАННОЙ
КАТЕГОРИИ.....33

КРИМИНАЛИСТИКА

Д.М. КОЗЛОВЦЕВ

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ХИЩЕНИИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ В РАЙОНАХ ВООРУЖЕННОГО
КОНФЛИКТА.....40

Трибуна соискателя

А.А. Агешин

К ВОПРОСУ О ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕ В ПЛЕН ВОЕННОСЛУЖАЩИХ46

Я.Н. Белов

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ51

Д.А. Исаев, А.А. Агешин

ПОДДЕРЖАНИЕ МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЦЕЛЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧИ В ПЛЕН55

Нямдорж Эрдэнэбаяр

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ МОНГОЛИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ.....60

С.Н. Солонина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОМОЩНИКОВ КОМАНДИРОВ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ПО РАБОТЕ С ВЕРУЮЩИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ.....66

Ш.Р. Шоев

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ71

М.Г. Щербаков

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ В РАМКАХ КОНВЕРСИИ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА.....76

Рецензия

В.А. Берзин

ПРАВО В ЦИФРОВОЙ ОНТОЛОГИИ (РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНУЮ МОНОГРАФИЮ П.М. МОХАТА «ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»)84

В.К. Ботнев, С.В. Ботнев

ВОЙСКОВЫЕ СВЯЩЕННИКИ (КАПЕЛЛАНЫ) – КАКОВ ПРАВОВОЙ СТАТУС? РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Т.М. ЧЕЛПАНОВОЙ «ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ КАПЕЛЛАНОВ» (М. : БУКИ ВЕДИ, 2018).....86

Актуальные вопросы военного права и практики

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ» НУЖДАЮТСЯ В ДОРАБОТКЕ91

Памяти ученого

АНТОНОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ93

Информация

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА».....95

CONTENT

MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW

ALEXANDER Y. VINOKUROV, VADIM A. OKOCHA

LAW ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF PRIVATE MILITARY SECURITY COMPANIES.....7

SERGEY L. NIKONOVICHLEGAL ASPECTS OF PRIVATE MILITARY COMPANIES

DEVELOPMENT IN RUSSIA.....15

DEFENSE AND SAFETY

ALEKSANDR I. ZEMLIN

ABOUT SOME ASPECTS OF REALIZATION OF THE STATE ANTI-CORRUPTION POLICY
IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION21

MILITARY ADMINISTRATIVE LAW

VADIM V. KOZLOV

PARTICIPATION OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE
ACTIVITIES OF PUBLIC ASSOCIATIONS AND PUBLIC-STATE ORGANIZATIONS.....26

CRIMINAL LAW

STANISLAV S. KHARITONOV

FRAUD WHEN RECEIVING PAYMENTS PAYABLE BY THE MILITARY SERVICE:
QUESTIONS OF THE QUALIFICATION OF THE ACTION IN THE CONTEXT OF
PROSECUTOR'S SURVEILLANCE FOR INVESTIGATION OF CRIMES OF THE SPECIFIED
CATEGORY.....33

CRIMINALISTICS

DENIS M. KOZLOVTCEV

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS WHEN THE THEFT OF MILITARY WEAPONS AND
AMMUNITION IN AREAS OF ARMED CONFLICT40

TRIBUNE OF THE APPLICANT

ALEKSANDR A. AGESHIN

ON THE ISSUE OF VOLUNTARY SURRENDER OF SERVICEMEN.....46

YAROSLAV N. BELOV

THE QUESTION ABOUT TERM AND DEFINITION OF INTERNATIONAL TERRORISM IN
LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION51

DMITRY A. ISAEV, ALEKSANDR A. AGESHIN

MAINTAINING THE MORAL-POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL CONDITION OF
SERVICEMEN FOR PREVENTION OF CAPTIVITY.....55

NYAMDORJ ERDENEBAYAR

LEGAL REGULATION OF PARTICIPATION OF MONGOLIA IN INTERNATIONAL MILITARY COOPERATION60

SVETLANA N. SOLONINA

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF THE ASSISTANTS OF COMMANDERS OF MILITARY UNITS ON WORK WITH THE FAITHFUL SOLDIERS66

SHODMON R. SHOEV

THE MAIN DIRECTIONS OF CO-OPERATION BETWEEN REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ORGANIZATION OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY (CSTO).....71

MIKHAIL G. SHERBAKOV

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TECHNOLOGY TRANSFER IN THE FRAMEWORK OF THE CONVERSION OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX76

REVIEW

V.A. BERZIN

THE RIGHT IN DIGITAL ONTOLOGY (REVIEW OF THE SCIENTIFIC MONOGRAPH BY P.M. MORHAT, "LAW AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE")84

VLADIMIR K. BOTNEV, SERGEY V. BOTNEV

MILITARY PRIESTS (CHAPLAINS) – WHAT IS THE LEGAL STATUS? SCIENTIFIC REVIEW ON SCIENTIFIC MONOGRAPH OF T.M. CHELPANOVA «FOREIGN EXPERIENCE OF REGULATION OF THE LEGAL STATUS AND ACTIVITIES OF MILITARY CHAPLAINS»87

TOP ISSUES OF MILITARY LAW AND PRACTICE

CERTAIN CONDITIONS OF THE FEDERAL LAW «ON THE LIABILITY OF SERVICEMEN» IS NEED TO BE FINALIZED91

IN THE MEMORY OF SCIENTIST

ANTONOV VLADIMIR PETROVICH93

INFORMATION

RULES OF SENDING, REVIEWING AND PUBLISHING SCIENTIFIC ARTICLES IN THE "VESTNIK VOENNONGO PRAVA" JOURNAL (THE JOURNAL OF MILITARY LAW).....96

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ

А.Ю. ВИНОКУРОВ, В.А. ОКОЧА

ALEXANDER Y. VINOKUROV, VADIM A. OKOCHA

MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW LAW ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF PRIVATE MILITARY SECURITY COMPANIES

Винокуров Александр Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, ФГКВОВУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: marvin_alvin@mail.ru

Vinokurov Alexander Yurievich, doctor of Law, Associate Professor, «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: marvin_alvin@mail.ru

Окоча Вадим Александрович, помощник начальника ФГКВОВУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: ovalexter@mail.ru

Okocha Vadim Alexandrovich, Assistant to the Comandant of the «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: ovalexter@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты создания и развития частных военных компаний, основные направления оказываемых ими военных услуг, необходимость соблюдения ими в районах вооруженных конфликтов норм международного гуманитарного права, проблемы правовой регламентации их деятельности на международном и национальном уровнях, в том числе в Российской Федерации.

Abstract. The article examine historical aspects of the development of private military companies, problems of legal regulation of their activities at the international and national levels, including in relation to the Russian Federation.

Ключевые слова: частная военная охранная компания; наемник; наемничество; Документ Монтре; Международный кодекс поведения частных охранных компаний; Проект Конвенции о частных военных охранных компаниях.

Keywords: private military company; private military security company; mercenary; mercenarism; Document Montreux; International Code of Conduct for Private Security Companies; Draft Convention on Private Military Security Companies.

Непрекращающиеся вооруженные конфликты вынуждают их участников искать наиболее приемлемые варианты действий, позволяющие добиться эффективного выполнения боевых задач, минимизировать при этом возможные потери личного состава, а также материальные затраты на проведение военных операций. В этих целях государства, международные органи-

зации и отдельные лица могут заключать контракты с частными военными компаниями (далее - ЧВК). Обращаясь к историческим аспектам появления и последующего развития частных военных компаний, следует отметить, что впервые подобная военная компания под названием «Watch Guard International» была создана в 1967 году в Великобритании полковником бри-

танской армии Дэвидом Стерлингом. Ее сотрудники, ранее проходившие военную службу в «Security advisory services», привлекались к обучению армий аравийских султанатов [1].

В 1975 г. в Европе было организовано несколько центров по вербовке наемников. На международном уровне получила широкую известность созданная в Великобритании частная компания «SAS», которая вербовала наемников в Западной Европе, обеспечивала их необходимым снаряжением и в последующем отправляла в Анголу для участия в военных действиях [2].

Использование термина «частные военные компании» (англ. - Private Military Companies) впервые было предложено Ширером, который проводил различие между частными военными компаниями и частными военными охранными компаниями (англ. - Private Military Security Companies, далее - ЧВОК). По его мнению, основное различие заключается в предоставлении сотрудникам ЧВК возможности иметь при себе и использовать при необходимости боевое оружие. Что касается сотрудников частных охранных компаний, то они такой возможности по причине отсутствия оружия не имели. Активное применение ЧВОК во время военной операции в Ираке и обеспечение их боевым оружием для выполнения поставленных задач устранило существовавшее различие.

По экспертным оценкам, в мире насчитывается несколько сотен ЧВОК с общей численностью сотрудников более миллиона человек, которые с различной степенью активности действуют более чем в 110 странах мира. Объем предоставляемых ими услуг, по сведениям некоммерческой организации «War on Want», составляет от 100 до 400 млрд долларов США в год [3].

Современные частные военные компании в состоянии предоставить заказчикам свои услуги в области сбора и анализа разведывательной информации, логистики, охраны аэропортов, нефтяных полей, сопровождения гуманитарных конвоев, разминирования местности, обеспечения

необходимыми средствами связи [4; 5]. При этом они могут действовать как самостоятельно, так и в тесном взаимодействии с разведывательными структурами.

Крупные ЧВОК, в свою очередь, имеют, возможность привлекать в качестве субподрядчиков другие ЧВОК. Их сотрудники, как правило, обладают высоким уровнем специальной подготовки, имеют опыт ведения боевых действий. При необходимости они осуществляют взаимодействие с подразделениями сухопутных частей и силами, предназначенными для проведения специальных операций, и применяют для выполнения поставленных перед ними задач боевую технику и авиацию. К услугам частных военных компаний обращались при проведении военных операций на территории бывшей Югославии, в том числе в Косово, Боснии и Герцеговине, Хорватии и т. д. К помощи частных военных компаний прибегают при проведении миротворческих операций.

За последние 10 лет деятельность ЧВОК заметно активизировалась. В определенной мере этому способствовали боевые действия в Афганистане и Ираке, которые оказали непосредственное влияние на рост заказов как со стороны государств (Великобритания, США и др.), так и ряда международных организаций. Так, в 2016 г. в Афганистане на каждого американского солдата (всего 9,8 тыс.) приходилось три наемника (28,6 тыс.).

Аналогичная ситуация сложилась и в Ираке, где на 4 087 военнослужащих США приходилось 7 773 сотрудника частных военных компаний [6]. Необходимо отметить, что существующий военный потенциал частных военных компаний может быть использован в первую очередь странами НАТО для ведения сетецентрических боевых действий.

Исполнительный директор «War on Want» Д. Хилари подчеркивает, что слишком долго ЧВК бесконтрольно функционируют и развиваются в современном мире и пришло время законодательно урегулировать данную деятельность, как это сделала, например, Швейцария, а также

запретить компаниям действовать в зонах вооруженных конфликтов и приватизировать войну [3].

ЧВОК не испытывают проблем с кадрами, так как работа их сотрудников хорошо оплачивается. Ее размер зависит от ряда факторов: занимаемой должности, наличия необходимого боевого опыта, региона, в котором предстоит работать согласно контракту. Так, за время пребывания в Ираке сотрудники частной военной компании «Blackwater» получали от 500 до 2 500 долларов США в сутки [7]. Жизнь и здоровье сотрудников ЧВК застрахованы.

Наиболее крупными ЧВОК являются «MPRI», «KBR», «Blackwater», «Cubic defense application. Inc.», «Airsca», «DynCorp», «HALO Trust» [8]. По оценке издания «The Guardian», крупнейшей ЧВК в мире является британская многонациональная «G4S» [3].

Нередко деятельность сотрудников частных военных компаний получала скандальную известность в результате совершения ими противоправных действий, образующих составы преступлений.

Показательным является пример ЧВК «Blackwater», которая была основана бывшим американским спецназовцем Э. Принсом. В настоящее время общее число ее сотрудников превышает 20 тысяч. В 2007 г. доходы этой ЧВК превысили миллиард долларов. С 2003 г. сотрудники «Blackwater» обеспечивали безопасность главы гражданской администрации Ирака П. Бремера, а также занимались сопровождением грузов администрации. При этом они находились вне юрисдикции законов этого государства, что нашло отражение в специальном постановлении переходного правительства [9].

16 сентября 2007 г. сотрудники ЧВК «Blackwater» открыли огонь по гражданскому населению на площади Нисур в центре Багдада. В результате применения огнестрельного оружия: автоматов, пулеметов, а также вооружения, установленного на легком вертолете огневой поддержки «Little Bird», было убито 14 человек и еще 17 получили ранения различной степе-

ни тяжести. Контракт с этой компанией на следующий год продлен не был. ЧВК «Blackwater» в феврале 2009 г. сменила название на «XE Services LLC», а в 2011 г. на «Academi» и в настоящее время продолжает свою деятельность [8;10;11]. В апреле 2015 г. после семи лет судебного разбирательства один из сотрудников «Blackwater» был приговорен к пожизненному заключению, остальные трое к 30 годам лишения свободы [11]. Однако в августе 2017 г. приговоры были отменены и назначено новое судебное разбирательство [12].

Сотрудники частных военных компаний CACI и Titan (переименованы на L-3 Services) в 2004 г. наряду с представителями военной разведки и ЦРУ принимали непосредственное участие в пытках при проведении допросов бывших военнослужащих иракской армии в тюрьме Абу-Грейб в Ираке.

В настоящее время имеется несколько классификаций частных военных компаний с различной степенью полноты, учитывающих специфику их деятельности (активные и пассивные, оборонительные и наступательные, боевые и небоевые или военные и охранные).

В связи со сказанным необходимо отметить классификацию ЧВОК, предложенную Сингером [13], который за основу классификации взял фигуру, напоминающую по форме наконечник копья, сторонами которого являются: театр войны, театр военных действий, и район ведения военных действий. По мнению Сингера, ЧВОК размещены им вдоль сторон наконечника копья: военные компании-поставщики (могут принимать участие в военной деятельности), военные консалтинговые компании (не принимают активного участия в боевых действиях, предлагая заказчику наиболее выгодную в конкретных условиях тактику и стратегию ведения боевых действий) и военные обеспечивающие компании (выполняют задачи по материально-техническому снабжению, разведке и ведению информационной войны) [13].

Предложенная Сингером классификация заслуживает внимания, однако впол-

не обоснованно подвергается критике, так как размещение ЧВОК в строго определенных секторах является достаточно проблематичным в условиях ведения боевых действий, тем более что количество ЧВОК продолжает увеличиваться. Кроме того, охрана различных объектов в районах вооруженных конфликтов часто приобретает характер выполнения боевой задачи, в связи с чем осуществить различие частных военных компаний по характеру их деятельности достаточно сложно.

По-прежнему актуальной остается проблема различия сотрудников ЧВОК и наемников. Существующие точки зрения зачастую противоположны, тем более что до настоящего времени ведутся научные споры о необходимости четкого проведения различия между наемниками и комбатантами. Следует признать, что и наемники, и сотрудники ЧВК за предоставленные услуги получают от заказчиков вознаграждение в денежной форме. Поэтому отдельные эксперты и ученые полагают, что сотрудники ЧВОК по своей сути являются наемниками. Их оппоненты категорически не согласны с этим утверждением, настаивая на том, что ЧВОК имеют свою отличную от наемничества природу.

Уместно напомнить о том, что проблема наемничества постоянно находится в поле зрения Рабочей группы Комиссии по правам человека ЭКОСОС ООН. Ее члены систематически анализируют данные по широкому спектру проблем, связанных с этим явлением. В частности специальный докладчик Э. Бальестерес исследовал в Великобритании деятельность частных военных компаний, предлагавших в международном масштабе свои услуги в области обеспечения безопасности военными средствами [14]. Согласно его выводам, вне зависимости от того, действует ли наемник самостоятельно или состоит на службе современных многоотраслевых компаний, занимающихся вопросами обеспечения военной безопасности, его деятельность, как правило, сопряжена с нарушениями прав человека. Довольно часто наемники привлекаются к осуществлению

актов терроризма. Они востребованы, так как при необходимости не утруждают себя соблюдением норм международного гуманитарного права [14].

Критерии, позволяющие дать определение наемнику, содержатся в статье 47 Дополнительного протокола I; в Международной конвенции ООН о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников и в Конвенции Организации африканского единства (ОАЕ) о ликвидации наемничества в Африке.

Наемники не являются гражданами государства - участника конфликта, на стороне которого они сражаются, кроме того, они должны преследовать личную выгоду [15]. Однако эти критерии не позволяют обеспечить необходимое различие, в связи с чем подвергаются критике [16].

Многие ученые обоснованно считают, что такое определение наемника на практике исключает возможность привлечения лица или руководства компании к уголовной ответственности [17]. С учетом изложенного С. Перси предложил считать наемником «участника боевых действий, который принимает участие в боевых действиях без какой-либо причины в целях получения финансовой выгоды и при этом не находится под контролем государства или другой законной власти» [18].

Заслуживает внимания точка зрения Е.Г. Воробьева, который полагает, что в отличие от сотрудников ЧВК наемники «... чаще всего не придерживаются ни норм международного гуманитарного права, ни норм внутреннего государственного законодательства противоборствующих сторон». По его мнению, служащие частных военных формирований находятся под контролем и управлением (прямым или косвенным) правительства в месте постоянного нахождения (резиденции) ЧВК. При этом Е.Г. Воробьев обоснованно полагает, что в отношениях с принимающей стороной военизированные формирования часто подчиняются командованию регулярной армии, а значит, и правительству государства, на территории которого, согласно контракту, осуществляется их дея-

тельность [19].

Рабочая группа ООН после изучения данной проблемы не пришла к однозначным выводам. Признавая тот факт, что сотрудники ЧВОК и наемники обладают различным правовым статусом, члены рабочей группы посчитали, что при определенных условиях деятельность конкретных ЧВОК можно считать наемнической и незаконной [14].

Нельзя не согласиться с Э. Бальстересом, который отмечает, что нормы международного права и национальное законодательство государств должны регулировать деятельность таких компаний и предусматривать соответствующие механизмы надзора и контроля, позволяющие проводить четкое разграничение между предоставлением военных консультационных услуг и участием в вооруженных конфликтах, а также в любых действиях, которые можно рассматривать как вмешательство в вопросы общественного порядка и безопасности, являющиеся исключительной прерогативой государства [13].

Например, в США на основании закона «О контроле над экспортом вооружений» деятельность ЧВК за рубежом лицензируется госдепартаментом, который осуществляет контроль за выполнением контракта. В ЮАР обязанность лицензирования деятельности частных военных компаний возложена на национальный комитет по контролю над простым вооружением на основании закона об иностранной военной помощи [20].

Наличие большого количества сотрудников ЧВОК, выполняющих боевые задачи в районах вооруженного конфликта зачастую самостоятельно, вне состава вооруженных сил, без должной правовой регламентации их деятельности и надлежащего контроля, создает реальную угрозу для гражданского населения. Это обусловлено ведением боевых действий в населенных пунктах в местах размещения гражданского населения; выполнением задач вооруженных сил сотрудниками ЧВК и пр.; используемыми методами ведения партизанской войны.

Поэтому правительство Швейцарии и МККК выступили с инициативой о необходимости разработки международно-правовых стандартов, определяющих деятельность ЧВОК в период вооруженного конфликта. По итогам проделанной подготовительной работы в 2008 г. был принят Документ Монтрё, ратифицированный 17 государствами, который содержит большое количество рекомендаций, направленных на правовое регулирование деятельности ЧВОК.

Предлагается в законодательном порядке установить уголовную и гражданско-правовую ответственность за преступления, совершаемые ЧВОК и их персоналом. Государствам территориальной юрисдикции необходимо требовать от ЧВОК получения разрешения на оказание услуг и внесение залога, который может быть конфискован при несоблюдении условий контракта, а само разрешение отозвано или его действие может быть приостановлено. Государствам происхождения (принадлежности, регистрации, местонахождения головного офиса) следует создать разрешительную систему и ввести оперативное лицензирование (в течение ограниченного и возобновляемого периода времени) и лицензирование специальных услуг, а также правила экспорта ивозврата оружия и боеприпасов ЧВОК.

Согласно вышеуказанному Документу сотрудники ЧВОК могут рассматриваться как гражданские лица, если они не входят в состав регулярных вооруженных сил, организованной вооруженной группы или не принимают непосредственного участия в военных действиях. Это утверждение совпадает с договорной нормой, в соответствии с которой силы правопорядка не приравниваются к вооруженным силам, за исключением тех случаев, когда они включаются в состав этих вооруженных сил, а другим сторонам, находящимся в конфликте, делается об этом уведомление (ДП I, ст. 43, п. 3).

Однако сотрудники ЧВОК могут рассматриваться как комбатанты, если они включены в состав вооруженных сил од-

ной из сторон в конфликте или участвуют в военных действиях. Почетный профессор международного права Брюссельского свободного университета Э. Давид обоснованно полагает, что в Документе Монтрё содержится предложение государствам в принимаемых ими национальных законах предусматривать разрешение для ЧВОК «применять силу или огнестрельное оружие лишь в случае необходимой самообороны или защиты третьих лиц» (ч. 2, п. 43). Наличие положения о том, что «статус персонала ЧВОК определяется международным гуманитарным правом в каждом конкретном случае, в частности с учетом характера и условий выполнения возложенных на него функций» (ч. 1, п. 24), означает, что этих сотрудников можно использовать и в качестве комбатантов, даже если делать это не рекомендуется [21].

В настоящее время МККК продолжает работу, направленную на имплементацию международно-правовых обязательств государств, изложенных в Документе Монтрё. Количество государств, его подписавших, возросло до 55. Документ признан тремя международными организациями. В декабре 2013 г. правительство Швейцарии и МККК провели конференцию «Монтрё + 5». Ее участники посчитали необходимым продолжить официальный диалог по данной проблематике. В связи с этим на Учредительном собрании в декабре 2014 г. был официально утвержден Форум, в задачи которого входит поддержка национальной имплементации норм и обсуждение имеющихся проблем в этой области. Отдельные государства приняли национальное законодательство, регламентирующее деятельность ЧВОК, другие находятся в стадии его разработки. Сформированы и активно действуют две рабочие группы: по Международной ассоциации по кодексу поведения и Морская [22].

Нельзя не упомянуть принятие в 2010 г. «Международного кодекса поведения частных охранных компаний» (МКПЧОК), согласно которому заключение контракта на международном уровне в целях оказания военных услуг должно соответство-

вать положениям, указанным в Кодексе: необходимо получить соответствующий сертификат, проводить независимые аудиторские проверки и пр. В настоящее время к Кодексу присоединились более 95 ЧВК, 7 правительств и 30 общественных организаций [23].

Кроме того, наряду с Документом Монтрё и МКПЧОК существуют и другие правовые документы: Сараевский кодекс поведения ЧВОК или Кодекс поведения Международной ассоциации частных военных компаний (ISOA), Рамочное соглашение по соблюдению и обеспечению соблюдения прав человека, которое было разработано под руководством специального уполномоченного ООН Д. Рагги. При этом необходимо отметить, что все вышеуказанные правовые документы не носят обязательного характера.

В настоящее время существуют и другие предложения, направленные на создание международного правового механизма, регулирующего деятельность частных военных компаний.

Так, в ООН идет обсуждение необходимости разработки и принятия международной конвенции, обязывающей государства регламентировать деятельность ЧВОК и осуществлять контроль за их деятельностью. При этом за основу Конвенции члены рабочей группы ООН взяли основные положения, которые содержатся в Документе Монтрё и МКПЧОК. В Проекте Конвенции дается определение частным военным охранным компаниям, разъясняется, что именно понимается под терминами «военные» и «охранные» услуги.

В процессе работы над текстом Проекта Конвенции о ЧВОК в его первоначальной редакции была сохранена связь между понятиями «наемник» и «частная военная компания» [24], что повлекло за собой незамедлительную реакцию со стороны США в форме официального заявления, в котором обращалось внимание на отсутствие у рабочей группы каких-либо полномочий по рассмотрению вопросов, определяющих статус ЧВОК. В связи с большим количеством разногласий ука-

занный Проект Конвенции до настоящего времени не принят. Однако большинство государств едины в том, что сотрудники ЧВОК не могут привлекаться для активного участия в боевых действиях.

Что касается Российской Федерации, то еще в феврале 2018 г. руководителем партии «Справедливая Россия» С. Мироновым и первым заместителем руководителя фракции этой партии в Думе М. Емельяновым был разработан проект закона, которым устанавливался перечень услуг ЧВК, в том числе участие в миротворческих операциях, военный консалтинг, обслуживание военной техники и пр. Работу по лицензированию их деятельности планировалось возложить на Министерство обороны Российской Федерации. Кабинет министров РФ и ведущие силовые ведомства направили в Государственную думу РФ отрицательные отзывы на данный законопроект. В них отмечалось, что основные положения законопроекта находятся в противоречии с Конституцией, запрещающей создание общественных объединений, чьи цели и действия направлены на создание вооруженных формирований. Кроме того, обращалось внимание на то обстоятельство, что вопросы обороны и безопасности, войны и мира, внешней политики и международных отношений находятся в ведении Российской Федерации [25].

Вопрос о необходимости разработки в Российской Федерации законодательства, регламентирующего деятельность ЧВОК, с различной степенью интенсивности продолжает обсуждаться на различных уровнях уже не первый год, однако до настоящего времени решение не принято.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мукин Ю. Использование гражданских контрактников и частных вооруженных формирований в современных конфликтах // Зарубежное военное обозрение. - 2008. - № 6 (735), - С. 26-31.
2. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F#cite_note-2 (дата обращения: 29.03.2018).

D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F#cite_note-2 (дата обращения: 29.03.2018).

3. «Britain is at centre of global mercenary industry, says charity» (перевод с англ.: Благотворитель говорит, что Британия находится в центре мировой индустрии наемничества), [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/business/2016/feb/03/britain-g4s-at-centre-of-global-mercenary-industry-says-charity> (дата обращения: 29.03.2018).
4. «국가도위협하는전문용병그룹, 민간군사기업» (перевод с кор.: ЧВК – группа наемников – специалистов, угрожающих даже государству), [Электронный ресурс]. URL: <http://4hundredhouse.tistory.com/6> (дата обращения: 29.03.2018).
5. «Трампу предлагают создать частную разведку» [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2018-01-19/1_980_trump.html (дата обращения: 01.06.2018).
6. «Убиты под Мосулом. Американская армия понесла первые боевые потери на иракском фронте» [Электронный ресурс]. URL: www.ng.ru/armies/2016-11-09/1_6854_mosul.html?id_user=Y (дата обращения: 31.05.2018).
7. «Чужая война. Как зарабатывают частные военные компании» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/357417-chuzhaya-voyna-kak-zarabatyvayut-chastnye-voennye-kompanii> (дата обращения: 29.03.2018).
8. «Бывший сотрудник ЧВК: русские в Сирии изменили правила игры» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43232791> (дата обращения: 29.03.2018).
9. «Частные наемные армии США» [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/10853-chastnye-naemnye-armii-ssha.html> (дата обращения: 31.05.2018).
10. «Крестоносцы XXI века» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1219150> (дата обращения: 01.06.2018).
11. «Justice for blackwater victims» (перевод с англ.: Справедливость для жертв Блэкуотер), [Электронный ресурс].

URL: <https://www.nytimes.com/2015/04/15/opinion/justice-for-blackwater-victims.html> (дата обращения: 31.05.2018).

12. «In blackwater case, Court rejects a murder conviction and voids 3 sentences» (перевод с англ.: О деле Блэкуотер, суд отозвал обвинение в убийстве и отменил три приговора). URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/04/world/middleeast/blackwater-contractors-raq-sentences.html> (дата обращения: 31.05.2018).

13. Singer P. W. Corporate warriors: the rise of the privatized military industry. (перевод с англ.: Корпоративные войны: рост приватизации военной индустрии) Ithaca: Cornell univ. press. 2003. P. 91, 93.

14. Доклад, представленный Специальным докладчиком г-ном Энрике Берналесом Бальестересом «Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение», E/CN.4/2004/15, 24 декабря 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/79/479/47995.php> (дата обращения: 29.03.2018).

15. Percy S. Mercenaries: the history of a norm in international relations. (перевод с англ.: Наемники: история нормы в международных отношениях) Oxford: Oxford univ. press. 2007. P. 59; O'Brien K. A. PMCs, myths and mercenaries: The debate on private military companies. (перевод с англ.: Мифы о ЧВК и наемники: дебаты о частных военных компаниях) P. 59; Musah A.-F., Fayemi J. K. Mercenaries an African Security Dilemma (перевод с англ.: Наемники – дилемма безопасности Африки) L.: Pluto Press, 2000. P. 13-42.

16. См. подробнее: Mockler A. The Mercenaries. (перевод с англ.: Наемники) Macmillan, 1969. P. 18; Lynch T., Walsh A. J. The Good Mercenary? // The Journal of Political Philosophy. (перевод с англ.: Хороший наемник?// Журнал Политическая философия). 2000. № 8 (2). P. 133, 137.

17. Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. МККК. 2006. Т.1. с. 500

18. Percy S. там же, с. 58

19. Гребенкин Ф. Б., Старовойтова

Д. А. Соотношение статусов наемника и сотрудника частной военной компании: вопросы правового регулирования и ответственности по Уголовному кодексу Российской Федерации. ЭНИ «ВОЕННОЕ ПРАВО». ВЫПУСК № 3 от 20 октября, 2016 г. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/6253> (дата обращения: 29.03.2018).

20. Закон ЮАР «О регулировании иностранной военной помощи» от 20.05.1998 № 15 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/Law/SouthAfrica6.pdf> (дата обращения: 09.02.2019).

21. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. М. Международный Комитет Красного Креста, 2011. с. 496.

22. [Электронный ресурс]. URL: www.mdforum.ch/en (дата обращения: 09.02.2019).

23. [Электронный ресурс]. URL: https://www.icoca.ch/en/membership?states_governments%5Bstates%5D=states&private_security_companies%5Bcompanies%5D=companies&civil_society_organizations%5Bcsos%5D=csos&area_of_operation=all&headquarter_country=all&keywords=&op=Search&view_type=list&form_build_id=form-aAH0-rjE2FGlyp9h7R6f5BMpeU-IN74v1-Wn8X-0gzl&form_id=_search_for_members_filter_form#search_for_members_list (дата обращения: 09.02.2019).

24. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 05.07.2010 г., п. 48,49,51 UN Doc A/HRC/15/25.

25. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/HRC/15/25&Lang=R (дата обращения: 09.02.2019).

26. «Правительство РФ не подержало законопроект о частных военных компаниях» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/605539> (дата обращения: 31.05.2018).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ

С.Л. НИКОНОВИЧ

SERGEY L. NIKONOVICH

MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW
LEGAL ASPECTS OF PRIVATE MILITARY COMPANIES DEVELOPMENT IN RUSSIA

Сергей Леонидович Никонovich,
доктор юридических наук, доцент,
Профессор ФГКВООУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации.
Email: trapezunt@yandex.ru

Sergey Leonidovich Nikonovich
doctor of law, associate Professor
Professor of University of Military Ministry of defence of the Russian Federation.
Email: trapezunt@yandex.ru

Аннотация: в статье дается анализ нормативно-правовых документов, касающихся деятельности в сфере оказания военных услуг частными военными компаниями в интересах безопасности Российской Федерации, высказываются различные аргументы «за» и «против» национальной законодательной регламентации действий таких компаний.

Abstract. the article analyzes the legal documents relating to the activities in the field of military services by private military companies in the interests of the security of the Russian Federation, expressed various arguments "for" and "against" the national legislative regulation of the actions of such companies.

Ключевые слова: военная организация; военные услуги; частные военные компании;

Keywords: military organization; military services; private military companies;

Экономическое и военно-политическое противостояние США Европейским государствам и России заставляет последних искать адекватные способы эффективного реагирования на новые вызовы. Одним из таких ответов для России является привлечение частных военных компаний для участия в различных боевых операциях за рубежом в целях обеспечения безопасности собственной страны.

До настоящего времени только два государства в мире США и ЮАР имели законодательство, регулирующее деятельность частных военных компаний. Такие компании предназначены для участия в военных конфликтах, происходящих за пределами границ указанных стран, где использовать регулярные войска нецелесообразно из политических соображений.

Как показывает практика, такие под-

разделения хорошо финансируются и добиваются больших успехов, а если они терпят поражение или их участники берут в плен, то официально они не являются военнослужащими соответствующих стран, а страны, направившие их в регион военных действий – не несут за них никакой ответственности.

В Соединенных Штатах предоставление военных услуг регулируется Законом «О контроле над экспортом вооружений» 1976 г. (The Arms Export Control Act - AECA) [1], согласно которому каждая частная военная или охранная компания обязана получить в Госдепартаменте США лицензию для работы за рубежом. В случае получения такой лицензии деятельность компании по выполнению контракта будет контролироваться Государственным департаментом, поскольку все сделки, стоимость которых превышает 50 млн. долларов, подлежат одобрению Конгрессом США.

США имеет богатый опыт деятельности подобных организаций за рубежом. Не исключено, что новым направлением их деятельности может быть привлечение частных военных компаний с целью локализации вооруженных конфликтов внутри страны. Это указано в новой «Оперативной концепции Армии США на 2020-2040 гг.» [2].

В ЮАР деятельность частных военных компаний (далее – ЧВК) или частных военных охранных компаний (далее – ЧВОК) лицензируется Национальным комитетом по контролю над обычными вооружениями согласно Закону «О предоставлении иностранной военной помощи» 1998 года [3].

Британское правительство в 2002 году пополнило Зеленую книгу (Green Paper) документом, о новых подходах к созданию схемы лицензирования ЧВК и ЧВОК.

Современная военная доктрина страны отражает приверженность Российской Федерации принципу использования политических, дипломатических, правовых, экономических, военных и других инструментов защиты национальных интересов государства и его союзников. В военно-политической практике средствами невоенного характера, позволяющими достигать обеспечения военной безопасности, являются институты оказания частных военных услуг. В

России с 2012 года активно разрабатывается законодательное регулирование оказания военных услуг частными организациями в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

ЧВК давно стали важнейшим компонентом силовых структур многих государств. Имеют они достаточно богатую историю и в России. Так, например, дружина Ермака, состоявшая из казаков и являясь, по сути, частной армией, финансируемой купцами Строгановыми для решения экономических задач, в результате продвижения на восток присоединила земли Сибири к России.

Более двух веков для защиты интересов Российской Империи использовалось казачество, которое превратилось в мощную негосударственную военную организацию. Это была мощная развитая система объединения казаков, таких как Яицкие (Уральские) казаки, Донские казаки, Запорожские казаки, Сибирские казаки и др. Казачество наделялось землей, селилось вдоль границ государства и брало на себя обязательства охранять страну от чужеземных вражеских вторжений. Причем, казак, уходя на войну, приобретал оружие и обмундирование исключительно на свои средства или получал помощь от казацкого атамана.

Истории известны случаи успешного применения частных военных флотилий. Так, до середины XIX в. Англия предоставляла каперские патенты частным судовладельцам для ведения боевых действий на территории противника. Например, Ост-Индская коммерческая организация, имела свою частную армию и флот. Таким образом, даже беглый анализ использования частных армий насчитывает несколько столетий.

ЧВК сохранились и после того, как право на насилие стало исключительной прерогативой государства. Их основным полем деятельности стали различные мероприятия, связанные с высоким риском, в условиях самостоятельного военного обеспечения и без прямой силовой поддержки своего государства.

По мере совершенствования систем вооружений, способов и форм ведения вооруженной борьбы вновь появилась ниша для частных военных компаний. Этому способствовал ряд условий.

Во-первых, в последние десятилетия

наметилась тенденция к росту ограничений международно-правового характера, препятствующих или вообще исключающих применение регулярных вооруженных сил. Зачастую оно сопряжено с огромными, неприемлемыми политическими и экономическими потерями.

Во-вторых, наличие ядерного оружия у ряда государств сделало исключительно рискованным предприятием любую агрессию против них с применением регулярных войск. А классическая война с решительными боевыми действиями против государств, обладающих мощным ядерным потенциалом (США, Россия, Китай, Франция, Великобритания), стала вообще невозможной.

В-третьих, появление сил специальных операций, демонстрация их высокой эффективности и универсализма, возможности скрытого их использования без формального перехода к масштабной войне создали предпосылки для возникновения компактных, мобильных и высокопрофессиональных военизированных формирований. Их применение не сопряжено в правовом отношении с началом вооруженного конфликта, нарушением международного права.

В-четвертых, резкий рост значения информационной составляющей межгосударственного противоборства сделал использование регулярных Вооруженных сил чрезвычайно невыгодным и опасным в морально-психологическом отношении, особенно при ведении несправедливых войн. Более того, этот фактор с весьма высокой вероятностью влияет на поражение агрессора даже при подавляющем военно-техническом и количественном превосходстве.

В-пятых, возрождение ЧВК связано с расширением рынка охранных и других услуг, имеющих отношение к обеспечению деятельности вооруженных сил, военной аналитики и подготовки военспецов различного профиля. Расширение спектра такой деятельности естественным образом ведет к втягиванию организаций, предоставлявших такие услуги, в практическую военную деятельность, то есть к превращению их в своеобразные частные армии. Такая тенденция объясняет растущий спрос на военные услуги, когда государство не в состоянии реализовать свои националь-

ные интересы в силовой области в связи с политическими или юридическими сложностями.

Все это предопределило приоритетность применения в современном силовом противостоянии высокопрофессиональных негосударственных формирований.

Частные военные компании представляют собой крупные коммерческие корпорации и небольшие фирмы, предлагающие специальные услуги, связанные с решением задач в условиях ограниченных конфликтов и войн.

Регулирование деятельности ЧВК можно разделить на несколько уровней: международный, региональный, национальный, внутренний.

На международном уровне в вопросах деятельности ЧВК до настоящего времени не существует четких норм, обязывающих государства тем или иным образом регулировать деятельность таких структур.

Наиболее известным международным актом является «Документ Монтрё» [4]. Он юридически не обязателен и не создаёт каких-либо новых международно-правовых норм, поскольку имеет своей целью напомнить о некоторых существующих международно-правовых обязательствах государств. Отдельные положения документа заимствованы из различных международных соглашений, а также из обычного международного права. Важно отметить, что непосредственное участие в его разработке принимали эксперты из 17 стран. Простейший анализ списка этих государств позволяет понять, что главными интересантами появления документа являются страны, в которых деятельность ЧВК наиболее развита и является серьёзным бизнесом (США, Великобритания), а также государства, на территории которых эти компании – собственные или иностранные – активно действуют (Афганистан, Ирак, Сьерра-Леоне).

На региональном уровне правовыми вопросами функционирования ЧВК занимается Совет Европы. Парламентская ассамблея в 2009 году высказала опасения по поводу «размывания» монополии государства на применение силы, но дальше рекомендаций общего характера не пошла.

ЧВК имеют внутренние документы,

регулирующие их деятельность. Они основываются на Международном кодексе поведения частных военных охранных компаний, разработанном в 2010 году, дублирующем рекомендации, изложенные в Документе Монтрё.

На национальном уровне в Российской Федерации на сегодняшний день не существует закона, который регулировал бы деятельность ЧВК, в связи с чем, официального статуса в нашей стране они до сих пор не имеют.

С 2012 г., в России предпринимались попытки принятия трех законопроектов. Первый - «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» № 62015-6 (2012 г.); второй - «О частных военно-охранных компаниях» № 630327-6 (2014 г.); третий - «О частной военно-охранной деятельности» № 952777-6 (2015 г.) [5]. Однако ни один из этих проектов так и не стал законом, поскольку в них не были соблюдены требования части 3 ст. 104 Конституции РФ и ст. 105 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ (отсутствует заключение Правительства Российской Федерации).

Современное российское законодательство не содержит норм, достаточных для регулирования вопросов создания и деятельности частных военных компаний, поскольку Российская Федерация не принимает участие в международных соглашениях, регулирующих деятельность ЧВК, а поэтому международные нормы юридически необязательны для государственных органов и частных лиц.

Сдерживающим фактором развития законодательства о деятельности ЧВК является ст.ст. 208, 359 УК РФ, одна из которых под угрозой уголовного наказания запрещает создание вооруженного формирования, другая – наемничество.

Препятствует созданию соответствующих правовых документов и п. 9 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ, запрещающий создание военных формирований [6]. Статья закона основывается на ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, согласно которой запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели и задачи которых направлены на создание вооруженных формирований.

Не способствует созданию закона о

ЧВК Федер. закон РФ «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ, который позволяет частным охранным организациям приобретать только служебное оружие (обращение боевого оружия запрещено) [7].

Таким образом, согласно действующему законодательству частная военная деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

Вместе с тем, правовая регламентация деятельности ЧВК нашей стране все же необходима.

Основными направлениями развития рассматриваемого законодательства видятся следующие:

Во-первых, Российской Федерации необходимо инициировать принятие конвенции ООН о частных военных компаниях, затем имплементировать нормы международного права в национальное законодательство. Однако, учитывая современную международную обстановку, это сделать, на наш взгляд, будет крайне затруднительно.

Во-вторых, принять специальный закон о частной военной деятельности с внесением соответствующих поправок в УК РФ и другие законодательные акты, упорядочив деятельность национальных частных военных компаний за рубежом, при этом целесообразно такую деятельность приравнять к экспорту военной продукции и лицензировать ее.

В связи с этим необходимо дополнить Федер. закон РФ от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» нормами, разрешающими приобретение и/или получение частными детективными (сыскными) и охранными предприятиями с особыми уставными целями ручного боевого огнестрельного оружия и боеприпасов к нему.

Инициировать внесение изменений и дополнений в подзаконные нормативные правовые акты.

Целесообразно дополнить постановление Правительства РФ от 22 апреля 1997 г. № 460 «О мерах по обеспечению юридических лиц с особыми уставными задачами боевым ручным стрелковым оружием» [8] и постановление Правительства РФ от 15 октября 1997 г. № 1314 «Об утверждении правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия

в государственных военизированных организациях» [9] нормами, регламентирующими порядок приобретения и/или получения частными военными компаниями ручного боевого огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, а также правила учета приобретения и/или получения, контроля использования и применения, оборота (ремонта, утилизации, списания поврежденного и утраченного) ручного боевого огнестрельного оружия.

В-третьих, необходимо принять постановление Правительства Российской Федерации о: 1) перечне субъектов хозяйственной деятельности, имеющих право на оказание военных услуг в интересах военной безопасности; 2) перечне военных услуг, оказываемых частными организациями подразделениям, частям и соединениям Вооруженных Сил Российской Федерации в интересах обеспечения военной безопасности; 3) возможности создания следующих видов ЧВК: а) оказывающих военные услуги, по решению специальных задач, с участием в боевых или миротворческих операциях; б) охранных, в компетенцию которых входят безопасность объектов, обучение и предоставление телохранителей, разминирование; в) решающих задачи тылового обеспечения в зонах боевых действий, миротворческих операциях; г) специальной подготовки, обучения специалистов по отдельным отраслям для Вооруженных сил, спецслужб и других ЧВК; е) казачьих, предназначенных для территориальной обороны по планам военных округов в мирное и военное время, а также выполнения задач поддержания боевой и мобилизационной готовности.

В-четвертых, издание внутриведомственных приказов: 1) приказа Министерства обороны Российской Федерации «Об утверждении инструкции о порядке привлечения частных военных организаций для оказания военных услуг воинским частям и подразделениям Вооруженных Сил Российской Федерации»; 2) приказа Министерства обороны Российской Федерации «Об утверждении инструкции руководителям частных военных организаций по определению порядка взаимодействия с органами военного управления при оказании военных услуг».

Если Правительство РФ решит принять Федер. закон РФ «О частных военно-охранных компаниях» то это потребует: 1) принятия Федерального закона «О единой информационной системе мониторинга деятельности частных военно-охранных компаний». 2) внесения изменений в следующие акты федерального законодательства: Конституцию РФ; Уголовный кодекс Российской Федерации; Налоговый кодекс Российской Федерации; Федер. закон РФ от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [10]; Федер. закон РФ от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» [11]; Федер. закон РФ от 14.04.1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» [12]; Федер. закон РФ от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»; Федер. закон РФ от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [13]; Федер. закон РФ от 11.03.1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [14].

В-пятых, на уровне административных документов, определяющих использование военных услуг для выполнения задач военной организацией необходимо: а) внесение изменений в Наставление по службе штабов соединений и частей Сухопутных войск в части порядка планирования, учета и отчетности по вопросам привлечения частных организаций к оказанию военных услуг воинским частям; в) внесение изменений в Боевой устав Сухопутных войск с указанием места и роли военных услуг военного назначения при построении боевого порядка, отдачи боевого приказа, организации взаимодействия.

Очевидно, что в Российской Федерации закон о ЧВК необходим. ЧВК не подменяют традиционную армию, поэтому политикам и законодателям при рассмотрении этого вопроса необходимо совершенно четко определить цели и задачи, которые могут решать эти структуры.

В случае правовой регламентации деятельности ЧВК, такие подразделения способны принять активное участие в защите национальных интересов Российской Федерации за пределами стра-

ны, развивать международное военное сотрудничество, снижать уровень военных и террористических угроз путем выполнения и оказания военно-охранных работ и услуг. С учетом современной международной обстановки их могли бы использовать в операциях по противодействию наркотрафику, организованной преступности, по восстановлению общественного и конституционного порядка в государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. For The AECA and the International Traffic in Arms Regulations, see Code of Federal Regulations, vol. 22, Parts 1 to 299, US National Archives (the ITAR is updated regularly) [Электронный ресурс] // URL: <https://everything2.com/title/Arms+Export+Control+Act> (дата обращения: 01.02.2019)
2. Оперативная концепция Армии США на 2020-2040 гг. от 31 октября 2014 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://public.wikireading.ru/123625> (дата обращения: 01.02.2019)
3. О предоставлении иностранной военной помощи: Закон ЮАР 1998 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/foreign+military+assistance> (дата обращения: 01.02.2019)
4. Документ Монтрё. О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооружённого конфликта. 17 сентября 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.eda.admin.ch/dam/eda/ru/documents/topics/Montreux-document-complet_ru.pdf (дата обращения: 01.02.2019)
5. О частной военно-охранной деятельности: проект Закона 2015 г. № 952777-6 (не был принят) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=139674#05242231897226477> (дата обращения: 01.02.2019)
6. Об обороне: Федер. закон РФ от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.mchs.gov.ru/law/Federalnie_zakoni/item/5378613 (дата обращения: 01.02.2019)
7. Об оружии: Федер. закон РФ от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <https://dokumenty24.ru/zakony-rf/zakon-ob-oruzhii.html> (дата обращения: 01.02.2019)
8. О мерах по обеспечению юридических лиц с особыми уставными задачами боевым ручным стрелковым оружием: постановление Правительства РФ от 22 апреля 1997 г. № 460 [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14218/ (дата обращения: 01.02.2019)
9. Об утверждении правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военнизированных организациях: постановление Правительства РФ от 15 октября 1997 г. №1314 [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16460/ (дата обращения: 01.02.2019)
10. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федер. закон РФ от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=318780> (дата обращения: 01.02.2019)
11. О Федеральной службе безопасности: Федер. закон РФ от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ. [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6300/ (дата обращения: 01.02.2019)
12. О ведомственной охране: Федер. закон РФ от 14.04.1999 г. №77-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22716/ (дата обращения: 01.02.2019)
13. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон РФ от 05.04.2013 г. №44-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 01.02.2019)
14. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон РФ от 11.03.1992 г. № 2487-1 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/ (дата обращения: 01.02.2019)

УДК 340; 341.3

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. ЗЕМЛИН

ALEKSANDR I. ZEMLIN

DEFENSE AND SAFETY

ABOUT SOME ASPECTS OF REALIZATION OF THE STATE ANTI-CORRUPTION POLICY
IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Землин Александр Игоревич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Zemlin.Aldr@yandex.ru

Zemlin Aleksandr Igorevich, Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation
Email: Zemlin.Aldr@yandex.ru

Аннотация. Предметом инициативного научного исследования выступают правовые отношения, возникающие по поводу и в процессе реализации Национального плана противодействия коррупции в РФ на 2018 - 2020 гг. Сделаны выводы о перспективных направлениях противодействия коррупции в Вооруженных силах РФ в свете реализации требований Национального плана противодействия коррупции в РФ на 2018 - 2020 гг., раскрыты отдельные проблемы и противоречия в антикоррупционном законодательстве, предложены пути их устранения.

Ключевые слова: противодействие коррупции; государственная политика в области противодействия коррупции; система предупреждения коррупции; коррупционные риски; эффективность антикоррупционной деятельности в Вооруженных силах Российской Федерации

Abstract. Article contains some results of study of legal problems and legal relations arising in an occasion and during implementation of the National plan of anti-corruption in the Russian Federation for 2018 - 2020 act as a subject of initiative scientific research. Conclusions are drawn on the perspective directions of anti-corruption in the Armed Forces of the Russian Federation in the light of implementation of requirements of the National plan of anti-corruption in the Russian Federation for 2018 - 2020, separate gaps and contradictions in the anti-corruption legislation are opened, ways of their elimination are offered.

Keywords: anti-corruption; state policy in the field of anti-corruption; system of prevention of corruption; corruption risks; efficiency of anti-corruption activity in the Armed Forces of the Russian Federation

В настоящее время особое значение коррупционных угроз для развития российского общества и государства в полной мере осознано высшими должностными лицами государства. В частности, еще пять лет назад, определяя основные направления правоохранительной деятельности, В.В. Путин указал на то, что

«главное сейчас - борьба с коррупцией. Дело не в том, что коррупция наносит ущерб экономике и что страдают граждане - это конечно плохо, но страшнее то, что эти преступления подрывают сами государственные основы России. И бороться с ними - чрезвычайно важная не только профессиональная, но и полити-

ческая задача» [1].

Не теряет своего значения вопрос противодействия коррупции и в настоящее время. Более того, «антикоррупционная карта», как никогда, часто разыгрывается в последнее время в процессе геополитической и информационной борьбы с Россией, организованной отдельными государствами. Так, несмотря на предпринимаемые Российской Федерацией меры, отводимое ей место в рейтинге, рассчитываемом негосударственной международной организацией «Транспэрэнси Интернэшнл», весьма невысоко. В частности, в 2017 г. согласно индексу восприятия коррупции Россия находилась на 135-м месте, в 2016 г. - на 131-м месте наряду с Ираном, Казахстаном, Непалом и Украиной. Учитывая то обстоятельство, что в 2015 г. России было отведено 143-е место из 182 стран (между Угандой и Нигерией), можно отметить, что прогресс не слишком велик. Естественно, такого рода оценка результатов деятельности по противодействию коррупции в России небесспорна, учитывая дискуссионность вопроса о независимости поименованной международной экспертной организации, связанной с источниками финансирования деятельности «Транспэрэнси Интернэшнл». К таковым, как указано на сайте организации, относятся государственные организации, негосударственные фонды и коммерческие организации [2]. Российское отделение Transparency International существует с 1999 г. в форме автономной некоммерческой организации «Центр «Транспэрэнси Интернэшнл - Р» (Центр «ТИ-Р»), внесенной Министерством юстиции Российской Федерации в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента» [2].

На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры, состоявшемся 15 февраля 2018 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин подтвердил ранее обозначенную позицию, указав, что важнейшим направлением деятельности прокуратуры является противодействие коррупции. «Здесь необходима грамотная, профессиональная работа на всех этапах – от профилактики преступлений до поддержания обвинения в суде. В прошлом году по материалам прокурорских проверок было возбуждено 3,8 тысячи уголовных дел антикоррупционного ха-

рактера» [4].

При определении степени значимости вопроса противодействия коррупции именно в Вооруженных силах следует учитывать несколько обстоятельств. В частности, общеизвестное высказывание Ф. Энгельса о том, что армия – осколок общества, зеркало общественных отношений, господствующих в стране, может и должно быть дополнено указанием на то, что армейская действительность, ригоричность правового регулирования воинских отношений, а также традиционная закрытость военных организаций и институтов придает общественным отношениям, складывающимся в процессе и по поводу функционирования военной организации государства и ее структурных элементов, предельно концентрированный характер. Именно этим обстоятельством детерминированы такие явления феноменального характера, как массовый героизм и самопожертвование военнослужащих в условиях защиты Отечества. При этом максимальную степень проявления получают не только положительные черты, присущие обществу на соответствующем этапе его исторического развития, но и отрицательные его характеристики. Продолжая закономерную цепь умозаключений, следует признать логичным и основательным вывод о возможности гипертрофированного проявления также и негативных явлений, характерных для общества. Правоприменительная практика показывает, что коррупционные правонарушения нашли свое весьма широкое распространение и в армейских условиях. Об этом, в частности, свидетельствуют общеизвестные факты коррупции с участием различных категорий военнослужащих и государственных гражданских служащих Вооруженных сил.

Значимость исследуемого нами вопроса подтверждается еще и тем обстоятельством, что в положениях Национального плана противодействия коррупции в Российской Федерации на 2018 - 2020 гг., утвержденного указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378, неоднократно используется термин «государственная политика в области противодействия коррупции», что дает достаточные основания для признания факта легализации государственной по-

литики в области противодействия коррупции как составляющей государственной политики Российской Федерации в целом.

Данный факт следует особо отметить в связи с тем, что 30 июля 2018 г. указом Президента Российской Федерации в структуре Министерства обороны Российской Федерации создано Главное военно-политическое управление, которое «организует военно-политическую работу в Вооруженных силах». Отмечается, что «главная цель создаваемых военно-политических органов заключается в формировании воина-государственника – надежного и преданного защитника Отечества, носителя традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества – государственности, духовности и патриотизма» [5].

В открытых источниках информации отмечается, что, как следует из проекта положения, к компетенции Главного военно-политического управления предполагается отнести информационно-разъяснительную работу по «актуальным вопросам государственной внутренней и внешней политики ...», «военно-социологические исследования для оценки морально-политического и психологического состояния военнослужащих», «профилактику отклоняющегося поведения», а также предупреждение «негативных социальных процессов» в воинских коллективах [6].

Следует предположить, что, поскольку антикоррупционная политика может быть исключительно составляющей государственной политики в целом, вопросы ее реализации в Вооруженных силах могут быть отнесены к компетенции Главного военно-политического управления.

Анализ положений Национального плана противодействия коррупции на 2018 - 2020 гг. приводит к выводам о тех направлениях в этой сфере, которые являются наиболее значимыми и неотложными в современных условиях.

Напомним, что к числу задач, поставленных в указе Президента Российской Федерации, отнесены: повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популя-

ризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания;

систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции.

Согласно пункту 20 Национального плана Правительству Российской Федерации предписано подготовить предложения о внесении в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих утверждение типовых дополнительных профессиональных программ по вопросам противодействия коррупции.

Таким образом, первоочередной задачей является подготовка и утверждение дополнительных профессиональных программ по вопросам противодействия коррупции, ориентированных: во-первых, на военнослужащих, впервые поступивших на военную службу по контракту; во-вторых, на государственных служащих, впервые поступивших на государственную службу для замещения должностей, включенных в перечни должностей, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации; руководителей и работников организаций и предприятий, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации, замещающих должности, включенные в перечни должностей, которые установлены нормативными правовыми актами Российской Федерации и на которые распространяются ограничения, требования и запреты антикоррупционного характера.

Согласно тому же пункту Правительство Российской Федерации обязывается обеспечить включение в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования, среднего профессионального и высшего образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся компетенции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности - содействовать пресечению такого поведения. Доклад о результатах исполнения данного положения должен быть представлен до 1 июля 2019 г.

В связи со сказанным крайне срочной задачей следует признать внесение во все образовательные программы высшего образования, реализуемые в военных образовательных организациях, компетенций предположительно следующего содержания:

- осознание социальной значимости своей будущей профессии, понимание основных направлений антикоррупционной политики государства, проявление нетерпимости к коррупционному поведению в воинских коллективах, уважительного отношения к праву и закону, обладание достаточным уровнем профессионального правосознания и антикоррупционной правовой культуры;

- способность реализовывать антикоррупционную политику государства, осуществлять антикоррупционное воспитание военнослужащих, выявлять коррупционное поведение, давать ему оценку, содействовать пресечению проявлений коррупции в воинских коллективах.

В целях формирования данных компетенций на старших курсах обучения по всем направлениям подготовки и специальностям, реализуемым в военных образовательных организациях, целесообразно в рамках дисциплины «Правоведение» предусмотреть изучение темы (модуля) «Противодействие коррупции в воинских коллективах».

В учебных планах программ направления подготовки и специальностям, связанным с последующей деятельностью выпускника в сфере юриспруденции, а также военно-политической работы, реализуемым в Военном университете (уровень бакалавриата и специалитета), в базовую часть учебных планов было бы целесообразно ввести дисциплину «Организационно-правовые основы реализации антикоррупционной политики государства и противодействия коррупции в воинских коллективах».

В учебных планах программ подготовки магистрантов и адъюнктов, по нашему мнению, следует предусмотреть дисциплину «Актуальные проблемы противодействия коррупции в Вооруженных силах».

Представляется, что вопросы противодействия коррупции в Вооруженных силах также следует рекомендовать к более подробному изучению в рамках

военно-политической подготовки военнослужащих различных категорий. При этом видится обоснованным предложение инициировать вопрос о разработке в Военном университете учебников по модулям, реализация которых может быть осуществлена в рамках военно-политической подготовки военнослужащих. Например, по модулю «Основы государственной политики в сфере противодействия коррупции в Вооруженных силах» (для военнослужащих по призыву); модулю «Правовые основы противодействия коррупции в Вооруженных силах» (для военнослужащих по контракту); модулю «Организационно-правовые противодействия коррупции в воинских коллективах» (для офицеров). Также целесообразно подготовить учебное пособие «Правовые средства реализации государственной антикоррупционной политики в Вооруженных силах» для гражданского персонала Вооруженных сил.

Подпунктом г. пункта 20 Национального плана Правительству Российской Федерации предписано обеспечить утверждение и реализацию программы по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2018 - 2019 гг. Поскольку доклад о результатах исполнения данного подпункта предложено представить Президенту Российской Федерации до 1 марта 2020 г., постольку работа эта также носит неотложный характер.

Подпункт д. того же пункта требует реализовать комплекс мероприятий, направленных на качественное повышение эффективности деятельности пресс-служб федеральных государственных органов по информированию общественности о результатах работы соответствующих органов, подразделений и должностных лиц по профилактике коррупционных и иных нарушений, а подпункт е предписывает подготовить предложения о совершенствовании взаимодействия федеральных органов государственной власти, осуществляющих противодействие коррупции в пределах своих полномочий, с субъектами общественного контроля. Указанные вопросы, несомненно, должны стать предметом осмысления и последующего исполнения компетентными структурами Министерства обороны Российской Федерации.

Таким образом, принимая во внимание

то обстоятельство, что противодействие коррупции в настоящее время признано важнейшей политической задачей, а антикоррупционная политика рассматривается в качестве составляющей государственной политики Российской Федерации, следует считать работу по научному анализу вопросов противодействия коррупции в Вооруженных силах, разработке правовых и организационных основ государственной антикоррупционной политики в органах и организациях, в которых законодательно предусмотрено прохождение военной службы, а также формированию у военных специалистов, гражданских служащих Министерства обороны Российской Федерации, а также лиц гражданского персонала ВС РФ компетенций антикоррупционной направленности важным направлением деятельности военно-политических органов, в научном, дидактическом и методическом сопровождении которой может и должен оказать помощь научно-педагогический коллектив Военного университета.

С учетом положений Национального плана, опыта организации антикоррупционной деятельности в органах государственной власти, миссии Военного университета представляется обоснованной постановка вопроса о создании в Военном университете научно-образовательного структурного подразделения без прав юридического лица, предназначенного для осуществления научно-исследовательской и образовательной деятельности, соответствующей положениям Национального плана и Устава Военного университета. Целесообразно

рассмотреть необходимость привлечения Центра к участию в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов военного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании коллегии Генеральной прокуратуры // Российская газета. 2013. 6 марта.
2. Официальный сайт Transparency International [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org.ru>.
3. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, H.R. 3364 (Закон о противодействии российскому влиянию в Европе..Политический анализ и прогноз Полный перевод на русский) [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.rusrand.ru>.
4. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры 15 февраля 2018 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54035>.
5. Замминистра обороны назвал основные задачи новых военно-политических органов ВС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5514456>.
6. «Пропаганда против экстремизма»: чем займется политуправление Шойгу // Политика 4.09.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/09/2018/5b8d247d9a79478151f3fc2d>

УЧАСТИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ И ОБЩЕСТВЕННО- ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В.В. КОЗЛОВ

VADIM V. KOZLOV

MILITARY ADMINISTRATIVE LAW
PARTICIPATION OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE
ACTIVITIES OF PUBLIC ASSOCIATIONS AND PUBLIC-STATE ORGANIZATIONS

Козлов Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент ФГКВООУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Kozlov Vadim Viktorovich, Cand. Sc. (Law), Associate Professor of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. В статье с использованием системно-правового и формально-догматического анализа законодательства, регулирующего статус военнослужащих и противодействие коррупции, исследованы актуальные вопросы реализации права военнослужащих на участие в деятельности общественных объединений и общественно-государственных организаций. В целях профилактики коррупционных правонарушений выдвигаются предложения, направленные на совершенствование норм военно-административного права, регулирующих участие военнослужащих в деятельности, не обусловленной обязанностями военной службы.

Ключевые слова: военнослужащие; общественные объединения; организации; военно-административное право; профилактика коррупции.

Abstract. In the article with the use of system-legal and formal-dogmatic analysis of the legislation regulating the status of servicemen and anti-corruption, the topical issues of realization of the right of servicemen to participate in the activities of public associations and public-state organizations are studied. In order to prevent corruption offenses, proposals aimed at improving the rules of military administrative law governing the participation of military personnel in activities not conditioned by the duties of military service are put forward.

Keywords: military personnel; public associations; organizations; military administrative law; prevention of corruption.

Каждый гражданин имеет конституционное право на объединение (ст. 30) [1]. Это право включает в себя право граждан вступать в существующие общественные объединения или создавать на добровольной основе такие объединения для достижения общих целей и защиты

общих интересов [3].

Вместе с тем специфика военной службы как профессиональной служебной деятельности граждан в Вооруженных Силах Российской Федерации предопределяет особенности ее прохождения, а также особый правовой статус лиц,

проходящих военную службу. В силу указанных обстоятельств российским законодательством предусмотрена система правоограничивающих норм, обусловленная задачами и принципами организации военной службы, направленными, в том числе, на обеспечение должного исполнения военными служащими компетенций в сфере обороны и безопасности государства.

В целом, в сфере государственной службы посредством правовых ограничений необходимые требования устанавливаются в отношении государственных служащих различных видов государственных служб, в т. ч. военной и государственной гражданской службы.

Основные цели установления ограничений определены ст. 55 Конституции Российской Федерации. В рамках рассмотрения вопроса обеспечения обороны и безопасности государства необходимо особо выделить антикоррупционные ограничения, которые направлены:

- на нейтрализацию порождающих коррупцию причин, а также создание условий для выполнения гражданами требований антикоррупционного поведения, что обеспечивается в необходимых случаях применением мер государственного принуждения;
- на формирование соответствующих потребностям времени организационно-правовых основ борьбы и профилактики коррупции, устранение пробелов в правовом регулировании в области противодействия коррупции;
- на предупреждение и пресечение коррупционных правонарушений, а также минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных деяний.

Необходимость исследования правовых ограничений, связанных с военной службой, обусловлена как практической значимостью их установления, так и их ролью в правовом регулировании общественных отношений, связанных с военной службой. Так, еще А.Д. Градовский указывал, что «нахождение на службе сопряжено <...> с ограничениями некоторых частных прав. Ограничения эти выте-

кают прежде всего из того соображения, что власть, сопряженная с должностью, не должна быть обращена в средство извлечения каких-либо частных выгод и что должностное лицо должно ставить себя выше всяких подозрений в этом отношении» [19].

Система антикоррупционных ограничений в отношении военнослужащих реализована в Федеральных законах от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [6] и от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [7]. В связи с ратификацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. [17] и Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [18], а также принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [10] на военнослужащих были распространены запреты, ограничения и обязанности, установленные Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [9]. Дальнейшее совершенствование системы антикоррупционных запретов, ограничений и требований осуществляется в рамках реализации Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 гг., утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 [12].

Вышеизложенное предопределяет существование правовых ограничений в реализации права военнослужащих на участие в деятельности общественных объединений, а также наличие некоторых критериев в отношении таких объединений.

Возможность военнослужащих состоять в общественных, в том числе религиозных, объединениях была предусмотрена с момента принятия Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (п. 2 ст. 9). Аналогичное положение содержалось и в ранее действовавшем Законе Российской Федерации от 22 января 1993 г. № 4338-1 «О статусе военнослужащих» [2].

Определенная новелла военного законодательства связана с принятием Федерального закона от 3 апреля 2017 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции» [11] и внесении изменений в федеральные законы «О статусе военнослужащих» (п. 3 ст. 9) и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (подп. 3 п. 1 ст. 17) в части определения порядка реализации права военнослужащих и гражданских служащих на участие в управлении общественно-государственными организациями и иными некоммерческими организациями.

Внесенные изменения представляют интерес для проведения анализа подходов к регулированию правоотношений, связанных с участием военнослужащих в объединениях и организациях, которые необходимо рассматривать с учетом взаимосвязи военного законодательства и законодательства о государственной гражданской службе.

Общественные объединения являются одной из форм некоммерческих организаций [4], под которыми понимаются добровольные и самоуправляемые формирования, созданные на основе общности интересов и по инициативе граждан для реализации общих, указанных в уставе объединения целей [3]. Данные объединения создаются в форме общественных организаций, движений, фондов, учреждений, органов общественной самостоятельности и политических партий. Они вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, при этом извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности выступать не может. Кроме того, полученная прибыль распределяется между ее участниками не должна.

Законодательно установлены ограничения на деятельность определенных видов общественных объединений (организаций):

- во-первых, в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Фе-

деральным законом «Об общественных объединениях» запрещены создание и деятельность объединений, цели или действия которых направлены против основ конституционного строя, безопасности общества и государства. В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» перечень общественных объединений, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято решение о запрете деятельности или ликвидации, публикует Министерство юстиции Российской Федерации [8];

- во-вторых, ст. 24 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [5] установлены необходимые ограничения деятельности общественных объединений и политических партий в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

Требования к военнослужащим ограничивающего характера в рассматриваемой сфере заключаются в следующем:

- военнослужащие не должны участвовать в деятельности политических партий и иных общественных объединений, преследующих политические цели;

- военнослужащие не должны участвовать в указанной деятельности при исполнении обязанностей военной службы (должностных, специальных), а также случаях, предусмотренных ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»;

- с учетом требований п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие не имеют право получать доход от участия в деятельности общественных объединений, использовать финансовые средства, имущество воинской части и служебное положение в интересах общественных объединений, политических партий, а также для пропаганды отношения к ним;

- с учетом требований подп. 7 п. 1 ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» военнослужащим необ-

ходимо соблюдать нейтральность в целях исключения влияния на свою служебную деятельность решений общественных объединений и иных организаций.

Следует отметить, что правовыми актами не предусмотрено получение разрешения или направление уведомления военными при участии в деятельности таких объединений.

Несколько иной подход предусмотрен при участии военных в деятельности общественно-государственных организаций, т. е. общественных объединений, созданных с участием государства.

Отмечается незавершенный характер регулирования деятельности таких организаций, так как в принятом в 1995 г. Федеральном законе «Об общественных объединениях», где предусматривалась разработка специального федерального закона о государственно-общественных и общественно-государственных объединениях. До настоящего времени деятельность указанных организаций регулируется названным Законом и нормативными правовыми актами органов государственной власти (ст. 5, 51).

Реализация права военных на участие в деятельности общественно-государственных организаций осуществляется при соблюдении определенных условий, предъявляемых и к организациям, и к военным. Основные требования предусмотрены п. 3 ст. 9 Федерального закона «О статусе военных» и приказом министра обороны Российской Федерации от 30 октября 2017 г. № 653 «Об утверждении Порядка участия военных ВС РФ на безвозмездной основе в управлении общественно-государственными организациями, осуществляющими развитие военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта» [13].

В частности, данные организации должны заниматься развитием военно- и служебно-прикладных видов спорта, что отражается в качестве уставных целей. Перечень указанных видов спорта, а также федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих руководство

развитием этих видов спорта, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2009 г. № 695 [14]. Например, Министерство обороны Российской Федерации осуществляет развитие таких видов военно-прикладного спорта, как международное военно-спортивное многоборье, армейский рукопашный бой, стрельба из табельного оружия и др.

Перечень общественно-государственных организаций (объединений), отвечающий критериям Федерального закона «О статусе военных», отсутствует. В качестве примеров организаций, уставные цели которых предусматривают рассматриваемую деятельность, следует назвать Общероссийскую общественно-государственную организацию «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» (ДОСААФ) [15] и Общественно-государственное объединение «Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо»». Согласно уставу ДОСААФ к его руководящим органам относятся: Съезд (высший руководящий орган), который созывается, как правило, один раз в пять лет; Центральный совет (постоянно действующий орган) – созывается не реже одного раза в год; Президиум Центрального совета – созывается не реже одного раза в полугодие; Бюро Президиума Центрального совета, которое руководит повседневной деятельностью организации и проводит заседания не реже одного раза в квартал; аппарат Центрального совета ДОСААФ, который обеспечивает текущую деятельность организации.

Основные требования, предъявляемые к военным при участии в управлении общественно-государственными организациями, заключаются в следующем:

- военные могут принимать участие в управлении данными организациями с разрешения уполномоченного должностного лица, полученного в порядке, установленном приказом министра обороны Российской Федерации от 30 октября 2017 г. № 653;

- в случае получения разрешения военнослужащие должны участвовать в управлении организациями в соответствии с учредительными документами данных организаций;

- деятельность военнослужащих должна осуществляться на безвозмездной основе;

- участие в деятельности таких организаций не должно приводить к возникновению конфликта интересов и ухудшению выполнения военнослужащими должностных обязанностей;

- военнослужащие не должны использовать финансовые средства и имущество воинской части, служебное положение в интересах данных организаций, а также для пропаганды отношения к ним;

- военнослужащие должны своевременно докладывать уполномоченным должностным лицам ВС РФ о прекращении своей деятельности по управлению соответствующими организациями.

Процедура принятия решения о возможности участия военнослужащего в управлении общественно-государственной организацией в целом заключается в следующем:

- военнослужащий должен оформить рапорт на имя министра обороны Российской Федерации или должностного лица ВС РФ, которому предоставлено право по назначению на воинские должности (далее должностные лица Вооруженных сил), и направить рапорт в подразделение Вооруженных Сил по профилактике коррупционных правонарушений. В рапорте указываются сведения об организации, включая наименование организации, ОГРН, ИНН, КПП, вид ее деятельности и адрес регистрации, обосновывается необходимость участия в ее деятельности, декларируется безвозмездность деятельности военнослужащего, а также сообщается периодичность и время (служебное или внеслужебное) участия в деятельности такой организации;

- подразделение по профилактике коррупционных правонарушений на основании поступившего рапорта в течение месяца готовит мотивированное заклю-

чение. Для уточнения сведений может быть проведено собеседование с военнослужащим и получение от него необходимых письменных пояснений;

- уполномоченным должностным лицом Вооруженных Сил на основании заключения принимается решение о возможности участия военнослужащего в управлении общественно-государственной организацией или об отказе в этом;

- подразделение по профилактике коррупционных правонарушений в семидневный срок направляет военнослужащему информационное письмо о принятом должностным лицом Вооруженных Сил решении. Рапорты, представленные документы и копии решений приобщаются к личным делам военнослужащих.

В случае если военнослужащий избран в орган управления организации без получения разрешения должностного лица Вооруженных Сил, например, при выдвижении его кандидатуры непосредственно в ходе заседания органов управления такой организации, то данный военнослужащий обязан в течение трех рабочих дней подать рапорт уполномоченному должностному лицу и представить документы, подтверждающие его избрание.

При прекращении полномочий военнослужащие обязаны в течение трех рабочих дней подать в подразделение по профилактике коррупционных правонарушений подтверждающие данный факт документы. Также представляется, что если организация прекратила осуществлять функции по развитию военно- и служебно-прикладных видов спорта и отразила соответствующие изменения в учредительных документах, то военнослужащий обязан принять меры по прекращению полномочий в органе управления соответствующей организации.

Актуальным является вопрос юридической ответственности военнослужащих в случае нарушения установленных антикоррупционных требований в сфере участия в деятельности общественных объединений и общественно-государственных организаций.

В целом, к военнослужащему могут

быть применены взыскания в виде выговора при малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения, а также в виде увольнения с военной службы в случаях, предусмотренных подп. д.1 и д.2 п. 1 и подп. е.1 п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

В частности, подп. «е.1» п. 2 ст. 51 указанного Федерального закона предусмотрено, что военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Взыскание применяется на основании результатов проверки, проведенной подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а при необходимости с учетом рекомендации комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов.

При проведении проверки и квалификации правонарушения следует учитывать, что п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусматривает, с некоторыми оговорками, запреты на занятие другой оплачиваемой деятельностью, использование служебного положения и государственного имущества в интересах общественных объединений и не содержит прямого запрета на участие в деятельности общественно-государственных организаций без разрешения уполномоченного должностного лица ВС РФ.

Вместе с тем такой запрет можно найти, если обратиться к ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих», которая корреспондирует к подп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в котором и содержится положение, согласно которому участие на безвозмездной основе в управлении некоммерческими организациями в качестве единоличного исполни-

тельного органа или вхождение в состав их коллегиальных органов управления должно осуществляться с разрешения представителя нанимателя в установленном правовыми актами порядке.

Подведем итоги рассматриваемого вопроса.

Уполномоченным должностным лицам ВС РФ при проведении мероприятий по предупреждению коррупции необходимо осуществлять комплекс организационных и разъяснительных мер, направленных на исполнение военнослужащими обязанностей и соблюдение запретов и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции, в том числе, в сфере реализации права участвовать в деятельности общественных объединений и общественно-государственных организаций. Данные мероприятия следует осуществлять во взаимодействии с органами прокуратуры, которые в пределах своих полномочий координируют деятельность по профилактике коррупции и борьбе с коррупционными правонарушениями.

Произошедшие изменения правового регулирования взаимодействия военнослужащих с общественно-государственными организациями носят достаточно узконаправленный характер и в настоящее время непосредственно связаны со сферой служебно- и военно-прикладных видов спорта, руководство развитием которых осуществляется федеральными органами исполнительной власти. В целях профилактики коррупционных правонарушений представляется актуальным более четкое, с учетом имеющихся подходов, урегулирование отношений, связанных с участием военнослужащих в деятельности общественных объединений и общественно-государственных организаций, осуществляющих иные виды социально значимой деятельности, в частности, отвечающей интересам государственной политики России в сфере укрепления и развития системы патриотического воспитания россиян и укрепления престижа военной службы [16].

Для устранения некоторых пробле-

лов военного законодательства и актуализации норм, регулирующих вопросы привлечения военнослужащих к юридической ответственности, по нашему мнению, является целесообразным внести дополнения в подп. е.1» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», установив, что военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, предусмотренных не только п. 7 ст. 10, ст. 27.1, но и п. 3 ст. 9 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция РФ : принята всеобщим голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. О статусе военнослужащих : закон РФ от 22 янв. 1993 г. № 4338-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 6. Ст. 188.
3. Об общественных объединениях : Федер. закон РФ от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
4. О некоммерческих организациях : Федер. закон РФ от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
5. Об обороне : Федер. закон РФ от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.
6. О статусе военнослужащих : Федер. закон РФ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
7. О воинской обязанности и военной службе : Федер. закон РФ от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
8. О противодействии экстремистской деятельности : Федер. закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
9. О государственной гражданской службе РФ. : Федер. закон РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
10. О противодействии коррупции : Федер. закон РФ от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.
11. О внесении изменений в отдель-

ные законодательные акты РФ в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции : Федер. закон РФ от 3 апр. 2017 г. № 64-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 15. Ст. 2139.

12. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы: Указ Президента РФ от 29 июня 2018 № 378 // Собр. законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.

13. Об утверждении Порядка участия военнослужащих ВС РФ на безвозмездной основе в управлении общественно-государственными организациями, осуществляющими развитие военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201711270022> (дата обращения: 25.06.2018).

14. Об утверждении перечня военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта и федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих руководство развитием этих видов спорта: постановление Правительства РФ от 20 авг. 2009 г. № 695 // СЗ РФ. 2009. № 35. Ст. 4246.

15. Об Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России»: постановление Правительства РФ от 28 нояб. 2009 г. № 973 // СЗ РФ. 2009. № 49. Ст. 5969.

16. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016–2020 годы: постановление Правительства РФ от 30 дек. 2015 г. № 1493 // СЗ РФ. 2016. № 2. Ст. 368.

17. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173 (Страсбург, 27 янв. 1999 г.) // Собр. законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.

18. Конвенция ООН против коррупции (принята ГА ООН 31 окт. 2003 г.) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

19. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1881. Т. 2. С. 106.

МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ, СОВЕРШАЕМОЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ УКАЗАННОЙ КАТЕГОРИИ

С.С. ХАРИТОНОВ

STANISLAV S. KHARITONOV

CRIMINAL LAW

FRAUD WHEN RECEIVING PAYMENTS PAYABLE BY THE MILITARY SERVICE:
QUESTIONS OF THE QUALIFICATION OF THE ACTION IN THE CONTEXT OF
PROSECUTOR'S SURVEILLANCE FOR INVESTIGATION OF CRIMES OF THE
SPECIFIED CATEGORY

Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор Военного университета
Министерства обороны Российской
Федерации
E-mail: stass1964@gmail.com

Stanislav Stanislavovich Kharitonov,
Candidate of Law, professor, professor of
the criminal law department of the Military
University
E-mail: stass1964@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются вопросы квалификации хищений денежных средств, совершаемых военнослужащими при получении социальных выплат. Определены критерии выплат военнослужащим, по которым их относят к социальным выплатам. Проводится анализ судебной практики, касающейся квалификации указанных деяний по ст. 159.2 УК РФ применительно к военнослужащим. Делается вывод о необходимости совершенствования уголовного и военного законодательства для правильного решения вопросов квалификации мошенничеств, совершаемых военнослужащими.

Ключевые слова: хищение, мошенничество, социальные выплаты, военная служба, военнослужащий, органы военной прокуратуры, прокурорский надзор.

Abstract. The article reveals the issues of the qualification of money theft committed by servicemen while receiving social payments. The criteria for payments to servicemen are determined, according to which they are classified as social benefits. An analysis of judicial practice relating to the qualification of these acts under art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation as applied to servicemen. It is concluded that there is a need to improve the criminal and military legislation to properly address the issues of qualifying fraud committed by servicemen.

Keywords: promotion, fraud, social payments, military service, military service, bodies of the military prosecutor's office, prosecutor's supervision

Вопрос квалификации преступных деяний по ст. 159.2 [1] Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в настоящее время является дискуссионным как среди ученых [2], так и среди правоприменителей. Тем более интересна тема расследования преступлений, привлечения к уголовной ответственности и осуществления прокурорского надзора органами военной прокуратуры и поддержания государственного обвинения по указанной категории преступлений, исполнителями которых являются военнослужащие, что обусловлено устоявшимся среди юристов мнением о признании таких преступлений менее общественно опасными по части сравнения с так называемым «общим» составом мошенничества [3] в контексте косвенного влияния на строгость назначаемого судом наказания.

К сожалению, следует отметить отсутствие публикаций на тему уголовно-правовой характеристики и квалификации мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат. Также трудно найти научные статьи или хотя бы методические рекомендации по вопросам прокурорского надзора за исполнением законов при производстве по уголовным делам о мошенничестве при получении выплат. Немногочисленные печатные материалы по этой тематике вряд ли имеют прикладной характер. Так, при подготовке настоящей публикации автор с удивлением обнаружил, что некоторые доктора юридических наук, констатируя «затруднительность» осуществления действенного прокурорского надзора, «обусловленного доктринальными и законодательными недоработками», отмечают как итоговый вывод, что «в этой связи особую значимость в ходе осуществления прокурорского надзора за исполнением законов при производстве по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, приобретают духовно-нравственные качества как самих прокуроров, так и должностных лиц, осуществляющих производство по уго-

ловному делу, опирающихся в своей деятельности на культурно-историческое наследие нашего народа» [4].

Итак, ст. 159.2 УК РФ охватывается деяние, суть которого заключается в хищении денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 15 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – постановление Пленума), по ст. 159.2 УК РФ следует квалифицировать такое хищение денежных средств или иного имущества в форме мошенничества, которое связано с незаконным получением социальных выплат, а именно установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления выплат гражданам, нуждающимся в социальной поддержке [5, 6].

Далее в указанном пункте постановления Пленума отмечено, что «для целей ст. 159.2 УК РФ к социальным выплатам, в частности, относятся пособие по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, а также предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т. п.), специального транспорта, путевок, продуктов питания» [7].

Ключевые понятия «иные социальные выплаты» и «граждане, нуждающиеся в

социальной поддержке» в военном законодательстве не используются, что требует уточнения их правового содержания применительно к сфере общественных отношений с участием военнослужащих. Не вдаваясь в подробности, констатируем, что легитимное понятие «социальные выплаты» не встречается ни в трудовом, ни в гражданском, ни в других отраслях законодательства, где ему по умолчанию полагается быть. Сам же термин «социальная выплата» встречается во многих законодательных актах [8, 9].

По верному замечанию В.А. Болдырева, «сами «социальные выплаты» – категория очень широкая и могущая трактоваться неоднозначно. Законодатель дал краткий открытый перечень таковых, чем вряд ли удружил правоприменителя. Напомним, что в числе социальных выплат в уголовном законе прямо названы пособия, компенсации и субсидии» [10].

Таким образом, для правильной квалификации преступного деяния следует согласиться с мнением, что «к предмету данного преступления выплата может быть отнесена, во-первых, когда в нормативном правовом акте прямо указано на ее социальный характер и, во-вторых, когда такой характер следует из содержания соответствующей выплаты» [11].

Открытый перечень пособий, компенсаций и субсидий, указанных в ст. 159.2 УК РФ, позволяет предположить, что при квалификации преступлений, предусмотренных указанной статьей уголовного закона, следует учитывать, что, помимо пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных для всех граждан Российской Федерации, военнослужащие получают социальные выплаты, установленные федеральными законами от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих), от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», а также значительным числом «специальных» нормативных правовых актов, регулирующих

множественные отдельные выплаты военнослужащим с учетом занимаемых воинских должностей, присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, выполняемых задач, а также условий и порядка прохождения ими военной службы.

Представляется, что к категории социальных выплат военнослужащим могут быть отнесены: выплаты военнослужащим и членам их семей при переезде на новое место военной службы; единовременные пособия в установленных размерах при увольнении с военной службы; единовременные пособия членам семьи в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, при исполнении им обязанностей военной службы либо его смерти, наступившей вследствие военной травмы; ежемесячная денежная компенсация каждому члену семьи в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо смерти, наступившей вследствие военной травмы, а также членам семьи инвалида вследствие военной травмы в случае его смерти (гибели); единовременное пособие военнослужащему при увольнении с военной службы в связи с признанием его не годным к военной службе вследствие военной травмы; ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда, причиненного здоровью, при установлении военнослужащему инвалидности вследствие военной травмы.

Кроме того, военнослужащие имеют право: на получение ежемесячных денежных выплат, установленных ветеранам боевых действий; возмещение расходов на ритуальные услуги; единовременную материальную помощь; компенсацию стоимости проезда к месту проведения отпуска и обратно; денежную компенсацию за наем жилых помещений; получение субсидии для приобретения жилых помещений; на получение различных видов пенсий, в том числе за выслугу лет; денежную компенсацию вместо предо-

ставления дополнительных суток отдыха, а также на получение некоторых иных выплат, которые также носят социальный характер и охватываются диспозицией ст. 159.2 УК РФ.

Практика прокурорского надзора и судебная практика военных судов свидетельствуют о том, что значительная часть возникающих вопросов связана с определением характера отдельных выплат, производимых военнослужащим, и возможностью их отнесения к предмету преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. Возникают и некоторые другие вопросы, связанные с квалификацией действий виновных.

Забегая вперед, отметим, что наиболее «популярные» виды мошенничества с денежными выплатами, совершаемые военнослужащими, характерны и для сотрудников органов внутренних дел [12].

Одним из распространенных видов преступлений, определенных ст. 159.2 УК РФ, является мошенничество, совершаемое военнослужащими при получении компенсации за наем (поднаем) жилого помещения.

Военнослужащие признаются виновными в том, что, будучи обеспеченными Министерством обороны Российской Федерации жилым помещением по месту военной службы, скрывают это обстоятельство от финансовых органов и, в целях хищения денежных средств при получении компенсации за поднаем жилья, подают рапорты о выплате указанной компенсации с приложением договора поднайма квартиры.

Таким образом, на основании представляемых документов указанные военнослужащие незаконно ежемесячно получают компенсацию за поднаем жилья, которой распоряжаются по своему усмотрению. Подобные действия расцениваются как мошенничество при получении выплат.

Аналогично квалифицируются действия военнослужащего, который, получая компенсацию за наем жилого помещения по месту службы, не докладывает

командиру воинской части о приобретении им в собственность в этом же населенном пункте жилого помещения, что приводит к незаконному получению им в течение определенного срока денежных средств.

Также нередки случаи, когда военнослужащий представляет командованию фиктивный договор о найме квартиры у кого-то из знакомых граждан, проживая в действительности у своих родственников в том же населенном пункте, где и проходит службу. Соответственно он привлекается к уголовной ответственности согласно ст. 159.2 УК РФ за то, что незаконно получает компенсацию за найм жилого помещения в течение определённого времени.

Еще один вид преступлений, относимых к ст. 159.2 УК РФ, – это мошеннические преступные действия, совершаемые военнослужащими и гражданами, уволенными с военной службы, при назначении и получении пенсий, несмотря на то, что они не включены в перечень в данной статье наряду с такими социальными выплатами, как субсидии, пособия, компенсации.

Например, молодые люди, получающие социальные выплаты, не сообщают пенсионному органу о прекращении своего обучения в высшем учебном заведении по очной форме в связи с призывом на военную службу. Другими словами, военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, желая получать хоть и небольшие, но регулярные социальные выплаты, своевременно не уведомляют управления Пенсионного фонда Российской Федерации о возникновении обстоятельств, которые влекут прекращение права на получение страховой пенсии по случаю потери кормильца или социальной доплаты к пенсии, предусмотренных соответственно федеральными законами от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» и от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи». Хотя органами пенсионного обеспечения при оформлении докумен-

тов на указанные социальные выплаты заявителю всегда разъясняются основания прекращения их поступления и он под роспись предупреждается об обязанности извещать орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, о наступлении обстоятельств, влекущих за собой прекращение данных выплат.

Понятно, что когда юноша уже призван на военную службу, включен в списки конкретной воинской части, проходит в ней в одном из подразделений воинскую службу, то его уже нельзя причислить к категории студентов очной формы обучения, поскольку в период военной службы такой гражданин мужского пола находится в академическом отпуске и согласно запрещению, изложенному в п. 3 ст. 19 Закона о статусе военнослужащих, не может осваивать образовательную программу, так как проходит военную службу по призыву и, соответственно, исполняет обязанности военной службы. Таким образом, во время военной службы по призыву, находясь на полном государственном обеспечении, у юноши отсутствует право на получение страховой пенсии по случаю потери кормильца или социальной доплаты к пенсии.

Что касается случаев мошенничеств с пенсиями, совершаемых военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, то их количество в последние годы значительно снизилось и стало единичным.

Во многом это обусловлено четким и единообразным пониманием ч. 2 ст. 6 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей», согласно которой пенсионерам из числа лиц, указанных в ст. 1 названного Закона, при поступлении

их на военную службу или на службу в органы внутренних дел, в Государственную противопожарную службу или учреждения и органы уголовно-исполнительной системы (в том числе в любых других государствах), войска национальной гвардии Российской Федерации выплата назначенных пенсий на время службы приостанавливается [13].

Постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 18 марта 2004 г. № 6-П было определено, что данная правовая норма не противоречит Конституции России.

Тем не менее отдельные военнослужащие пытаются рискнуть своей свободой, совершая противоправные действия. Показательно в этом отношении рассмотренное Томским гарнизонным военным судом уголовное дело в отношении майора запаса Г., проходившего военную службу по контракту в отделе военного комиссариата Томской области [14].

Как установлено по делу, Г. в течение девяти лет ежемесячно незаконно получал пенсию за выслугу лет в Главном управлении Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Кемеровской области (далее – ГУФСИН), причинив материальный ущерб на общую сумму более 1 млн руб.

Указанные преступные действия обоснованно были квалифицированы судом по ч. 4 ст. 159.2 УК РФ как мошенничество в особо крупном размере при получении выплат.

В суде было установлено, что Г. не сообщил в ГУФСИН о поступлении в 2007 г. на военную службу по контракту, что на основании ст. 6 указанного выше Закона являлось основанием для приостановления выплаты ранее назначенной пенсии.

Более того, после увольнения с военной службы в 2010 г. и назначения пенсии от Министерства обороны Российской Федерации осужденный продолжил получать ранее назначенную пенсию от ГУФСИН.

За мошенничество при получении выплат, совершенное путем умолчания о

факте, влекущем прекращение выплаты, Г. с учетом смягчающих обстоятельств, в том числе добровольного возмещения имущественного ущерба, было назначено наказание в виде лишения свободы на срок три года условно с испытательным сроком на два года со штрафом в размере 80 000 руб.

К сожалению, по-прежнему много примеров совершения военными мошенничества при получении ежемесячной денежной выплаты, полагающейся ветеранам боевых действий, – в основном путем представления в отделения Пенсионного фонда Российской Федерации незаконно полученных и фиктивных удостоверений ветеранов боевых действий.

Типичными являются примеры осуждения на основании ст. 159.2 УК РФ Грозненским и Махачкалинским гарнизонными военными судами за мошенничество при получении выплат военнослужащих К. и С., проходящих военную службу по контракту [15].

Схема преступлений, как говорят, классическая, не отличающаяся разнообразием: в целях незаконного получения выплат виновными были представлены фиктивные удостоверения «Ветеран боевых действий» в отделение Пенсионного фонда Российской Федерации, на основании чего им были назначены установленные Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» выплаты, которыми они распорядились по своему усмотрению.

В обоих судах было установлено, что удостоверение «Ветеран боевых действий» К. и С. не оформлялось и не выдавалось, участия в боевых действиях и контртеррористических операциях они не принимали.

Выплаты, предусмотренные для ветеранов боевых действий, являются социальными (ст. 13 Федерального закона «О ветеранах»), в связи с чем получение таких выплат путем представления заведомо ложных сведений должно квалифицироваться по ст. 159.2 УК РФ.

При этом представление виновными в отделение Пенсионного фонда Российской Федерации незаконно полученных удостоверений ветерана боевых действий, являющихся основанием для получения указанной социальной выплаты, обоснованно квалифицировано судами только по ст. 159.2 УК РФ без совокупности со ст. 327 УК РФ. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 7 постановления Пленума, хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватываются составом мошенничества и не требуют дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что усилия военных прокуроров и военных судов по определению характера указанных в ст. 159.2 УК РФ пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат и возможности их отнесения к предмету преступления, предусмотренного указанной статьей уголовного закона, позволяет не только правильно решать вопросы, связанные с квалификацией действий виновных, но и формировать основу для модернизации уголовного и военного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII – VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. – М. : Юрайт. 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII – VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. – М. : Юрайт. 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Савин С.В. Проблемы применения специальных составов мошенничества при квалификации преступных деяний / С.В. Савин, С.Е. Рузин // Вестн. Ом. ун-

та. Серия «Право». – 2014. – № 1 (38). – С. 196.

4. Агутин А.В., Синцов Г.В. К вопросу о цели прокурорского надзора за исполнением законов при производстве по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества // *World science: problems and innovations* : сб. ст. победителей X Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Пенза: Издательство «Наука и просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. Ч. 3. С. 83.

5. О государственной социальной помощи : Федер. закон РФ № 324-ФЗ от 21 ноября 2011 г. п. 2 ст. 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : № 178-ФЗ от 17 июля 1999 г ст. 3 Федерального закона. и т. д. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30 ноября 2017 г. п. 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об особенностях осуществления социальных выплат отдельным категориям граждан в 2016 году. Указ Президента Российской Федерации № 143 от 31 марта 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении методики распределения по субъектам Российской Федерации средств федерального бюджета на осуществление социальных выплат для приобретения жилья гражданам, выезжающим из закрывающихся населенных пунктов в районах Крайнего Севера и

приравненных к ним местностях Постановление Правительства Российской Федерации . № 865 от 26 октября 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Болдырев, В. Мошенничество в целях получения социальных выплат: предмет преступления / В. Болдырев // *Уголов. право*. – 2014. – № 3. – С. 4 – 12. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Яни П.С. Специальные виды мошенничества / П.С. Яни // *Законность*. – 2015. – № 4. – С. 23 – 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Баранчикова М.В. Квалификация мошенничества при получении выплат, совершенного сотрудником ОВД / М.В. Баранчикова // *Науч. вестн. Орлов. юрид. ин-та МВД России им. В.В. Лукьянова*. 2017. № 1 (70). С. 9–11.

13. Шикалова О.В. Повторное поступление на военную службу граждан, получающих пенсию за выслугу лет: правовые последствия / О.В. Шикалова // *Рос. военно-правовой сб.* – 2006. – № 5. – С. 58 – 62.

14. Электронный ресурс. URL: https://tmskygvs--tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1209945&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.08.2018).

15. Электронный ресурс. URL: http://mgvs.dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2922776&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=1128866 (дата обращения: 16.08.2018).

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ХИЩЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ В РАЙОНАХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Д.М. КОЗЛОВЦЕВ

DENIS M. KOZLOVTCEV

CRIMINALISTICS

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS WHEN THE THEFT OF MILITARY WEAPONS AND AMMUNITION IN AREAS OF ARMED CONFLICT

Козловцев Денис Михайлович,
старший следователь Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: kozlovcevdm@mail.ru

Denis Mikhailovich Kozlovtcsev,
senior investigator of the Main military investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation
E-mail: kozlovcevdm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются типичные следственные ситуации, возникающие в результате хищения военнослужащими оружия и боеприпасов в районах вооруженного конфликта. Особое внимание уделяется организации планирования и раскрытия преступлений данной категории в зависимости от конкретной следственной ситуации..

Abstract. The article deals with typical investigative situations in the theft of weapons, ammunition and explosives by military personnel in areas of armed conflict and planning for the detection of crimes of this category, depending on the specific investigative situation at the initial stage of the investigation.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, следственные ситуации, хищение оружия и боеприпасов, планирование расследования преступлений.

Keywords: armed conflict, investigative situations, theft of weapons and ammunition, crime investigation planning.

При расследовании хищений оружия и боеприпасов, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, целесообразно выделить пять основных следственных ситуаций, которые складываются на начальном этапе расследования.

Первая типичная следственная ситуация - хищение оружия и боеприпасов из мест хранения обнаружено вскоре после его совершения, при этом на месте происшествия имеются следы проникновения в хранилище.

Главным направлением расследования в данной следственной ситуации

является: проведение мероприятий по обнаружению, фиксации, закреплению, изъятию и сохранению следов преступления; принятие мер по воспрепятствованию перемещению похищенного оружия и боеприпасов; их розыск, установление преступника(-ов), свидетелей; поиск возможных признаков инсценировки хищения; детальное установление всех обстоятельств совершенного преступления; процессуальное закрепление имеющихся и выявление дополнительных источников доказательственной информации, изобличающих виновное лицо; детальное установление характера деяния

и обстановки совершения преступления; всестороннее изучение личности виновного лица.

При данной следственной ситуации одновременно с поиском похищенного оружия и боеприпасов на территории воинской части и прилегающей территории следует незамедлительно принять меры к воспрепятствованию перемещения похищенного оружия и боеприпасов путем: ограничения перемещения и выхода личного состава и выезда транспортных средств; ужесточения контроля за допуском посторонних лиц на территорию части; усиления дежурной службы на КПП для фиксации и проверки всех входящих (выходящих) лиц и выезжающих транспортных средств.

При отсутствии или недостаточности сведений о местонахождении преступника, скрывшегося с места происшествия, главной задачей следствия является розыск правонарушителя. В связи с чем необходимо спланировать и незамедлительно осуществить розыскные действия по обнаружению похищенного оружия и боеприпасов, установлению преступника и свидетелей путем применения служебно-розыскной собаки, поиска похищенного на территории воинской части (месте дислокации) и прилегающей территории; выявления свидетелей; обеспечить сбор и анализ сведений о поминутном нахождении и перемещении военнослужащих в период возможного совершения ими преступления; изъятие, осмотр и анализ информации с камер видеонаблюдения, получение биллинговой информации от операторов сотовой связи.

Кроме того, необходимо: назначение и производство инвентаризации, документальной ревизии и экспертиз; истребование, изъятие и осмотр документов об организации и состоянии охраны хранилищ; изъятие образцов для последующего сравнительного исследования и облегчения розыска похищенного; осуществление органами дознания воинских частей, военной полицией, Росгвардией, МВД России и ФСБ России необходимых поисковых и оперативно-розыскных мер в сочетании со следственными действиями розыскными мероприятиями.

Однако следует учитывать, что преступник(ки) могли инсценировать совершение преступления посторонними

лицами, о чем могут свидетельствовать следующие признаки: наличие следов, которые не могли быть оставлены преступником; отсутствие следов преступника в местах, где они должны были быть; наличие признаков удаления следов; невозможность совершения действий, приписываемых преступнику; наличие множественных необъяснимых следов орудий взлома; демонстративный беспорядок внутри хранилища; противоречия в показаниях должностных лиц о якобы похищенном оружии и реально оказавшемся в недостатке (наличии) при проверке, инвентаризации (документальной ревизии); хищение из мест хранения, о которых было известно лишь узкому кругу лиц; отсутствие документального подтверждения количества оружия и боеприпасов, якобы похищенного в результате совершения преступления.

Характерным примером является хищение оружия, совершенное военнослужащими в/ч 66431 младшими сержантами Л. и И., которые, действуя группой лиц по предварительному сговору, из корыстных побуждений, похитили из оружейной комнаты подразделения автомат АКСУ и два магазина к нему, снаряженные 30 и 24 патронами соответственно (калибр 5,45 мм). Затем в этот же день Л. и И. на территории парка боевых машин похитили закрепленные на танке Т-72 шесть пластин активной брони, содержащих брззантажное взрывчатое вещество повышенной мощности, и две пулеметные ленты, снаряженные 100 патронами калибра 7,62 мм. На следующий день вышеуказанные военнослужащие, осуществляя свои преступные намерения, продали гражданам А. Х. М. и А. А. А. похищенное ими оружие, боеприпасы и взрывчатое вещество за 3 500 руб. [5].

Вторая типичная следственная ситуация – недостача вскрыта в ходе инвентаризации или документальной ревизии при отсутствии данных о проникновении в хранилище и о точном времени произошедшего события.

В данной ситуации следователь на момент принятия процессуального решения располагает актом документальной ревизии, установившей недостачу оружия и боеприпасов. При этом следователь учитывает то обстоятельство, что лицо, совершившее преступление, как прави-

ло, знает или догадывается о результатах документальной ревизии, поэтому возбуждение уголовного дела для него не является неожиданностью.

Следственная ситуация, связанная с недостатками оружия и боеприпасов, образовавшейся в неопределенно длительный период, предшествовавший обнаружению, вызывает определенные сложности на практике. В ряде случаев в условиях вооруженного конфликта практически невозможно установить конкретную дату хищения из-за халатного отношения к ведению отчетной документации, большой текучести личного состава и расхода оружия и боеприпасов.

Так, при расследовании уголовного дела о хищении оружия в/ч 23132 ОГВ(с) в период 2000-2001 гг. было установлено, что стрелковое оружие учитывается по количеству, номерной учет не осуществляется. За период 2000-2001 гг. командование в/ч 23132 сменилось несколько раз, командиры полка заменялись четырехжды, отчетная документация в полном объеме не велась и была частично утрачена, что не позволило установить точное количество полученного оружия. Все оружие в воинскую часть поступило из УрВО в 2000 г. без оформления накладных. Организация работы по учету и его сохранности была возложена на начальника службы РАВ в/ч 23132 майора Р., который вскоре после поступления оружия убыл на лечение в госпиталь, где находился до середины 2001 г. В нарушение существующих приказов и инструкций Минобороны России его функции временно стал исполнять начальник склада РАВ прапорщик М., который характеризовался отрицательно, злоупотреблял спиртными напитками и был направлен в Чеченскую Республику на «исправление» после того, как, являясь начальником склада РАВ в УрВО, был условно осужден за соучастие в совершении хищения оружия и боеприпасов.

Из-за его халатности военнослужащими по призыву в ходе работ на складе РАВ были похищены десять пистолетов ПМ. Впоследствии прапорщик М., совершив хищение пистолета ПБ (пистолет бесшумный), в конце 2000 г. убыл с похищенным оружием по замене для дальнейшего прохождения службы в УрВО.

Затем на должности начальника службы РАВ временно назначались должностные лица воинской части, которые не имели представления о порядке сохранности и учета оружия и боеприпасов. Вследствие этого на начальном периоде расследования не представлялось возможным установить точное количество похищенного оружия и боеприпасов [6].

С учетом изложенного, очевидно следует согласиться с В. Г. Танасевичем [4], что наиболее оптимальный порядок проведения первоначальных следственных действий и организационных мероприятий в данной следственной ситуации предполагает: допрос ревизоров, выявивших недостачу оружия и боеприпасов, если при изучении составленных ими документов в этом возникает необходимость; допрос свидетелей, фамилии которых указаны в актах документальной ревизии; выемка необходимых документов; осмотр мест хранения оружия и боеприпасов; допрос материально-ответственных должностных лиц, у которых обнаружена недостача; обыск у лиц, заподозренных в хищении оружия и боеприпасов; осмотр документов, подтверждающих их недостачу.

Представляется, что указанные следственные действия можно будет выполнить наиболее полно в том случае, если до них или одновременно с ними будут выполняться следующие подготовительные и организационные мероприятия: изучение положений, наставлений, приказов и инструкций, регламентирующих деятельность по осуществлению учета, расходованию и обеспечению сохранности вооружения; ознакомление с условиями хранения вооружения, особенностями учета, порядка составления и оформления документов по его движению, порядка организации охраны объектов, из которых совершено хищение; сбор данных о материально ответственных и иных должностных лицах, ответственных за ведение учета и осуществление контроля за сохранностью вооружения.

Полученная информация позволит выяснить необходимые данные о лицах, подозреваемых в хищении оружия и боеприпасов, их связях, месте жительства, а также степень их участия в совершенном преступлении.

При этом следователь обязан последовательно решить следующие задачи:

1) он должен прежде всего установить точную дату хищения оружия или боеприпасов;

2) выяснить, кто в течение этого периода времени имел непосредственный доступ к похищенному оружию и боеприпасам;

3) выявить круг подозреваемых, их поведение и образ жизни, в том числе во внеслужебное время [2, с. 240].

Основным направлением расследования в данной типичной следственной ситуации является: детальное установление всех обстоятельств хищения оружия и боеприпасов; розыскные действия по обнаружению похищенного оружия и боеприпасов, установлению преступника и выявлению свидетелей; процессуальное закрепление имеющихся и выявление дополнительных источников доказательственной информации, изобличающих виновное лицо; детальное установление характера деяния и обстановки совершения преступления; принятие мер по воспрепятствованию выносу и вывозу похищенного оружия и боеприпасов; всестороннее изучение личности подозреваемого (виновного) лица.

Исходя из вышеизложенного проводятся следующие первоначальные следственные и иные действия: осмотр места происшествия; допрос должностных лиц; поиск похищенного; истребование, осмотр и изъятие документов; назначение и производство инвентаризации, документальной ревизии и экспертиз; обыск у должностных лиц; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в интересующий период времени; допрос свидетелей; проверка похищенного оружия по учетам органов МВД России и Минобороны России; изучение материалов уголовных дел, прокурорских проверок и иных документов о незаконном хранении, ношении, сбыте и использовании в преступных целях оружия и боеприпасов; информирование о хищении оружия и боеприпасов органов военной полиции, Росгвардии, МВД России, ФСБ России и организация взаимодействия с ними.

Третья типичная следственная ситуация – оружие и боеприпасы, выданные военнослужащим для служебного поль-

зования, похищены при нахождении их на территории базового военного лагеря или блокпоста.

Главное направление расследования в данной следственной ситуации в основном соответствует действиям, изложенным в первой типичной следственной ситуации. При этом необходимо использовать выработанные следственной практикой следующие правила организации и производства поиска похищенного оружия и боеприпасов: поиск организуется следователем и производится под его руководством с привлечением офицеров-дознавателей и наиболее дисциплинированных, проверенных военнослужащих воинской части; началу поиска должен предшествовать инструктаж его участников о порядке производства поиска, мерах по сохранению следов преступления при обнаружении похищенного оружия и боеприпасов и правилах обращения с найденным оружием и боеприпасами, обеспечивающие безопасность участников поиска и окружающих; осматриваемая территория со строениями, сооружениями, боевой техникой и прилегающая к ней местность разбиваются на участки, закрепляемые для поиска за поисковыми группами.

Поиск в труднодоступных местах и на участках наиболее вероятного нахождения похищенного оружия и боеприпасов производится лично следователем или при его непосредственном участии; работы по очистке выгребных ям, осмотру водопроводных и канализационных сооружений производятся по согласованию с командованием с привлечением специалистов пожарной службы, водолазов, сантехников и др. В случае привлечения к поиску специалистов и использования специальных технических средств постановка задачи и контроль за ее выполнением осуществляются следователем.

Так, в 2009 г. военнослужащий в/части 61756 сержант К., имея умысел на хищение автомата АК-74М, после строевого смотра списал его в «книге выдачи оружия», но в пирамиду не поставил, а передал младшему сержанту Д. Последний спрятал автомат в емкость для умывания, где он был обнаружен во время поисковых мероприятий, организованных следственной группой [8].

Четвертая типичная следственная си-

туация – обнаружено отсутствие в базовом военном лагере или на блокпосту военнослужащего с оружием и боеприпасами, которые были выданы ему для служебного пользования.

Главным направлением расследования в данной следственной ситуации являются: розыскные действия по установлению отсутствующего военнослужащего, обнаружению похищенного оружия, боеприпасов и свидетелей; информирование органов военной полиции, Росгвардии, МВД России и ФСБ России о происшедшем и приметах разыскиваемого военнослужащего; процессуальное закрепление имеющихся и выявление дополнительных источников доказательственной информации; детальное установление характера деяния и обстановки совершения преступления; изучение личности отсутствующего военнослужащего.

При этом следователи военных следственных органов проводят следующие первоначальные следственные и иные действия: розыскные действия по установлению отсутствующего военнослужащего, обнаружению похищенного оружия, боеприпасов и свидетелей; допрос свидетелей; досмотр с участием командования, рабочего и спального мест разыскиваемого военнослужащего, выемка или истребование документов, содержащих сведения о личности разыскиваемого военнослужащего; информирование о происшедшем и приметах разыскиваемого военнослужащего в органы военной полиции, Росгвардии, МВД России, ФСБ России и организация взаимодействия с ними; направление отдельных поручений о производстве следственных и розыскных действий в места возможного появления разыскиваемого военнослужащего; осмотр места происшествия; наложение ареста на корреспонденцию разыскиваемого военнослужащего и других лиц; получение информации о телефонных соединениях между абонентами и абонентскими устройствами.

Для поиска военнослужащих с похищенным ими оружием и боеприпасами, а также выявления свидетелей необходимо осуществить следующие розыскные действия: проверку возможного нахождения разыскиваемого (его трупа) и поиск числящегося за ним похищенных оружия и

боеприпасов в расположении воинской части; применение служебно-розыскной собаки для установления маршрута следования и возможного места пребывания разыскиваемого военнослужащего; прочесывание прилегающей к воинской части или базовому военному лагерю местности в целях обнаружения разыскиваемого военнослужащего, следов его пребывания или совершавшихся им действий; преследование вооруженного преступника, его обнаружение и задержание; выявление и допрос свидетелей; наведение справок о местонахождении исчезнувшего в комендатуре, в госпиталях, на блокпостах, в фильтрационном пункте [1], в пунктах приема, обработки и отправки погибших военнослужащих (ППОП), в пунктах отправки и приема военнослужащих на аэродромах и других местах; направление сообщений и запросов в органы полиции по предполагаемым маршрутам следования разыскиваемого военнослужащего, о его розыске и задержании; выставление статистических карточек на розыск похищенного оружия по учетам органов МВД России.

В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении рядового в/ч 77197 А., который совершил самовольное оставление места службы – наряд по КПП и, похитив выданный ему для несения службы автомат АК-74 и 60 патронов к нему, убыл в неизвестном направлении. В результате оперативных и грамотно организованных розыскных и следственных действий он в тот же день был задержан вместе с похищенными оружием и боеприпасами [9].

Пятая типичная следственная ситуация – оружие и боеприпасы похищены участниками незаконных вооруженных формирований, военнослужащими-солдаты или местными жителями в результате боестолкновения или сразу же после него [3, с. 29-32]. Используя ранее указанный алгоритм действий, следует учитывать, что в этой следственной ситуации решающее значение будет иметь оперативность в производстве всех следственных действий, так как место происшествия после боя будет сохранено очень непродолжительное время после его окончания, вероятно, что часть пострадавших свидетелей и потерпевших будет отправлена в различные

медицинские учреждения по всей стране, оставшиеся военнослужащие будут направлены в распоряжение своих воинских частей.

Так, в 2011 г. в Кизлярском районе Республики Дагестан в результате боевого столкновения военнослужащих в/ч 5389 с участниками незаконного вооруженного формирования погиб прапорщик И. При этом неустановленными лицами был похищен имевшийся у него автомат АК-74М [10].

Кроме того, независимо от следственной ситуации при раскрытии указанных преступлений необходимо обеспечить должное взаимодействие с общественностью, которой возможно что-либо известно о произошедшем или они могут быть по какой-либо причине заинтересованы в розыске похищенного оружия и боеприпасов. Это, в первую очередь, военнослужащие и гражданский персонал Вооруженных сил Российской Федерации, местное население, как лояльное, так и нет к органам государственной власти, а также бывшие или действующие члены незаконных вооруженных формирований. Поступившие от них сведения могут иметь важное значение в раскрытии указанных преступлений. Независимо от сложившейся следственной ситуации необходимо выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и принимать меры по их устранению.

При возникновении проблемной следственной ситуации следственные и оперативно-розыскные действия должны быть направлены на незамедлительное закрепление полученной доказательственной информации процессуальными средствами, получение дополнительной информации, фактов, сведений о преступлении и преступнике. Особенно тщательно должны быть установлены: механизм слеодообразования, приметы преступника, его возможное поведение после совершенного преступления, место и способ сокрытия похищенного оружия или боеприпасов, что в последующем положительно отразится на раскрытии и расследовании совершенного преступления

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента РФ № 157 от 05.04.2016 // Рос. газ. 2016. 7 апр.
2. Винберг А. И., Рахлин А. Г., Розенблит С. Я. Криминалистика : Руководство для военных юристов. М. : ВЮА, 1941. Ч. II (особенная). С. 240.
3. Маликов С. В., Козлов С. А. Методика расследования хищений оружия и боеприпасов, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 9. С. 29-32.
4. Танасевич В. Г. Общие положения методики расследования хищений // Расследование хищений государственного или общественного имущества, совершенных путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением : сборник. М., 1968. С. 14-16.
5. Материалы уголовного дела № 14/03/0002-07 // Архив военного следственного отдела по Владикавказскому гарнизону.
6. Материалы уголовного дела № 14/35/0002-01 // Архив 203 военная прокуратура, в/часть 20116.
7. Материалы уголовного дела № 34/35/0049-10 // Архив 506 военный следственный отдел военного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Объединенной группировке войск (сил).
8. Материалы уголовного дела № 14/08/0144-09 // Архив военного следственного отдела по Новороссийскому гарнизону.
9. Материалы уголовного дела № 14/03/0002-09 // Архив военного следственного отдела по Владикавказскому гарнизону.
10. Материалы уголовного дела № 14/41/0068-11 // Архив 315 военного следственного отдела.

УДК 344.22

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

К ВОПРОСУ О ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕ В ПЛЕН ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

А.А. АГЕШИН

ALEKSANDR A. AGESHIN

TRIBUNE OF THE APPLICANT
ON THE ISSUE OF VOLUNTARY SURRENDER OF SERVICEMEN

Агешин Александр Александрович, адъюнкт кафедры криминалистики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: aageshin83@mail.ru

Ageshin Aleksandr Aleksandrovich, Adjunct of the Department of Criminalistics of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation
E-mail: aageshin83@mail.ru

Аннотация: в статье проведен ретроспективный анализ нормы, предусматривавшей уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен, изложены позиции ведущих ученых в области уголовного права по данному вопросу. На основе проведенного анализа автором обоснована необходимость внесения в действующее законодательство уголовной ответственности за добровольную сдачу в плен военнослужащих.

Abstract: The purpose of this work is to consider the signs of voluntary surrender. The author detailed views of scientists in the field of criminal law on the issue under study. In the course of the study revealed differences in their positions. On the basis of the analysis the author offers his vision on some aspects of the criminal legal description of voluntary surrender of servicemen.

Ключевые слова: плен; добровольная сдача в плен, беспомощное состояние, сопротивление противнику; захват в плен.

Keywords: captivity, voluntary surrender, helpless condition, resistance to the enemy, capture.

Добровольная сдача военнослужащих в плен на протяжении длительного периода времени обоснованно считалась одним из тяжких воинских преступлений. За ее совершение предусматривалось уголовное наказание в виде лишения свободы или применение смертной казни.

Впервые словосочетание «добровольная сдача в плен» было использовано в Положении о революционных военных трибуналах, утвержденном Декретом ВЦИК РСФСР 20 ноября 1919 г., согласно которому к подсудности революционного военного трибунала армии наряду с другими относились уголовные дела о «переходе на сторону неприятеля и добровольной сдаче в плен» [1].

Наличие вооружённых конфликтов в непосредственной близости от России, постоянное наращивание у ее границ военной группировки стран НАТО, непрекращающееся политическое и экономическое давление со стороны США и Европейского Союза (ЕС), активизация угроз международного терроризма в целом, и ИГИЛ в частности, провокационные действия Украины в акватории Черного и Азовского морей требуют от Вооруженных сил Российской Федерации высокого уровня боеготовности для отражения возможной агрессии.

Способность вооруженных сил оперативно и качественно выполнить боевые задачи любой сложности

определяется как уровнем их оснащённости современными средствами ведения боя, не уступающими по своим тактико-техническим характеристикам боевой технике и вооружению вероятного противника, так и состоянием воинской дисциплины и правопорядка в войсках.

В связи со сказанным в настоящее время особую актуальность приобретают вопросы о расследовании преступлений, совершенных военными в условиях вооружённого конфликта. Одним из таких проблемных вопросов является добровольная сдача военнослужащего в плен противнику. Однако Уголовный кодекс Российской Федерации (1996) состав данного преступления не содержит.

Необходимо отметить, что санкция ст. 264 (добровольная сдача в плен по трусости или малодушию) в Уголовном кодексе РСФСР (УК РСФСР) 1960 г. обоснованно предусматривала за совершение данного преступления уголовное наказание в виде лишения свободы сроком на 15 лет либо смертную казнь [2].

Общественная опасность вышеуказанного преступления заключается в том, что оно снижает эффективность выполнения командованием поставленных боевых задач, причиняет ущерб боеспособности воинской части, оказывает деморализующее влияние на поведение других военнослужащих [5, с. 597-598; 6, с. 445]. Кроме того, в ряде случаев добровольно сдавшиеся в плен лица принимали участие в боевых действиях на стороне противника. Ретроспективный анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) подобные случаи, особенно в начальный её период, не были единичными.

Так, 26 июля 1941 г. военнослужащие вермахта использовали красноармейцев 5-й стрелковой роты 471-го стрелкового полка, ранее добровольно сдавшихся в плен, в своих целях. Они направили их на передний край для ведения пропаганды среди военнослужащих, ведущих боевые действия, где призывали их к сдаче в плен [14].

В июле 1941 г. красноармеец 164-й стрелковой дивизии Р. во время боя с закреплённым за ним оружием добровольно сдался в плен, где был завербован противником. После этого ему была предоставлена возможность

вернуться в свою воинскую часть, где он активно склонял других военнослужащих к сдаче в плен. По приговору военного трибунала он был расстрелян перед строем 127-го батальона [15].

В декабре 1941 г. красноармеец 765 сп 5 гсд А. добровольно сдался в плен противнику, был завербован офицерами немецкой разведки и переброшен обратно в полк для ведения диверсионной деятельности. Вернувшись в воинскую часть, А. попытался с использованием яда совершить массовое отравление военнослужащих. Однако его преступные действия были пресечены. По приговору военного трибунала А. был расстрелян [16].

Следует отметить, что если в оценке общественной опасности добровольной сдачи в плен ученые приходили к единому мнению, то в отношении объекта данного преступления их взгляды зачастую не совпадали.

Например, В.М. Чхиквадзе объектом посягательства при добровольной сдаче в плен считал советскую воинскую дисциплину [8, с. 522].

С точки зрения И.И. Солодкина, непосредственным объектом указанного преступления, помимо воинской дисциплины, являются боевая мощь Вооружённых сил, а также порядок на поле боя и в районе военных действий [7, с. 429].

По мнению Е.В. Прокоповича, Ю.М. Ткачевского и А.В. Кузнецова, объектом добровольной сдачи в плен является установленный порядок несения воинской (военной) службы на поле боя [5, с. 598; 6, с. 446; 9, с. 557].

На наш взгляд, наиболее обоснованной представляется позиция Н.И. Загородникова и П.Ф. Гришанина, которые полагали, что объектом рассматриваемого преступления является «порядок несения военной службы в районе военных действий» [10, с. 574; 11, с. 573].

Под «районом военных действий» понимается территория, водное и воздушное пространство, где ведут бой Вооружённые силы, а также места дислокации различных частей, учреждений действующей армии вплоть до тыла фронта [12, с. 415].

Полею боя считается территория, водное или воздушное пространство, где происходит или только что происходил бой с противником [12, с. 415]. При этом следует учитывать, что добровольная сдача в плен

не ограничивается в территориально-пространственном отношении лишь полем боя, а может быть совершена и за его пределами.

Объективная сторона данного преступления состоит в действиях (или бездействии) военнослужащего.

Так, В.М. Чиквадзе полагал, что объективная сторона добровольной сдачи в плен выражается в прекращении военным сопротивлением врагу, сложении им оружия и сдаче в плен [8, с. 522].

Ю.М. Ткачевский под сдачей в плен понимал добровольный переход военнослужащего к неприятелю [6, с. 446].

Е.В. Прокопович и П.Ф. Гришанин считали, что объективная сторона добровольной сдачи в плен выражается в прекращении борьбы с противником, несмотря на имеющуюся у военнослужащего возможность оказывать вооруженное сопротивление [5, с. 598; 11, с. 573].

На наш взгляд, одним из основных признаков объективной стороны добровольной сдачи в плен является прекращение вооруженного сопротивления противнику, которое может выражаться как в действиях: а) сдаче оружия противнику; б) подаче сигналов, свидетельствующих о намерении сдаться в плен (поднятии над головой белого флага (платка, иной материи), рук, оружия), в) предъявлении так называемых листовок-пропусков для сдачи в плен, г) устных заявлениях о сдаче в плен; д) выходе (выезде, вылете) из места дислокации собственных войск и переходе (переезде, перелете) в места дислокации войск противника; так и в бездействии: а) неприменении оружия в отношении противника; б) ожидании захвата в плен на поле боя, в том числе под видом раненого или убитого, во время отступления войск и т.п.

Например, органы психологической войны США (4-я группа психологических операций армии США) во время операции «Буря в пустыне» разработали листовку-пропуск, в которой был указан алгоритм действий военнослужащего Иракской армии при добровольной сдаче в плен. Так, для сдачи в плен иракскому солдату следовало выполнить определенные действия: отсоединить магазин от своего оружия; повесить оружие на левое плечо стволом вниз; поднять руки (кусочек белой ткани, платок или листовку) над головой и

медленно двигаться в направлении войск США [13].

Вторым обязательным признаком объективной стороны данного преступления является добровольность действий (бездействия) виновного, связанная с условием наличия у военнослужащего физической возможности оказывать вооруженное сопротивление. При этом добровольность как признак состава рассматриваемого преступления состоит в выражении военным «свободы воли». У военнослужащего должен иметься выбор: оказать (продолжить оказывать) вооруженное сопротивление противнику (осуществить отход, выйти из окружения и т.п.) либо же прекратить вооруженное сопротивление и сдаться в плен. Пленение военнослужащего, который не имел в силу наличия объективных обстоятельств реальной возможности оказать вооруженное сопротивление противнику (тяжелое ранение, болезнь, отсутствие оружия, боеприпасов и т.п.), не образует состава преступления, так как в этом случае альтернативные варианты поведения отсутствуют, а его действия носят явно вынужденный характер.

Кроме того, добровольная сдача в плен может быть совершена лишь в определенной обстановке – в условиях вооруженного конфликта международного характера. Это обусловлено спецификой статуса военнопленного и сопряженного с ним режима военного плена [3; 4].

Что касается момента окончания добровольной сдачи в плен, то, как отмечали Е.В. Прокопович и Ю.М. Ткачевский, данное преступление считается оконченным с момента пленения военнослужащего противником (перехода военнослужащего во власть неприятеля) [5, с. 598; 6, с. 446].

В то же время действующее международное гуманитарное право предоставляет защиту от нападения не только находящимся во власти неприятеля военным, но и тем, которые лишь выражают намерение сдаться в плен, приравнивая их, как и первых, к вышедшим из строя лицам [4]. В этом случае, как нам представляется, возможно говорить об усеченном составе преступления, в котором момент окончания добровольной сдачи в плен перенесен на стадию покушения. Преступление будет считаться оконченным с момента добровольного и ясного выражения военным

намерения сдаться в плен, независимо от того, оказался ли он во власти противной стороны или нет. О намерении военнослужащего сдаться в плен могут свидетельствовать совершенные на виду у противника следующие действия: поднятие белого флага, размахивание им, поднятие над головой рук и оружия, устные заявления о сдаче в плен и т.п.

Анализ судебной практики военных трибуналов во время Великой Отечественной войны показал, что добровольная сдача в плен рассматривалась как усеченный состав преступления.

Так, 28 августа 1941 г. во время наступления красноармеец Р., увидев инструктора пропаганды полка, принял его за немецкого офицера, поднял руки и стал просить, чтобы его не убивали, а взяли в плен. В августе 1941 г. красноармеец З. ошибочно принял артиллеристов полка за немцев, бросил оружие и заявил о нежелании участвовать в дальнейших военных действиях [17]. В 629-м стрелковом полку после имевшего место боестолкновения из кустов вышел красноармеец Р. и, подойдя к лейтенанту Д., которого принял за немецкого офицера, заявил о добровольной сдаче в плен, предъявив при этом немецкую листовку-пропуск. Вышеуказанные красноармейцы в последующем за добровольную сдачу в плен были осуждены военным трибуналом [18].

Субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом и мотивом трусости или малодушия: виновный сознает фактическую возможность хотя бы с риском для жизни продолжать сопротивление противнику, но не делает этого, желая попасть в плен [8, с. 523; 11, с. 573; 13, с. 481].

Отдельные ученые отмечают, что добровольная сдача в плен характеризуется умышленной виной, что предполагает совершение названного деяния как с прямым, так и с косвенным умыслом [7, с. 430; 9, с. 558].

Однако указанный в диспозиции ст. 264 УК РСФСР признак добровольности выражает осознанное желание лица сдаться в плен, в связи с чем, на наш взгляд, рассматриваемое преступление может быть совершено только с прямым умыслом.

Субъектом указанного преступления является военнослужащий, нарушающий воинский долг вследствие трусости или

малодушия.

Вместе с тем, по нашему мнению, мотив «по трусости или малодушию» из диспозиции статьи должен быть исключен, как не единственно возможный при совершении данного деяния. Также, учитывая, что добровольная сдача в плен группой лиц по предварительному сговору или организованной группой обладает повышенной общественной опасностью по сравнению со сдачей в плен одиночного военнослужащего, указанные признаки, на наш взгляд, следует признать квалифицирующими.

Одновременно считаем, что статью необходимо дополнить примечанием, в первом пункте которого определить, что понимается под добровольной сдачей в плен, поскольку в действующем законодательстве данное понятие не раскрывается. Во втором пункте следует изложить специальный случай освобождения от уголовной ответственности за рассматриваемое деяние – нахождение военнослужащего в момент сдачи в плен в беспомощном состоянии.

Под беспомощным состоянием в данном случае, на наш взгляд, понимаются не только ранения, контузия военнослужащего, посттравматическое психическое расстройство, но и иные объективные обстоятельства, лишające его возможности оказывать вооруженное сопротивление противнику.

В связи с изложенным представляется необходимым дополнить главу 33 Уголовного кодекса Российской Федерации нормой об уголовной ответственности за добровольную сдачу в плен, взяв за основу диспозицию статьи 264 УК РСФСР (1960), изложив ее в следующей редакции:

1. Добровольная сдача в плен, наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

2. То же деяние, совершённое группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

Примечания. 1. Под добровольной сдачей в плен в настоящей статье понимаются совершенные в условиях вооруженного конфликта международного характера действия (бездействие) военнослужащего, способного в силу своего физического (психического)

состояния оказать вооружённое сопротивление, выразившееся в прекращении вооруженной борьбы с противником в целях последующей сдачи ему в плен.

2. Военнослужащий, находившийся в момент сдачи в плен в беспомощном состоянии, освобождается от уголовной ответственности».

В связи с отсутствием в Уголовном кодексе Российской Федерации преступления, предусматривающего уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен, в настоящее время, при определенных обстоятельствах, возможно рассмотреть вопрос о квалификации действий военнослужащего за совершение указанного деяния по статье 338 УК РФ (дезертирство).

Вместе с тем следует признать, что данные составы преступлений не являются идентичными, отличаются как по своему составу, так и по степени общественной опасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Положение о Революционных Военных Трибуналах : декрет ВЦИК от 20 ноября 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/38779> (дата обращения 10.11.2018).
2. Уголовный кодекс РСФСР : Закон от 27 октября 1960 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения 10.11.2018).
3. Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. Об обращении с военнопленными [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста : официальный сайт. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm> (дата обращения 11.11.2018).
4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста : официальный сайт. URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения 11.11.2018).
5. Советское уголовное право: Особенная часть : учебник / под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. – М. : Юрид. лит., 1988. – 608 с.
6. Советское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова, Ю.М. Ткачевского. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 472 с.
7. Советское уголовное право. Часть Особенная : учебное пособие / под ред. М.Д. Шаргородского, И.И. Слущкого, Н.А. Беляева. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 470 с.
8. Советское уголовное право. Часть Особенная : учебное пособие / под общ. ред. В.Д. Меньшагина, П.С. Ромашкина, А.Н. Трайнина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 544 с.
9. Советское уголовное право. Часть Особенная : учебник / под ред. В.А. Владимировой, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. – М. : Юрид. лит., 1979. – 584 с.
10. Уголовное право. Часть Особенная : учебник / под ред. Н.И. Загородникова и В.Ф. Кириченко. – М. : Юрид. лит., 1968. – 584 с.
11. Советское уголовное право. Часть Особенная : учебник / под общ. ред. Н.И. Загородникова. – М. : Юрид. лит., 1973. – 576 с.
12. Советское уголовное право. Часть Особенная : учебник / под ред. Н.И. Загородникова, М.И. Якубовича, В.А. Владимировой. – М. : Юрид. лит., 1965. – 488 с.
13. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/sekretypsichologicheskoy-voyny-celi-zadachi-metody-formy-opyt-read-213894-1.html> (дата обращения 11.11.2018).
14. Донесение начальника Политуправления Западного фронта от 6 августа 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 22а.
15. Донесение начальника Политуправления Западного фронта от 3 августа 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 22а.
16. Донесение начальника Политуправления Западного фронта от 23 декабря 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 22а.
17. Донесение заместителя начальника Политуправления Западного фронта от 31 августа 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 22а.
18. Донесение заместителя начальника Политуправления Западного фронта от 3 сентября 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 22а.

УДК 341.321.3

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Я.Н. БЕЛОВ

YAROSLAV N. BELOV

TRIBUNE OF THE APPLICANT

THE QUESTION ABOUT TERM AND DEFINITION OF INTERNATIONAL TERRORISM IN
LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ярослав Николаевич Белов, соискатель кафедры Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: yaroslavbn2@mail.ru

Yaroslav Nikolaevich Belov, candidate of the Military University of the Ministry of defence of the Russian Federation

E-mail: yaroslavbn2@mail.ru

Аннотация: в статье раскрывается соотношение понятий терроризм, террористическая деятельность, террористический акт с понятиями международный терроризм, международная террористическая деятельность, акт международного терроризма, международная террористическая организация в законодательстве Российской Федерации. Легальные определения относятся автором к одному из способов устранения неопределенности правового регулирования, в связи с этим, в статье выделены цели, в которых используется понятие международный терроризм в нормативных правовых актах Российской Федерации. Дана оценка исключению из законодательства Российской Федерации определения международного терроризма.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, определенность правового регулирования, легальные определения, дискреционные полномочия.

Abstract: the article reveals the relationship between the concepts of terrorism, terrorist activity, a terrorist act, a terrorist organization and the concepts of international terrorism, international terrorist activity, an act of international terrorism, an international terrorist organization under the laws of the Russian Federation. Legal definitions include the author to one of the ways to eliminate the uncertainty of legal regulation, in this regard, the article highlights the goals in which the concept of international terrorism is used in the regulatory legal acts of the Russian Federation. The definition of international terrorism from the legislation of the Russian Federation is given.

Keywords: terrorism, international terrorism, certainty of legal regulation, legal definitions, discretionary powers.

С точки зрения философии права, кризисные правовые явления во все времена являлись двигателем прогресса в развитии юридической науки.

В настоящее время обострение геополитического противостояния в мире, усиление угрозы международного терроризма ставят перед законодателем и российской правовой наукой задачу по выработке адекватных административно-правовых

литического противостояния в мире, усиление угрозы международного терроризма ставят перед законодателем и российской правовой наукой задачу по выработке адекватных административно-правовых

и уголовно-правовых мер реагирования, включая определение соотношения терминов соответствующего понятийного аппарата. Мы согласны с Фридинским С.Н., который обоснованно признает «терроризм» крайним проявлением «экстремизма» [4].

В аспекте темы статьи интерес представляет исследование Корякина В.М., раскрывшего различия в понятиях «использования» и «применения» Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории нашей страны [5].

Не вполне определенным в общей совокупности правовых средств в сфере борьбы с терроризмом на нашей планете является понятие международного терроризма. Этот термин является производным от понятия «терроризм», под которым в соответствии с Федеральным законом № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – ФЗ № 35-ФЗ) понимается соответствующая идеология и практика устрашающего воздействия на принятие решений органами государственной власти и управления.

В статье 3 ФЗ № 35-ФЗ также даются определения понятиям «террористический акт» и «террористическая деятельность». Так, «террористический акт» – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Ответственность за его совершение предусмотрена статьей 205 Уголовного кодекса Российской Федерации.

От него производно понятие «террористическая деятельность» – деятельность, включающая в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Исходя из обозначенных легальных определений терроризма, террористической деятельности, террористического акта, такие понятия следует считать связанными, находящимися в соотношении, где террористический акт – результат террористической деятельности, в свою очередь, основанной на идеологии терроризма.

Анализ положений законодательства Российской Федерации позволяет утверждать следующее.

Согласно статье 6 ФЗ № 35-ФЗ Вооруженные Силы Российской Федерации применяются в борьбе с терроризмом не только в границах нашей страны (на суше, на море и в воздухе), но и для «пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации».

Тем самым в отношении международного терроризма за границами России может осуществляться и предусмотренное подпунктом 4 статьи 3 ФЗ № 35-ФЗ «противодействие терроризму», т.е. деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по: а) предупреждению (профилактике) терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов; б) борьбе с терроризмом, включая выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование террористического акта; в) минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма.

Оценивая соотношение терминов, следует определить место понятию «контртеррористическая операция» (далее – КТО), как комплексу специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Как нам представляется, проведение КТО предусмотрено только на ограниченной части, территории Российской

Федерации при условии введения на ней особого правового режима специальным уполномоченным органом.

При этом согласно статье 9 ФЗ № 35-ФЗ Вооруженные Силы Российской Федерации могут привлекаться к участию в КТО и в том случае, если попытка совершения террористического акта на территории Российской Федерации осуществляется международной террористической. Статьей 24 ФЗ № 35-ФЗ предусматривается, что террористическими признаются организации, цели или действия которых направлены на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма или совершение преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277 - 280, 282.1 - 282.3, 360 и 361 (акт международного терроризма) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно части 4 этой статьи к таким организациям могут относиться не только отечественные, но и иностранные и международные организации, а также их отделения, филиалы и представительства в Российской Федерации.

Среди источников понятий приводимых терминов важное значение имеет также статья 3 Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», определяющая понятие «финансирования терроризма», как предоставления или сбора средств либо оказания финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения перечисленных преступлений, включая акты международного терроризма.

Таким образом, при использовании в российском законодательстве понятий «терроризм», «террористический акт», «террористическая деятельность» следует подразумевать (если прямо не предусмотрено иное) в том числе и «международный терроризм», «международный террористический акт» и «международную террористическую деятельность» соответственно.

Некоторыми исследователями [1; 3; 6; 7] дается любопытное разграничение понятий терроризм и террор, указывается на существенное различие их содержания, в том числе правового содержания (при условии отнесения террора к правовым понятиям). Исследователями предлагается считать террор тем, что присуще госу-

дарству, а терроризм – оппозиции, с чем, по нашему мнению, трудно согласиться.

Жаринов К.В. утверждал, что «... несмотря на то, что и террор, и терроризм основаны на использовании устрашения и насилия для достижения своих целей, их смысловое и правовое содержание принципиально отличаются.

Терроризм – это устрашение и (или) подавление противника (государства, его органов управления), осуществляемое оппозиционными организациями, группировками или отдельными лицами (индивидами) с использованием насильственных методов. Террор же мы рассматриваем как устрашение и (или) подавление противника (оппозиционных сил), осуществляемое государством насильственными (репрессивными) методами (например, «красный террор» в СССР)» [1].

Ильинский И.М. со ссылкой на новую философскую энциклопедию утверждает, что террор – особый вид войны сильного против слабого, государства против своих, народа и оппозиции [3].

Однако эти авторы не приводят юридически обоснованных доводов для отнесения террора к деятельности государства (следовательно, к удержанию власти), а терроризма – к деятельности оппозиционных сил (следовательно, к завоеванию власти). Безоснователен и вывод о наличии различного правового содержания в названных понятиях, поскольку это содержание может быть основано на правовых нормах или хотя бы исходить из толкования правовых норм уполномоченными органами в процессе правоприменения. Можно предположить, что в данном случае авторы пытаются придать значение правового характера историческому или политическому понятию «красный террор», т.е. осуществить его имплементацию в юридический оборот на основании ассоциаций с понятиями из арсенала наук истории и политологии. На наш взгляд, это не вполне уместно и вредно для юридической науки. Бесплодными кажутся и предложения на таком же уровне сравнивать террор и терроризм.

Несомненно, имеются некоторые фактические отличия в практике террора (терроризма) по признаку сторон политического противоборства (оппозиция, с одной стороны, и государственные органы – с другой).

Однако то, что исходит от государства (признается государством) и выражается

в узаконенных нормах – является правом. В последнее время наблюдаются попытки ряда исследователей, в том числе представителей юридической науки, распространить понятия различных отраслей науки (лингвистики, истории, политологии, социологии, пенологии) на правовую лексику. Аналогичные тенденции можно увидеть и в деятельности отдельных школ понимания (естественной, исторической, материалистической, психологической, социологической и иных). Представляется, что основные методы, подходы юридического исследования должны все-таки оставаться в пределах нормативной школы, следующей принципу того, что «...правоведение стремится понять свой предмет в «правовом смысле», т.е. с точки зрения права. Понять нечто в правовом смысле значит лишь одно: понять нечто как право, т.е. как правовую норму или как содержание правовой нормы (как то, что определено правовой нормой).» [2].

В связи с этим только право может признавать действия, деятельность (кого бы то ни было) террористическими, признавать что-либо террором или терроризмом. Оппозиционные силы, официально не участвующие в деятельности законодательной ветви власти, не могут в правовом смысле легитимно признавать и квалифицировать действия, практику деятельности государственных органов в качестве терроризма или террора, в силу отсутствия для этого легальных полномочий.

В правовом государстве акты террора, террористическая деятельность, исходящие от государства, его органов, сами по себе недопустимы и невозможны. Они подпадают под признаки соответствующих составов преступлений, а виновные в их совершении лица должны быть привлечены к строгой ответственности.

Как показывают примеры из истории, в государствах с диктаторским политическим режимом право террора закрепляется в законодательстве, поэтому понятия терроризма и террористической деятельности, как правило, к сторонам политического конфликта, этапам завоевания или удержания власти не привязаны. То есть, в правовом государстве террор, терроризм, террористическая деятельность закрепляются в национальном законодательстве в качестве негативных антигосударственных проявлений со стороны оппозиции, а

в «неправовом» государстве проявления террора фактически могут быть присущи как государству (его органам), так и оппозиционным силам. Таким образом, в российском законодательстве понятия «международный терроризм», «международная террористическая деятельность», «акт международного терроризма» являются меньшими по объему и производными от понятий «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт», в связи с чем представляется необходимым закрепить это соотношение законодательно. Вместе с тем, «террор» и «терроризм» не могут являться, и на данный момент не усматривается оснований для признания их понятиями с различным правовым содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Исторический справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск, 1999. [Электронный ресурс]. – URL: <http://history.niv.ru/doc/dictionary/terrorism/fc/slovar-207.htm#zag-320> (дата обращения: 14.12.2018 г.).
2. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. Антонова М.В. и Лёзова С.В. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – С. 200.
3. Ильинский И.М. О терроре и терроризме. – М.: МГСА, 2001. – С. 76.
4. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : – Ростов н/Д., 2003. – С. 217.
5. Корякин В.М. Использование (применение) вооруженных сил на территории иностранного государства: терминологический аспект // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 4. – С. 2 – 4.
6. Мусаелян М.Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятиями «террор» и «террористический акт» // Журнал российского права. – 2009. – № 1. – С. 57.
7. Свистельников А.Б., Шарутенко В.Н. К вопросу о разграничении понятий «терроризм» и «террористический акт» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 4. – С. 78 – 81.

УДК 344.22, 355

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права
20.02.02. – «Военная педагогика и военная психология»

ПОДДЕРЖАНИЕ МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЦЕЛЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧИ В ПЛЕН

Д.А. ИСАЕВ, А.А. АГЕШИН

DMITRY A. ISAEV, ALEKSANDR A. AGESHIN

TRIBUNE OF THE APPLICANT
MAINTAINING THE MORAL-POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL CONDITION OF SERVICEMEN FOR PREVENTION OF CAPTIVITY

Агешин Александр Александрович, адъюнкт кафедры Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: aageshin83@mail.ru

Ageshin Aleksandr Aleksandrovich, adjunct of the Department of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation
E-mail: aageshin83@mail.ru

Исаев Дмитрий Андреевич, адъюнкт кафедры Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: spb-bd@rambler.ru

Isaev Dmitry Andreevich, adjunct of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: spb-bd@rambler.ru

Аннотация: статья посвящена анализу военно-политической работы (1941-1991 гг.) в Вооруженных Силах СССР. Рассмотрен ряд научных работ, посвященных проблематике политико-морального состояния военнослужащих Советской Армии. Авторы выделяют ряд психологических аспектов, актуальных на современном этапе развития Вооруженных сил и предлагают их использовать для поддержания морально-политического и психологического состояния военнослужащих в целях недопущения добровольной сдачи в плен.

Abstract: The article is devoted to the analysis of military-political work (1941-1991) in the Armed Forces of the USSR. A number of scientific works devoted to the problems of the political and moral state of the servicemen of the Soviet Army are considered. The authors identify a number of psychological aspects that are relevant at the present stage of development of the Armed Forces and suggest using them to maintain the moral, political and psychological state of military personnel in order to prevent captivity.

Ключевые слова: плен; добровольная сдача в плен; военно-политическая работа; политико-моральное состояние; морально-политическое и психологическое состояние.

Keywords: captivity, voluntary surrender, military-political work; political and moral condition; moral, political and psychological state.

Действующее законодательство возлагает на военнослужащих обязанность беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни [1]. К таковым в частности относятся боевые действия в период вооруженных конфликтов – крайние проявления экстремальных условий деятельности военнослужащего. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы поддержания военнослужащих в таком состоянии, которое позволило бы последним, сохраняя волю и решимость, до конца выполнить поставленную боевую задачу, исключив при этом случаи добровольной сдачи в плен.

В советский период название состояния войск, влияющего на выполнение боевых задач по предназначению, директивно закреплялось как политико-моральное состояние. В разные эпохи это состояние называлось по-разному. В досоветский период – моральным духом войск, в первые десятилетия постсоветского периода – морально-психологическим состоянием, с 2018 г. – морально-политическим и психологическим состоянием. Анализ показывает, что этими родственными, но не синонимичными понятиями описывается с разными акцентами по сути одно явление.

Особенно активно политико-моральное состояние исследовалось военными учеными в последнее десятилетие эпохи Советского союза. Разработки проводились в различных отраслях гуманитарных наук (философия, история, педагогика, социология, психология), что позволяет сделать вывод о комплексности, междисциплинарности данного понятия. При объективном исследовании научных работ, выполненных советскими военными психологами, историками, философами, представляется возможным выделить психологические механизмы, влияющие на психическое состояние военнослужащих, как на один из структурных элементов морально-политического и психологического состояния военнослужащих.

С.Г. Маслюк в диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических

наук на тему: «Социально-психологические условия повышения политико-морального состояния военнослужащих подразделения», уточнил понятие политико-морального состояния и определил от чего зависят его уровень, основные условия его повышения, что способствует оздоровлению политико-морального состояния.

Политико-моральное состояние военнослужащих автор представил как сложное и многофакторное психологическое явление, возникающее как отражение в сознании личного состава политических и нравственных общественных отношений по поводу войны и армии, воинской службы, определяющее субъективное отношение личного состава к воинской деятельности и характеризующее уровень его морально-политической готовности добиться ее целей, решить поставленные задачи. По своей сути политико-моральное состояние является потребностно-мотивационно-целевым элементом психологической структуры воинской деятельности, динамической стороной морально-политической направленности военнослужащего [2].

Позиция С.Г. Маслюка соизмеримо требованиям КПСС раскрывает политико-моральное состояние в политическом аспекте и в ее интересах. Исследование охватывает воинскую деятельность целиком: от повседневной деятельности в пунктах постоянной дислокации до различного уровня учений на полигонах. Что оставило открытым для исследования повышение политико-морального состояния военнослужащих подразделения в конкретных видах воинской деятельности, например, в таком виде воинской деятельности, как несение боевого дежурства.

В диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук Е.В. Сарычев делает вывод, что реализация политико-моральных качеств предопределяется психологической стороной (разумом, чувствами, волей участников военных действий). Достижению победы над врагом, помимо различных качеств, способствует психическая устойчивость, способность

выстоять и полностью выполнить поставленную боевую задачу [3]. Данная позиция исследователя обогащает психологическое видение проблемы поддержания устойчивого морально-политического и психологического состояния военнослужащих, позволяет аргументированно использовать понятие психической устойчивости как в научных разработках, так и в практической деятельности войск (сил).

Е.В. Сарычев отмечает, что в ходе инженерно-психологических, психофизиологических и медицинских исследований установлено, что если оператор радиолокационной станции будет вынужден реагировать на сигналы с частотой 3600 раз в час, то наступит перегрузка. Она проявляется в снижении эффективной работы, утрате боевой активности и сужении возможностей для максимального проявления духовных сил. Если сигналы поступают с частотой 350-400 раз в час, то при этом создаются наиболее благоприятные условия для всестороннего раскрытия духовных сил воина. Работа оператора длительное время поддерживается на уровне высокой боевой активности. Наконец, если количество сигналов не превышает 40 в час, у человека вновь наблюдается тормозная реакция. Оператор теряет интерес к работе, у него появляется сонливость, сигналы остаются без ответа. Такой же результат наблюдается в случаях, когда воин не в полной мере осознает необходимость выполнения своих функциональных обязанностей.

Эта информация актуальна и на современном этапе развития научного знания о поддержании устойчивого морально-политического и психологического состояния военнослужащих.

По мнению В.П. Сергеева, на процесс формирования политико-морального состояния воинских коллективов оказывают действие ряд негативных явлений: равнодушие личного состава к службе; сокрытие грубых нарушений воинской дисциплины; отсутствие личного примера офицеров, их недостаточная психолого-педагогическая подготовленность к работе с людьми; недостаточный уровень сплоченности воинских коллективов; слабая подготовка

призывников; значительный формализм должностных лиц. Отмечается, что высокая профессиональная боевая подготовка личного состава укрепляет политико-моральное состояние воинских коллективов и вместе с тем является основой его материализации в выполнении военно-политических и боевых задач [4].

В результате социологического исследования выделены направления укрепления политико-морального состояния воинских коллективов: формирование умений и потребности офицеров работать с личным составом; перестройка партийно-политической работы; обеспечение уставной организации жизнедеятельности воинской части; хорошей организации воинского труда; сплочение воинских коллективов, создание здорового морально-психологического климата; организация высоконапряженной и качественной боевой и политической подготовки.

В лекциях В.П. Сергеева излагаются результаты социологических исследований. Они говорят о проблемах формирования политико-морального состояния воинских коллективов и о направлениях его укрепления. Ряд проблем присущ и современному морально-политическому и психологическому состоянию военнослужащих. Направления укрепления политико-морального состояния военнослужащих при более детальном анализе и адаптации могут быть эффективны и при укреплении морально-политического и психологического состояния военнослужащих.

Анализ научной литературы показал, что в последние десятилетия советского периода активно разрабатывалась проблема политико-морального состояния военнослужащих. На данный момент состояние, определяющее победу в бою, называется морально-политическое и психологическое состояние. Данные понятия по сути являются определениями одного и того же состояния. Исходя из научного понимания хода истории разработка морально-политического и психологического состояния вышла на новый уровень осмысления практических мер по его формированию, поддержанию и восстановлению. Надле-

жащее изучение указанного состояния, безусловно, будет способствовать предупреждению различных воинских преступлений, в том числе трусливо-малодушной мотивации, к числу которых относится добровольная сдача в плен.

В этой связи особенно ценным представляется изучение и обобщение опыта работы военно-политических и следственных органов в период Великой Отечественной войны (1941-1945).

В Великой Отечественной войне значение дисциплины, организованности и порядка неизменно возросло по сравнению с прошлыми войнами. Наличие в Советской Армии огромной массы людей и техники, многообразие различных родов войск, невиданный ранее размах боевых операций и колоссальная напряженность сражений значительно усложнили управление боевыми действиями и потребовали исключительной слаженности, организованности, образцового порядка и железной дисциплины.

Ретроспективный анализ уголовных дел данной категории показывает, что характер преступного деяния находится в определенной связи и зависимости от определенных личностных свойств и качеств преступника (продолжительность военной службы, профессиональный опыт, самочувствие, должностное положение и др.), а данные, характеризующие личность преступника, могут содержать сведения о причинах совершенного им деяния.

Наибольшее количество случаев проявления трусости в указанный период отмечалось со стороны вновь прибывшего пополнения еще не бывшего в бою, в военном отношении необученного и необстрелянного. Ввиду ненадлежащей работы командования, комиссаров и политработников с указанными лицами, некоторые из них, не зная обстановки на фронтах, поддавались немецкой агитации и, надеясь на спасение своих жизней, добровольно сдавались в плен [5].

Так, на рассвете 31 августа 1941 г. в 229 сд группа красноармейцев прибывшего пополнения в количестве 160 человек с

оружием добровольно сдалась в плен. Батальон, в котором находились изменники, был расформирован [6].

Кроме того, как отмечает С.В. Маликов, одним из родовых признаков, общим для всех преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженных конфликтов, является «реагирование воинской преступности на военные успехи или неудачи (последние способствуют ее росту)» [7, С. 400-401].

Например, резкое уменьшение количества дезертирств, добровольной сдачи в плен и побегов с поля боя во второй декаде декабря 1941 г. по Западному фронту было связано не только с улучшением партийно-политической работы, но и с оказавшими большое влияние на укрепление политико-морального состояния успехами, достигнутыми частями Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны и переходом частей фронта в наступление [8].

Важным элементом политико-воспитательной работы являлось и усиление агитационной направленности печатной продукции, среди которой значительную роль играли брошюры, памятки и листовки. Своим содержанием они были направлены на предупреждение сдачи в плен врагу бойцов и командиров Красной армии. Так, брошюра «Воин Красной армии в плен не сдается» получила широкое распространение среди военнослужащих различных категорий [9].

Анализ архивных документов свидетельствует, что основными профилактическими мерами, направленными на исключение случаев добровольной сдачи в плен в тот период, являлись не столько постановка дополнительных заграждений на участке обороны, минирование, сколько усиление командирского наблюдения, улучшение партийно-политической работы и особенно устной пропаганды и агитации. Данная работа проводилась постоянно: в период подготовки к бою, непосредственно в ходе боя, в период затишья между боями, а также после боя.

Указанные обстоятельства надлежит

учитывать не только соответствующим воинским должностным лицам при работе с личным составом по поддержанию морально-политического и психологического состояния военнослужащих, но и следователям военных следственных органов при расследовании и предупреждении уголовных дел данной категории.

В этой связи перспективным направлением дальнейшего исследования проблемы предотвращения добровольной сдачи в плен военнослужащих представляется рассмотрение морально-политического и психологического состояния потребностно-мотивационно-целевым элементом психологической структуры воинской деятельности, динамической стороной морально-политической направленности военнослужащего.

Таким образом, целесообразно переосмысление и адаптация выборочных положений военно-политической работы Советского Союза в целях поддержания устойчивого морально-политического и психологического состояния военнослужащих на современном этапе развития реформирования Вооруженных сил в интересах предотвращения случаев добровольной сдачи в плен.

ЛИТЕРАТУРА

1. О статусе военнослужащих : Федер. закон РФ № 76-ФЗ от 27 мая 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
2. Маслюк С.Г. Социально-психоло-

гические условия повышения политико-морального состояния военнослужащих подразделения : автореферат дис... канд. психол. наук. М. : ВПА, 1991. 25 с.

3. Сарычев Е.В. Методологические проблемы комплексного исследования политико-морального фактора в войне : автореферат дис... докт. философ. наук. М. : ВПА, 1978. 40 с.

4. Сергеев В.П. Формирование политико-морального состояния воинских коллективов (социологическое исследование) : лекция. – М. : ВПА, 1988. 64 с.

5. Донесение заместителя начальника Политуправления Западного фронта от

6. 14 сентября 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 24.

7. Донесение заместителя начальника Политуправления Западного фронта от

8. 1 сентября 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 22 а.

9. Маликов С.В. Военно-полевая криминалистика. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». М. : «За права военнослужащих», 2008. Вып. 86. 512 с.

10. Донесение начальника Политуправления Западного фронта от 23 декабря 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 26.

11. Федоров Е. Воин Красной армии в плен не сдается. Ленинград, 1942. С. 3-22.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ МОНГОЛИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Нямдорж Эрдэнэбаяр

NYAMDORJ ERDENEBAYAR

TRIBUNAL OF THE APPLICANT
LEGAL REGULATION OF PARTICIPATION OF MONGOLIA
IN INTERNATIONAL MILITARY COOPERATION

Нямдорж Эрдэнэбаяр, адъюнкт кафедры теории и истории государства и права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: bhy_100@yahoo.com

Nyamdorj Erdenebayar, adjunct of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: bhy_100@yahoo.com

Аннотация: в статье анализируется соотношение суждений российских ученых о международном военном сотрудничестве и практике военного сотрудничества Монголии с другими государствами, а также рассматриваются вопросы правового регулирования участия Монголии в международном военном сотрудничестве, в том числе миротворческих операциях в составе войск ООН и многонациональных вооруженных сил вне рамок ООН.

Ключевые слова: Монголия, внешняя политика Монголии, правовое регулирование, международное военное сотрудничество, войска ООН, войска НАТО, воинский контингент, миротворчество, миротворческие операции, многонациональные вооруженные силы.

Abstract: The article analyzes the correlation between the opinions of Russian scientists on international military cooperation and the practice of military cooperation of Mongolia with other States, as well as the issues of legal regulation of Mongolia's participation in international military cooperation, including peacekeeping operations in the UN and multinational armed forces outside the UN.

Keywords: Mongolia, Mongolia's foreign policy, legal regulation, international military co-operation, UN troops, NATO troops, military contingent, peacekeeping, peace-keeping operations, multinational armed forces.

В современных условиях международное военное сотрудничество для многих государств мира стало одним из важных направлений их внешнеполитической деятельности. Суть данного сотрудничества заключается «в совместной военной деятельности двух или более государств, направленной на достижение общих военно-политических целей» [16, с. 267]. Оно осуществляется как в мирное, так и в военное время на основании соот-

ветствующих двух- и многосторонних международных договоров. В настоящее время правовым основанием заключения, исполнения и денонсации указанных договоров является Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. [1], а также две конвенции – Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. [2] и Венская конвенция о праве преемстве государств в отношении договоров 1978 г. [3]. Наиболее известными

примерами международного военного сотрудничества ряда государств являются: Организация Североатлантического договора (НАТО), созданная в 1949 г. и включающая в себя 29 государств; Организация Варшавского договора, образованная в 1955 г. (включала 8 государств, прекратила свое существование в 1991 г.); Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), созданная в 1975 г. и в настоящее время объединяющая в себе 57 государств; Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), образована в 1992 г., включает 6 государств; Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), создана в 2001 г., объединяет 8 государств-членов и 4 государства-наблюдателя, а также некоторые другие.

Цели создания и принципы деятельности данных организаций указываются непосредственно в соответствующих соглашениях. Так, в ст. 1 Североатлантического договора указано, что «договаривающиеся стороны обязуются в соответствии с Уставом ООН мирно решать все международные споры, участниками которых они могут стать, не ставя при этом под угрозу международный мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения в своих международных отношениях, если это противоречит целям ООН» [4].

В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанном в Хельсинки 01.08.1975, представлена Декларация принципов, которыми государства – участники ОБСЕ будут руководствоваться во взаимных отношениях. Главными из них являются «... приверженность миру, безопасности и справедливости, процессу развития дружественных отношений и сотрудничества; ... действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН» [5]. Сразу стоит отметить, что Монголия стала членом ОБСЕ 21 ноября 2012 г.

Практически аналогичные цели и принципы содержатся и в других договорах

между странами-участницами подобных организаций. Это подтверждает, прежде всего, что Устав ООН является первым юридическим источником для заключения международных договоров о военном сотрудничестве, а главная цель их заключения – поддержание международного мира и безопасности.

В Конституции Монголии 1992 г. определены принципиальные основы, на которых выстраиваются отношения по международному военному сотрудничеству с другими государствами. В частности в основном законе государства указано: «Монголия придерживается общепризнанных правовых норм и принципов, проводит миролюбивую внешнюю политику» (ст. 10.1.); «Монголия честно выполняет принятые на себя по международным договорам обязательства» (ст. 10.2.) [6].

Великий Государственный Хурал (парламент Монголии) постановлением № 56 от 30.06.1994 г. утвердил «Концепцию национальной безопасности внешней политики Монголии» [7], а 10 февраля 2011 г. постановлением № 10 утвердил новую редакцию этого документа [8]. В «Концепции внешней политики Монголии» были сформулированы основные задачи внешней политики Монголии, соответствующие целям и принципам ООН (ст. 3, 4, 10–14). Особо отмечается, что «Монголия участвует в деятельности ООН и других международных организаций по поддержке и восстановлению мира, а также по принуждению к миру» (ст. 14). Таким образом, приверженность целям и принципам ООН имеет в Монголии законодательное закрепление.

В настоящее время Монголия как суверенное государство осуществляет военное сотрудничество с 32 государствами, в том числе Россией, Китаем, Японией, США, Германией, Индией, Южной Кореей [13, р. 364]. При разработке текстов двусторонних соглашений с указанными государствами за основу были взяты положения Устава ООН, Венской конвенции о праве международных договоров 1969

г., Конституции Монголии 1992 г. (ст. 10, п. 15; ст. 25, п. 8; ст. 38), Закона Монголии 2016 г. «О международных договорах» [9], Закона Монголии 2016 г. «Об обороне» [10], а также «Основ оборонительной политики Монголии» 2015 г. (ст. 3.2.1) [14], принятые Великим Государственным Хуралом и являющиеся главным политико-правовым документом, отражающим официальные взгляды военно-политического руководства государства на характер военных задач и способы их решения (данный документ является примерным аналогом российской Военной доктрины). По итогам переговорного процесса с каждым из своих партнеров в сфере военного сотрудничества Монголия заключила двусторонние договоры о дружбе и сотрудничестве, которые имеют срочный характер с возможностью последующей пролонгации.

Руководство международным военным сотрудничеством осуществляют Правительство Монголии, министр обороны и Главное управление международного военного сотрудничества Министерства обороны [13, р. 5]. Основными направлениями военного сотрудничества Монголии в настоящее время с другими государствами являются: во-первых, участие в операциях по поддержанию международной стабильности; во-вторых, в совместных военных учениях; в-третьих, военно-техническое сотрудничество; и в-четвертых, в подготовке военных кадров [13, р. 364 – 368]. Каждое из указанных направлений может быть предметом отдельных соглашений между государствами или международными организациями либо содержаться в комплексном соглашении о двух и более направлениях сотрудничества.

Наиболее плодотворно военное сотрудничество Монголии развивается с Российской Федерацией и имеет богатую историю, уходящую корнями еще в 20-е гг. прошлого века, когда были заключены первые подобные договоры с Советским Союзом. Современный этап развития военного сотрудничества двух стран на-

чался с 27 апреля 1993 г., когда Монголия заключила с Российской Федерацией межправительственное соглашение «О военно-техническом сотрудничестве» [13, р. 165]. Затем на его основе между министерствами обороны Монголии и России 28 июня 1993 г. заключается более расширенное по содержанию и конкретизированное по порядку реализации соглашение «О военном сотрудничестве» [13, р. 166].

В последующем наши государства расширяли варианты взаимодействия в военной сфере, примером чего может служить заключенный 29 февраля 2008 г. между Монголией и Россией договор «Об оказании безвозмездной военно-технической помощи» [13, р. 369]. В ходе его реализации с 2009 по 2015 гг. Монголии было поставлено вооружения и военной техники на сумму 244,3 миллиона долларов США [13, р. 166].

Важным элементом сотрудничества двух стран является подготовка военных кадров для вооруженных сил Монголии в российских военных вузах. Она осуществляется на основании соглашения между министерствами обороны двух государств от 17 ноября 2006 г. «Об обучении военнослужащих Монголии в учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации» [13, р. 167]. Начиная с 2007/2008 учебного г., в военно-учебных заведениях России военнослужащие Монголии обучаются почти по 30 специальностям [13, р. 167].

Вторым партнером Монголии по значимости и продолжительности в исследуемой сфере является Китайская Народная Республика. Монголо-китайское военное сотрудничество началось с момента установления дипломатических отношений 16 октября 1949 г. Однако, начиная с 60-х гг. XX в., военные связи двух стран прерывались почти на 30 лет. После 1990 г. отношения между Монголией и Китаем стали улучшаться, и 9 сентября 1997 г. был подписан «Протокол о сотрудничестве и обмене» между министерствами обороны Монголии и Китайской Народной Респу-

блики [13, р. 169], благодаря которому постепенно начала развиваться правовая база, регулирующая военное сотрудничество двух стран. Так, 13 июля 2005 г. между министерствами обороны двух стран было заключено уже соглашение «О сотрудничестве в области обороны» [13, р. 370], а 18 сентября 2013 г. – межправительственное соглашение «О военно-техническом сотрудничестве» [13, р. 370]. В соответствии с этими соглашениями КНР оказывает Монголии безвозмездную военно-техническую помощь. В частности в период с 2010 по 2016 гг. китайская сторона оказала Монголии безвозмездную помощь по поставке материалов и техники военного назначения на сумму 140 миллионов юаней [13, р. 175].

В дальнейшем 12 мая 2012 г. было заключено соглашение на уровне министерств обороны двух государств «О бесплатном обучении монгольских военнослужащих в военных университетах и институтах Китайской Народной Республики» [13, р. 370].

С начала XXI в. Монголия стала постепенно вовлекаться в достаточно важное направление международного военного сотрудничества – участие военнослужащих вооруженных сил в операциях по поддержанию международной стабильности. Как отмечается в литературе, в современных условиях поддержание международной стабильности осуществляется двумя путями:

- проведение гуманитарных силовых операций в составе войск ООН;
- проведение гуманитарных силовых операций вне рамок ООН подразделениями многонациональных вооруженных сил [17, с. 271-272].

Правовым основанием для проведения первых являются положения Устава ООН, в соответствии с которыми Организация Объединенных Наций может применять вооруженные силы в целях пресечения агрессии, ее предотвращения, поддержания международного мира и безопасности. Для практической реализации указанных положений Совет Безопасности

вправе заключать соглашения с любым членом ООН о выделении последним контингентов войск» (ст. 43 Устава ООН). Данное соглашение и будет являться правовым основанием для использования национального воинского контингента в рамках операций ООН. В соглашении должны определяться численность и род войск, степень их готовности, характер предоставляемых средств обслуживания и помощи.

В Монголии в целях реализации указанной процедуры по направлению монгольских военнослужащих в состав войск ООН в 2002 г. был принят специальный Закон «Об отправке военнослужащих и полицейских для участия в миротворческой деятельности» [11] (примеч.: в 2010 г. данный закон был принят в новой редакции – «Об участии в миротворческой деятельности» [12]; их принципиальное различие состоит в том, что в новом законе не предусмотрено участие в миротворческих операциях полиции). В соответствии с указанным законом полномочным органом по заключению договора с ООН по направлению военнослужащих для участия в миротворческих операциях является Правительство Монголии. Заключив указанное соглашение, Правительство затем издает постановление о направлении в состав войск ООН своего национального контингента. В постановлении указывается состав сил и средств, выделяемых в распоряжение ООН, а также срок нахождения в командировке. По принятии постановления министр обороны Монголии издает соответствующий приказ. При этом стоит иметь в виду, что Законом Монголии «Об участии в миротворческой деятельности» установлена добровольность участия граждан Монголии в качестве миротворцев и наблюдателей в подобных миссиях.

Более конкретно процедура отбора военнослужащих для участия в международных военных миссиях в составе войск ООН регламентируется постановлением Правительства Монголии № 177 от 15 июля 2003 г. «Об участии в миротворче-

ских миссиях» [15]. По укомплектовании личным составом и техникой воинский контингент убывает в указанный район, где приступает к выполнению служебных задач.

Как было отмечено выше, миротворческая деятельность может осуществляться и вне рамок ООН подразделениями многонациональных вооруженных сил. Военнослужащие вооруженных сил Монголии участвовали в таких операциях в составе воинских контингентов НАТО. Правовыми основаниями для этого являются ст. 12.1, 12.2 «Концепции национальной безопасности и внешней политики Монголии» 1994 г. [7] и ст. 14.2 ее обновленной редакции 2011 г. [8], где одним из приоритетных направлений внешней политики является сотрудничество с ООН и другими международными организациями, но в то же время на законодательном уровне закреплён внеблоковый статус Монголии, что получило отражение в ст. 2 «Основ военной государственной политики Монголии» 1998 г. и подтверждено в ст. 3.1 и 3.2.8 «Основ оборонительной политики Монголии» 2015 г.

В рамках сотрудничества с государствами Западной Европы пехотный взвод вооруженных сил Монголии участвовал в миссии в Косове в составе бельгийского контингента (2005 – 2007). Правовым основанием послужило соглашение, заключенное на уровне глав правительств Монголии и Бельгии.

В феврале 2010 г. Монголия направила свой контингент в состав миссии НАТО в Афганистане на основании соглашения премьер-министров Монголии и Германии. Монголия участвовала в операциях в Афганистане с марта 2010 г. [13, р. 378 – 394]. Порядок отбора и направления в командировки военнослужащих тот же самый, что для участия в миссиях ООН. Заметим, что, хотя фактически монгольские военнослужащие состояли в контингентах НАТО, формально это осуществлялось в рамках военного сотрудничества не с НАТО, а с государством – членом НАТО. С генеральным секретариатом

НАТО Монголия не заключала соглашений о военном сотрудничестве, но имеет соглашение о взаимодействии в сфере информационной безопасности от 6 июля 2010 г. [13, р. 376].

Последним из основных направлений международного военного сотрудничества является проведение двумя и более государствами совместных военных учений. В рамках данного направления Монголия регулярно на своей территории организует международные военные учения, а также участвует в них на территории других государств. Правовое регулирование указанной деятельности осуществляется ст. 10.1 и 10.2 Конституции Монголии, ст. 14 «Концепции внешней политики Монголии», ст. 3.2.1 «Основ оборонительной политики Монголии» и ст. 13.1.12 Закона Монголии «Об обороне». На основании их положений Монголия заключает соглашения об участии в международных военных учениях с принимающим государством либо с государством, направляющим своих представителей, если проводит учения на своей территории. Юридическая процедура одинаковая в обоих случаях и осуществляется следующим образом: если Монголия впервые участвует в учениях на территории другой страны (либо приглашает к себе представителей другой страны), то заключается соответствующее двухстороннее межправительственное соглашение. Для участия в последующих учениях всякий раз заключается двухстороннее соглашение на уровне министров обороны.

Таким образом, современный период развития Монголии характеризуется ее активным вовлечением в сферу международного военного сотрудничества, основанном на принципах, заложенных в Уставе ООН, ряде международных конвенций и национальном законодательстве. Главная цель военного сотрудничества – поддержание международного мира и безопасности. Для достижения безопасности военное сотрудничество сосредоточено в рамках четырех основных направлений – участие в операциях по поддержанию

международной стабильности, в совместных военных учениях, военно-техническом сотрудничестве и в подготовке военных кадров. Правовое регулирование каждого из названных направлений продолжает активно формироваться, основываясь как на собственном опыте, так и на опыте государств-партнеров в указанной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав Организации объединённых наций и Статут международного суда // Сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/>
2. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Сайт ООН. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml
3. Венская конвенция о праве преемстве государств в отношении договоров 1978 г. // Сайт ООН [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml
4. Североатлантический договор от 4 апреля 1949 г. // Сайт НАТО [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm
5. Хельсинкский Заключительный акт // Сайт ОБСЕ [Электронный ресурс]: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/3950>
6. Конституция Монголии // Государственный информационный журнал. Улан-Батор, 1992. - №1. Р. 1 – 26.
7. Концепция национальной безопасности и внешней политики Монголии от 30 июня 1994 г. // Государственный информационный журнал. Улан-Батор, 1994. № 9. Р. 805 – 817.
8. Концепция внешней политики Монголии (обновленная редакция) от 10 февраля 2011 г. // Официальный право-

вой портал Монголии (электронный ресурс). URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/6340>

9. О международных договорах : закон Монголии от 12 января 2016 г. // Официальный правовой портал Монголии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/12340>

10. Об обороне : закон Монголии от 23 апреля 2016 г. // Государственный информационный журнал. Улан-Батор, 2016. № 36. Р. 1899 - 1910.

11. Об отправке военнослужащих и полицейских для участия в миротворческой деятельности : закон Монголии от 17 мая 2002 г. // Официальный правовой портал Монголии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/84>

12. Об участии в миротворческой деятельности: закон Монголии от 20 мая 2010 г. // Государственный информационный журнал. Улан-Батор, 2010. № 22. Р. 730 – 736.

13. Международное сотрудничество в сфере обороны, миротворчество // Белая книга (на монг. яз.). Улан-Батор, 2015.

14. Основы оборонительной политики Монголии: приняты Великим Государственным Хуралом 8 октября 2015 г. // Государственный информационный журнал. Улан-Батор, 2015. № 41. Р. 1791 – 1801.

15. Об участии в миротворческих миссиях: постановление Правительства Монголии № 177 от 15 июля 2003 г. // Официальный правовой портал Монголии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/2535>

16. Военный энциклопедический словарь. – М. ОНИКС XXI век, 2002. – 1431 с.

17. Леншин С.И. Международное гуманитарное право : учебник. Часть I. – М. ВУ, 2007. Ч. 1. 360 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОМОЩНИКОВ КОМАНДИРОВ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ПО РАБОТЕ С ВЕРУЮЩИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

С.Н. СОЛОНИНА

SVETLANA N. SOLONINA

TRIBUNE OF THE APPLICANT
LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF THE ASSISTANTS OF COMMANDERS OF
MILITARY UNITS ON WORK WITH THE FAITHFUL SOLDIERS

Солонина Светлана Николаевна,
преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Фе-
дерации
E-mail: solonina.sv@gmail.com

Svetlana Nikolaevna Solonina
lecturer of the Military University of
the Ministry of defense of the Russian
Federation
E-mail: solonina.sv@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются во-
просы правового регулирования деятель-
ности помощников командиров воинских
частей по работе с верующими военнос-
лужащими, ее закономерности, принци-
пы, цели, юридическая природа правоот-
ношений в сфере взаимодействия армии
и церкви при выполнении задач по нрав-
ственному воспитанию военнослужащих.

Abstract: The article deals with the issues
of legal regulation of the activity of assistant
commanders of military units to work with
the faithful soldiers, its laws, principles,
objectives, legal nature of legal relations in
the field of interaction between the army and
the Church in the performance of tasks of
moral education of soldiers.

Ключевые слова: помощники коман-
диров воинских частей по работе с
верующими военнослужащими, воен-
но-политическая работа, воспитание во-
еннослужащих, правовое регулирование,
взаимодействие армии и церкви.

Keywords: assistants to commanders of
military units on work with believing military
personnel, military-political work, education of
military personnel, legal regulation, interaction
of army and Church.

В условиях информационной войны, которая ведется против нашей страны с помощью основанной на лжи русофобской пропаганды, перед органами военного управления стоят приоритетные задачи по проведению контрпропагандистской работы, защите личного состава от негативного информационно-психологического воздействия, профилактике отклоняющегося поведения, предупреждению негативных социальных процессов в воинских коллективах на межнациональной и межрелигиозной основе. Так оценил существующую обстановку на идеологическом направлении заместитель Министра обороны

Российской Федерации, начальник Главного военно-политического управления генерал-полковник А. В. Картаполов, выступая с докладом в Военном университете 1 сентября 2018 г. Он отметил необходимость максимальной духовной консолидации общества, воспитания у воинов таких черт личности, как государственность, патриотизм, гражданственность, верность воинскому долгу, мужество, героизм, воинская честь, сила воли, собранность и способность к самопожертвованию ради защиты Отечества [19].

Как справедливо отмечал один из основоположников русской философии права

И. А. Ильин, упомянутые качества личности являются составляющей духовной деятельности человека, напрямую связанной с чувством ответственности «духовной, религиозной и нравственной», которая «есть высший дар и высокое призвание, исходящее от Бога» [6, с. 580; 7, с. 16].

В соответствии со ст. 28 Конституции Российской Федерации каждому гражданину гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

В целях реализации военными служащими данной конституционной гарантии в 1994 г. был создан Координационный комитет по взаимодействию между Вооруженными силами Российской Федерации и Русской Православной Церковью.

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации о введении института военного духовенства в 2010 г. в составе Главного управления по работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации (с 30 июля 2018 г. преобразовано в Главное военно-политическое управление) создано Управление по работе с верующими военными служащими, которое по данному направлению деятельности является центральным органом военного управления.

К нижестоящим звеньям системы этих органов относятся отделения по работе с верующими военными служащими военно-политических управлений военных округов, а также помощники командиров соединений, воинских частей, начальников военно-учебных заведений и учреждений Минобороны России.

Во многих воинских частях построены соответствующие культовые сооружения. На добровольные пожертвования ведется строительство Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации, который должен стать олицетворением исторического единства армии, народа и церкви, духовным, учебно-методическим и просветительским центром для военных служащих, членов их семей, священнослужителей и других граждан. В нем будет располагаться Центр подготовки военного духовенства.

Основными задачами органов по работе с верующими военными служащими Воору-

женных Сил Российской Федерации являются:

- создание условий для реализации военными служащими конституционного права на свободу вероисповедания с учетом особенностей военной службы;

- организация духовно-просветительской работы с верующими военными служащими;

- участие в патриотическом и нравственном воспитании военных служащих на основе духовных ценностей традиционных религий России;

- развитие правосознания военных служащих в целях укрепления правопорядка и воинской дисциплины, профилактики правонарушений и суицидальных происшествий в воинских коллективах.

Со стороны Русской православной церкви в этой работе принимает участие Синодальный отдел Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами.

В круг задач этого субъекта взаимодействия входят, в первую очередь, вопросы подбора квалифицированных кадров для назначения на должности помощников командиров по работе с верующими военными служащими. Кандидаты на упомянутые должности подбираются из числа представителей духовенства, которые в соответствии с каноническими церковными правилами наделены духовным саном, имеют опыт служения в соответствующем религиозном объединении не менее пяти лет, способны и полномочны организовывать и проводить религиозные обряды, церемонии и удовлетворять духовно-нравственные потребности верующих, прошли специальную подготовку по вопросам военной службы. Кроме этого на религиозные организации возлагается обеспечение утварью, другими культовыми принадлежностями для обеспечения профессиональной деятельности должностных лиц по работе с верующими военными служащими.

Помимо ст. 28 Конституции Российской Федерации порядок взаимодействия органов военного управления и религиозных объединений в вопросах реализации верующими военными служащими прав на свободу совести и свободу вероисповедания регулируется федеральными законами № 76-ФЗ от 27.05.1998 «О статусе военных служащих» (статья 8), № 125-ФЗ от 26.09.1997 «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также Положением по организации работы с верующими военными служащими

Вооружённых Сил Российской Федерации, утвержденным Министром обороны Российской Федерации 24.01.2010 (далее – Положение), приказом Министра обороны Российской Федерации № 655 от 12.10.2016 «Об организации работы с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации» и иными ведомственными правовыми актами.

Одной из важных задач взаимодействия армии и церкви является развитие духовных начал правосознания военнослужащих. В связи с этим особую актуальность приобретает воинское правовое воспитание среди всех категорий военнослужащих в форме разъяснения греховности различных противоправных деяний, предупреждение тем самым преступлений, иных правонарушений и суицидальных проявлений.

Убедительные примеры многовековой всемирной и отечественной истории свидетельствуют о наличии объективных закономерностей взаимодействия армии и церкви в вопросах духовного воспитания военнослужащих, результатом которого неизменно является укрепление воинской дисциплины, правопорядка, формирование у военнослужащих психологической устойчивости и готовности к самоотверженным действиям в бою, успешное противодействие негативным влияниям со стороны противника на морально-нравственное состояние воинских коллективов, укрепление общего боевого духа войск, повышение их боеспособности и боевой готовности [1; 8; 16; 17, с. 476; 18, с. 267-268].

Исходя из норм Положения, принципами взаимодействия органов военного управления и военного духовенства, по нашему мнению, являются: а) военно-служебный характер отношений; б) урегулированность нормами военного права; в) приоритет интересов обеспечения воинской дисциплины и правопорядка на основе единоначалия командира; г) недопустимость нанесения вреда интересам поддержания авторитета духовных наставников военнослужащих, а также принуждения командованием военнослужащих к обязательному участию в религиозных обрядах, церемониях; д) взаимное уважение, сотрудничество и невмешательство во внутренние дела, касающиеся организации работы представителей различных конфессий по удовлетворению религиозных потребностей верующих военнослужащих; е) разграничение военнополитической работы с личным составом

соединений, воинских частей и органов военного управления и духовно-воспитательной работы с верующими военнослужащими по функциям и специфическим методам; ж) согласование с военно-политическими органами издаваемых органами по работе с верующими военнослужащими актов управления по вопросам своей деятельности и кандидатов к назначению на соответствующие должности; з) организующая роль органов военного управления в сочетании со вспомогательной ролью должностных лиц из числа представителей духовенства и их ответственностью согласно трудовому законодательству за выполнение своих обязанностей в рамках взаимодействия; и) защита государственной тайны, иной служебной информации субъектами взаимодействия.

Правоотношения между органами военного управления и военным духовенством в связи с использованием ими специфических возможностей друг друга при осуществлении духовно-нравственного воспитания военнослужащих по своей юридической природе являются военно-административными, а потому – публично-правовыми. Строятся они, по нашему мнению, на основе административно-правовой организации управления, предусматривающей классические функции, без которых управление невозможно: информирование, учет, анализ, прогнозирование, планирование, материально-техническое обеспечение, непосредственное руководство, контроль и проверку исполнения [5, с. 328-341].

В соответствии с пунктами 7, 8 и 17 Положения помощники командиров по работе с верующими военнослужащими в соединениях, воинских частях, учреждениях и органах военного управления на основе трудового договора замещают штатные должности гражданского персонала, содержащиеся за счет бюджетных ассигнований Министерства обороны Российской Федерации в пределах лимитов численности соответствующих видов вооруженных сил и родов войск Вооруженных Сил Российской Федерации, «исходя из пропорционального соотношения верующих военнослужащих».

В настоящее время подготовка помощников командиров по работе с верующими военнослужащими проводится на базе Военного университета, где в 2016 г. проведен «круглый стол» на тему «О православных традициях духовного воспитания защитни-

ков Отечества в контексте реализации идеологической функции военного права» [12, с. 103], а в 2017 г. – научно-практическая конференция «Роль духовно-нравственных ценностей в укреплении российского общества и противодействии религиозному радикализму» [15, с. 275].

Участники круглого стола протоиереи Д. Солонин, М. Васильев, ученые-правоведы Дерешко Б. Ю., Овчаров О. А. и др. обратили внимание на необходимость духовной подготовки и поддержки личного состава военным духовенством, особенно актуальных в боевых и других экстремальных условиях [9].

Начальник Военного университета генерал-лейтенант Мишуткин И.В. в обращении к участникам конференции вступительном слове отметил, что «именно духовность и нравственность, имеющие глубокие исторические и религиозные корни, определяют основные приоритеты развития нашего общества, способствуют укреплению стабильности и безопасности государства» [15, с. 22]. Согласно принятой на конференции Резолюции, органам военного управления и должностным лицам военных вузов рекомендовано повысить уровень взаимодействия органов государственного и военного управления, военных вузов и представителей традиционных религиозных конфессий по культивированию духовно-нравственных ценностей в армейской среде и недопущению проникновения в нее религиозного радикализма [15, с. 279].

При подготовке специалистов по работе с верующими военнослужащими к выполнению ими должностных обязанностей учитывается, что помимо изложенных в главе III Положения общих требований к военным священникам, они должны обладать такими профессиональными качествами и компетенционными способностями, как: призвание (любовь к Богу, людям, профессии), вера в Бога, перцептивные способности (сопереживание, отзывчивость), духовный потенциал, активность, организаторские способности (способность убеждать), воля, ответственность, патриотизм, жизнеспособность, интеллект [10]. У них также должна быть осознанная склонность к своей профессиональной деятельности, интерес к военному делу, пастырскому и социальному служению, желание выполнить патриотический долг по защите Отечества и высших ценностей бытия, жертвенная любовь к страдающим людям и другие возвышенные

качества глубоко верующего человека, позволяющие священнику быть духовным наставником воинов, находящихся в условиях боевой обстановки [2, с. 124-125; 3, с. 13, 286; 11; 13].

Самому священнослужителю в условиях боевой обстановки приходится вести внутреннюю психологическую борьбу с воздействием на него соответствующих стресс-факторов, благодаря чему он не только сам становится жизнестойким, стрессоустойчивым и способным к самопожертвованию, но и своим личным примером воспитывает эти качества у военнослужащих. В частности, это подтверждается уроками привлечение военного духовенства к работе с личным составом в период ведения боевых действий в Сирийской Арабской Республике и доказывает положительный результат в достижении поставленных задач, а также позволяет поддерживать боевой дух и морально-психологический настрой войск [4, с. 125].

В заключении отметим, что деятельность помощников командиров по работе с верующими военнослужащими – это особый вид профессиональной деятельности, осуществляемой в мирное и военное время в целях духовной и психологической поддержки военнослужащих, развития их духовно-нравственного потенциала [14, с. 231]. Она имеет очевидную социальную направленность, ориентирована на то, чтобы не допустить бессмысленного кровопролития, сохранить людские жизни и развить у военнослужащих качества, позволяющие им в боевых условиях быть человечными.

По своей правовой сущности взаимодействие органов военного управления с должностными лицами из числа духовенства представляет собой систему отношений между данными субъектами в связи с использованием ими специфических возможностей друг друга при осуществлении воспитательной деятельности в сфере обеспечения военной безопасности Российской Федерации. При этом в качестве специфических выступают возможности, обусловленные, с одной стороны, военно-административными полномочиями органов военного управления в лице военно-политических органов и, с другой – полномочиями имеющих духовный сан должностных лиц: по проведению с участием военнослужащих религиозных обрядов и церемоний, участию в духовно-просветительской работе с военнослужащими, со-

действию командирам в проведении воспитательных мероприятий, профилактике правонарушений, участии в укреплении здорового климата в воинских коллективах и семьях военнослужащих, оказанию духовной поддержки военнослужащим, находящимся на лечении.

Учитывая актуальность этой деятельности в современных условиях для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, представляется необходимым обеспечить ее дальнейшее правовое регулирование в целях повышения боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банников А.В., Морозов В.А. Византийская армия (IV-XII вв.). – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2015. – 687 с.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
3. Год с русскими старцами и подвижниками благочестия: Православный календарь 2017. – М.: Данилов мужской монастырь, 2016. – 416 с.
4. Горячев А.И., Курочко М.М., Петрий П.В., Шевцов В.М. Основы и уроки боевого опыта современной Российской армии на Ближнем Востоке: монография. – М.: ВУ, 2018. – 256 с.
5. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: Учебник. – М., 2001. – 592 с.
6. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 586 с.
7. Ильин И.А. Воспитание национальной элиты. – М.: Жизнь и мысль, 2001. – 512 с.
8. Карпиченко Н.П., Амбаров В.Н. История отечественного государства и права: уч. пособие. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2004. – 336 с.
9. О православных традициях духовного воспитания защитников отечества в контексте реализации идеологической функции военного права: круглый стол // Вестник военного права. – 2016. – №3. – С. 87-93.
10. Кузьмина Е.И., Солонина С.Н. Компетенциальные способности военных священников // Психология труда и управления как ресурс развития общества в условиях глобальных изменений. Материалы междуна-
дународной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Факультета психологии Тверского государственного университета. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. – 388 с. – С. 346-353.
11. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. – СПб.: Издат. группа «Евразия», 1997. – 430 с.
12. Овчаров О.А. Щукина В.В. О дальнейшем совершенствовании правовой работы в области военно-церковных отношений // Вестник военного права. – 2016. – № 1. – С. 103-108.
13. Осипов А.И. Нужна ли святость человеку? – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. – 160 с.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
15. Роль духовно-нравственных ценностей в укреплении российского общества и противодействии религиозному радикализму / под общ. ред. Е.Г. Княzewой // Материалы межвузовской научно-практической конференции. Москва, 24 ноября 2017 г. – М.: ВУ, 2018. – 288 с.
16. Савинкин А.Е. Суворовская «Наука побеждать» / А.Е. Савинкин // Военный академический журнал. – 2015. – № 3 (7). – С. 5-23.
17. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров; редкол.: А.А. Гусев и др. – изд. 4-е. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 1632 с.
18. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954. – Т. II. – 412 с.
19. [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.tvzvezda.ru/news/forces/content/201809011057-gg> (дата обращения: 03.09.18)
20. [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.tvzvezda.ru/news/forces/content/201808231901-6o1p.htm> (дата обращения 03.09.18)

УДК 342.417

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ш.Р. ШОЕВ

SHODMON R. SHOEV

TRIBUNE OF THE APPLICANT

THE MAIN DIRECTIONS OF CO-OPERATION BETWEEN REPUBLIC OF TAJIKISTAN
AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ORGANIZATION OF THE COLLECTIVE
SECURITY TREATY (CSTO)

Шоев Шодмон Рустамович, адъюнкт кафедры Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Email: shodmon@list.ru
Email: trapezunt@yandex.ru

Shodmon Rustamovich Shoev, adjunct of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.
Email: shodmon@list.ru

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены основные составляющие военного сотрудничества Республики Таджикистан и Российской Федерации в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), а также нормативно-правовая основа данного сотрудничества. Рассматриваются причины создания ОДКБ и ее роль в развитии сотрудничества между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией, а также роль ОДКБ для обеспечения безопасности в Центрально-Азиатском регионе.

Abstract: this article examines the main components of military cooperation between the Republic of Tajikistan and the Russian Federation within the framework of the Collective Security Treaty Organization (hereinafter referred to as the Collective Security Treaty Organization), as well as the regulatory and legal framework for this cooperation. The reasons for creating the CSTO and its role in the development of cooperation between the Republic of Tajikistan and the Russian Federation, as well as the role of the CSTO for ensuring security in the Central Asian region are considered.

Ключевые слова: Таджикистан, сотрудничество, правовое регулирование

Keywords: Tajikistan, cooperation, legal regulation

После распада Советского Союза 15 мая 1992 г. шесть независимых стран, входивших в состав единого государственного образования, пришли к выводу о необходимости создания новой интеграционной связи, которая, не посягая на суверенитет субъектов, тем не менее давала бы субъектам гарантии взаим-

помощи и взаимного сотрудничества в ключевых областях. Казахстан, Киргизия, Армения, Россия, Таджикистан и Узбекистан посчитали для себя возможным стать участниками Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) [4], к членству в котором позже присоединились Азербайджан, Грузия и Белоруссия.

Безусловно, данный союз носил военно-стратегический характер и был направлен на укрепление обороноспособности каждого из государств с поддержкой имеющимися в их распоряжении военно-политическими ресурсами. Первоначально Договор был рассчитан на пятилетний срок, а через 5 лет, 2 апреля 1999 г., главами Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана было принято совместное решение о пятилетней пролонгации интеграционного союза. Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались от данного шага, выбрав для себя иные пути обеспечения национальной безопасности.

Начавшийся в девяностых годах интеграционный процесс с течением лет не затухал и приобретал для своих стран-участниц все более весомое политическое значение. Отражением этого стало признание необходимости в создании головной организации, которая бы осуществляла управление всеми многосложными процессами, входящими в понятие обеспечения коллективной безопасности. Так, 14 мая 2002 г. по итогам переговоров глав государств – участников ДКБ было принято решение об образовании Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), что стало одним из наиболее значимых событий на региональной политической арене. Данная Организация встала в один ряд с иными наднациональными образованиями, отвечающими за военные интеграционные инициативы стран-союзников. В свете прошедших лет можно сделать вывод, что ОДКБ стало своеобразным ответом стран постсоветского пространства на усиливающееся присутствие НАТО на континенте, что не могло не стать фактором напряженности в международной расстановке сил.

7 октября 2002 г. члены вновь образованной международной структуры разработали нормативную базу для ее функционирования, приняв тексты Устава и Соглашения о правовом статусе ОДКБ, которые были наделены юридической силой 18 сентября 2003 г. Основополагающие векторы деятельности структуры перечислены в ст. 3 Устава. Ими являются: сохранение мирной международной обстановки, региональной безопасности и стабильности, а также военно-политическое

обеспечение независимости, территориальной целостности и суверенитета своих членов, что, конечно же, не исключает решение конфликтных и спорных международных ситуаций дипломатическими методами [7]. Все формальности с принятием Организации в члены международного сообщества были закончены с принятием резолюции ООН 2 декабря 2004 г., присваивающей ОДКБ статус наблюдателя.

Следующий этап усиления интеграционного процесса произошел 4 февраля 2009 г., когда члены Организации пришли к единому решению о необходимости наличия в распоряжении у военно-политического союза единого вооруженного контингента, который получил наименование Коллективных сил оперативного реагирования (далее в сокращенном варианте – КСОР). Компетенция данных сил, обширна и охватывает самые разнообразные сферы, в которых может понадобиться специально обученный военный персонал. Это: отражение военного нападения, в том числе носящего провокационный характер; содействие международным полицейским организациям (ИНТЕРПОЛ) в раскрытии транснациональных правонарушений; пресечение незаконного оборота наркотических средств и их транснациональной транспортировки; проведение превентивных мероприятий, направленных на пресечение терактов; организационная и иная помощь в восстановлении общественного порядка и инфраструктуры, пострадавших в результате какого-либо стихийного бедствия.

В подписанном в том же году Соглашении о КСОР данные цели были зафиксированы юридически, что предоставляет государствам-союзникам право размещать военные базы на территориях друг друга, вводить вооруженные формирования на территории, которые подверглись военному нападению или на которых разгорелись какие-либо военные конфликты. Особо была упомянута превентивная задача сил КСОР, заключающаяся в создании безопасного пространства, находящегося под охраной сил КСОР и убедительной демонстрации всем потенциальным противникам военной мощи стран-союзников и наличия четкого намерения применить

данные ресурсы при наличии к тому веских оснований. Военные силы КСОР также могут быть задействованы для проведения обширных гуманитарных операций и мероприятий, направленных на взаимодействие с местным населением по вопросам обеспечения их безопасности жизнедеятельности. [3].

Следующая стадия развития военного сотрудничества ознаменовалась принятием важнейшего решения, определяющего всю дальнейшую судьбу ОДКБ.

14 октября 2016 г. Совет коллективной безопасности ОДКБ в полном составе единогласно сформулировал Решение об утверждении Стратегии коллективной безопасности до 2025 г. Он же дополнительно ввел в структуру объединения Центр кризисного реагирования ОДКБ, основной миссией которого становится несение бремени организационной, координационной и аналитической нагрузки, сопровождающей деятельность всей Организации. Важнейшим шагом аналитической направленности стало определение государствами-союзниками единого перечня террористических организаций и бандформирований и утверждение этого перечня путем принятия соответствующего Положения.

Углубляясь в анализ партнерства, сложившегося между Республикой Таджикистан и РФ, необходимо отметить обоюдный характер выгоды, получаемой как РФ (в виде упрочения стабильности и правопорядка на своей приграничной территории), так и Республикой Таджикистан (в виде усиления роли Республики как полноценного внешнеполитического игрока). Кроме того, две страны связывают также и прочные взаимные экономические интересы. РФ прямо заинтересована в поддержании лояльных и открытых контактов со всеми странами постсоветского пространства, что также входит в сферу интересов Таджикистана. Поэтому сотрудничество государств в рамках ОДКБ является политически оправданным и плодотворным.

Стоит также отметить, что именно Таджикистан и Россия являлись основоположниками самой идеи коллективной безопасности и необходимости создания подобной международной формы сотрудничества. Одним из скрепляющих факторов успешных диплома-

тических связей двух стран стал двусторонний Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный в 1993 г. (далее также – Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи). Данный Договор имел большое значение для Таджикистана, если принять во внимание сохранившуюся напряженность на границе с Афганистаном и активизацию террористической угрозы.

Необходимо более детально отметить ст. 4 вышеназванного Договора, где в абзаце первом говорится, что при возникновении условий, как-либо дестабилизирующих ситуацию в регионе и создающую вероятность возникновения вооруженных конфликтов, Россия и Таджикистан согласованно приходят к режиму совместных консультаций, где происходит формирование единого дипломатического подхода к возникшей проблеме и выбирается приемлемый разумный и согласованный с нормами международного права ответ на кризисную ситуацию. Право на ответный военный удар закрепляется в абзаце втором ст. 4 Договора, что считается оказанием военной помощи в рамках проводимой единой союзнической политики [3].

Содержание Договора о дружбе, сотрудничестве и военной помощи полностью соответствует нормативной базе и принципам, принятым Содружеством Независимых Государств, и обязывает стороны нести все бремя добровольно взятых на себя обязательств, в том числе относящихся к организационно-техническим моментам обеспечения коллективной безопасности. Сотрудничество также распространяется на топливно-энергетическую, научно-техническую, инновационную и иные сферы.

Основными вехами совместных военных инициатив Таджикистана и РФ являются интегрированная система противовоздушной обороны, дислокация действующих российских военных подразделений на территории Республики Таджикистан (201 российская военная база), проведение совместных военных смотров и учений в рамках действующего Договора. Нельзя не отметить то очевидное обстоятельство, что российские силы, располагающиеся на таджикской территории, выполняют роль гаранта стабильности для

всей Центральной Азии и становятся ответом на возросшую террористическую и наркотическую угрозы со стороны афганских пограничных областей. Российские вооруженные подразделения будут функционировать еще несколько десятилетий, что подтверждено продлением соответствующих международных правовых соглашений [6].

Серьезным шагом к усилению дипломатической связи и военной взаимопомощи между Республикой Таджикистан и РФ стало подписанное Соглашение о взаимодействии при подготовке кадрового состава войск, которое предоставило профессиональным военным лицам (и всем тем, кто хочет освоить эту профессию) Таджикистана возможность повышать (или приобрести) свою квалификацию в лучших российских военных институтах, включая Военный университет Министерства обороны России. Данное Соглашение было составлено в полном соответствии с Законом Республики Таджикистан «О международных договорах Республики Таджикистан», который устанавливает порядок проведения ратификационных процедур и прочих мероприятий, связанных с включением международно-правовых норм в правовую систему страны [5].

С течением времени становится очевидно, что вхождение Таджикистана в состав членов ОДКБ было с точки зрения интересов геополитики оправданным и взвешенным решением. Однако для углубления интеграционного процесса необходимо провести большую работу по корректировке национального законодательства стран-участниц и выработке единого категориально-понятийного аппарата, что способствует устранению неточных и двусмысленных формулировок и достижения предельной ясности принимаемых норм для углубления взаимодействия. Будет справедливо напомнить, что именно Республика Таджикистан стала одним из первых инициаторов создания КСОР и активно проявила свою заинтересованность в дальнейшем совершенствовании данного международно-правового инструмента для повышения его эффективности и надежности.

Формат ОДКБ предполагает тесное общение и обмен опытом военных ведомств

стран-участниц между собой. Так, во второй половине 2015 г. состоялась совместная консультация министров обороны Республики Таджикистан и РФ Ш. Мирзо и С. Шойгу соответственно по вопросам ухудшения ситуации на ближневосточном фронте и усиления террористической активности. По итогам переговоров было достигнуто обоюдное понимание, что борьба с терроризмом дипломатическим путем не приносит всеобъемлющих результатов, и для отражения террористических атак должны быть задействованы военные резервы коалиции. При этом было особо упомянуто, что «любые, в том числе силовые, действия государств и международных организаций против террористов должны основываться на нормах и принципах международного права и быть адекватными существующим угрозам» [2].

Кроме того, государствами – членами ОДКБ регулярно проводятся совместные военные учения, об эффективности которых в качестве средства антитеррористической подготовки свидетельствует интенсивность их проведения с участием воинского контингента КСОР на территории Республики Таджикистан и других государств – членов ОДКБ. К примеру, в ноябре 2017 г. военные учения КСОР прошли на территории пяти военных полигонов Республики Таджикистан. Можно уверенно сказать, что сотрудничество Таджикистана и РФ имеет долгосрочные перспективы как в геополитическом плане, так и в рамках экономических интересов обеих держав.

Элементы, из которых складывается суверенность любого государства (наличие боевых способных и профессионально подготовленных вооруженных сил, целостность границ, наличие четко выстроенной правовой системы и прочее), являются предметом постоянной заботы политиков, дипломатов, военных, а также учёных. Интерес к данным сферам никогда не будет исчерпан, потому что от них непосредственно зависит существование любого государства как самостоятельного и независимого субъекта международного права. Практическое решение вопросов безопасности, таким образом, стало предметом исследования данной статьи.

В текущий период военное сотрудничество

Республики Таджикистан и РФ находится на высоком уровне и показывает стабильную тенденцию к углублению. Следует отметить, что после распада СССР РФ взяла на себя охрану таджикско-афганской границы. Как уже было упомянуто выше, с 2004 г. на территории Республики Таджикистан действует 201-я российская военная база, которая была сформирована на основе 201-й Гатчинской дважды Краснознамённой мотострелковой дивизии. Основной целью ее функционирования является защита не только национальных интересов Таджикистана, но и внешнеполитических интересов России и обеспечение мира и безопасности в этом регионе Центральной Азии. Действующее двустороннее Соглашение, ратифицированное обеими сторонами, подразумевает, что военная база будет осуществлять свою деятельность на территории Таджикистана до 2042 г.

Россия оказывает Таджикистану всестороннюю поддержку и в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических веществ. На протяжении двух десятилетий таджикские и российские пограничники изъяли более 30 тонн наркотических веществ, изготовленных на территории Афганистана. Несмотря на совместные усилия России и Таджикистана, преступным сообществам удаётся распространять значительное количество наркотических веществ в различных государствах, в том числе в России, путём использования Таджикистана как транзитного маршрута наркотрафика. Поэтому Президент Таджикистана Эмомали Рахмон несколько раз призвал глав государств – членов ОДКБ уделять большое внимание вопросу защиты таджикско-афганской границы как обязательному элементу совместной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, терроризмом, экстремизмом и иными преступлениями международного характера [8].

Таким образом, укрепление российско-таджикских отношений в рамках ОДКБ в форме совместных усилий в борьбе с трансграничной преступностью не только содействует обеспечению национальной безопасности обеих стран, но и создаёт безопасное пространство во всем регионе Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордюжа Н.Н. Президенты рассматривают результаты внезапной проверки КСОП ОДКБ. – Душанбе. – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.sputnik-tj.com/politics/20150819/1016457463.html> (дата обращения: 16.02.2018).
2. В Душанбе состоялась встреча министров обороны Таджикистана и России. – Душанбе. – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: http://structure.mil.ru/structure/forces/strategic_rocket/news/more.htm?id=12039404%40egNews (дата обращения: 16.02.2018).
3. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией. – 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8306454> (дата обращения: 16.02.2018).
4. Договор о коллективной безопасности. – 1992 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126 (дата обращения: 16.02.2018).
5. О международных договорах Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан. – 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://mmk.tj/legislation/base/337/s> (дата обращения: 16.02.2018).
6. Соглашение между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией о правовом статусе воинских формирований Вооружённых Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан. – 1993 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_673/doc673a332x809.htm (дата обращения: 16.02.2018).
7. Устав Организации о коллективной безопасности. – 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124 (дата обращения: 16.02.2018).
8. Эмомали Рахмон призвал лидеров ОДКБ не забывать про укрепление таджикско-афганской границы [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tj/news/tajikistan/20161227/emomali-rahmon-prizval-liderov-odkb-ne-zabivat-pro-ukreplenie-tadzhiksko-afganskoi-granitsi> (дата обращения: 20.05.2018).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ В РАМКАХ КОНВЕРСИИ ОБОРОННО- ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

М.Г. ЩЕРБАКОВ

MIKHAIL G. SHERBAKOV

TRIBUNE OF THE APPLICANT
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TECHNOLOGY TRANSFER IN THE
FRAMEWORK OF THE CONVERSION OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX

Щербаков Михаил Геннадьевич, аспирант кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: pravovednalog777@mail.ru.

Mikhail Gennadievich Shcherbakov
Ipostgraduate student of the chair of entrepreneurial and energy law of the Kazan Federal University, 428000, E-mail: pravovednalog777@mail.ru

Аннотация: в статье автором предлагается создание правового механизма регулирования отношений, связанных с конверсией оборонно-промышленного комплекса. Автором предлагается упорядочить правовой режим преобразования продукции военного назначения в товары и технологии двойного назначения. В заключение автор отмечает особую роль режима товаров и технологий двойного назначения как результата формирования «поля активности» субъектов гражданского оборота посредством трансформации «поля сдерживания».

Abstract: In the article, the author proposes the creation of a legal mechanism for regulating relations connected with the conversion of the military-industrial complex. In addition, the author proposes the creation of a legal mechanism for the transformation of the legal regime of military products into dual-use goods and technologies. In conclusion, the author notes the special role of the regime of dual-use goods and technologies as a result of the formation of the “field of activity” of civilian subjects through the transformation of the “field of containment”.

Ключевые слова: конверсия, оборонно-промышленный комплекс, товары двойного назначения, трансфер технологий, диверсификации экономики, продукция военного назначения.

Keywords: conversion, defense industry, dual-use goods, technology transfer, economic diversification, military products.

В настоящее время возникла необходимость коммерциализации достижений научно-технической сферы, в том числе в сфере оборонно-промышленного комплекса. Между тем прежний правовой механизм, регулирующий процесс конверсии оборонно-промышленного комплекса, закрепленный в Федеральном законе № 60-ФЗ от 13.04.1998 «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации» утратил силу, а новый механизм до настоящего времени не выработан. Таким образом, имеет место пробел в правовом регулировании отношений, связанных с

конверсией оборонно-промышленного комплекса.

Основной задачей конверсии оборонных организаций является поиск перспективной ниши рынка для реализации конверсионной продукции предприятия, а также выбор такого направления производственной деятельности, где может быть обеспечена высокая конкурентоспособность осваиваемой продукции и достигнута наиболее высокая коммерческая эффективность.

Кроме того, необходимо отметить, что конверсия оборонно-промышленного

комплекса, связанная со сменой правового режима товаров, формирует «поле активности». С.С. Алексеев отмечал, что под качеством «энергетического поля» регулирования следует понимать то общее состояние социальной среды, которое может быть охарактеризовано либо как «поле активности», либо как «поле сдерживания», либо как сочетания того и другого [9].

В ретроспективе проблема советского, а потом и российского оборонно-промышленного комплекса обуславливалась тем, что перед большинством оборонных заводов, относившихся к военному ведомству, ставились, как правило, военные, но не гражданские цели. Следовательно, доля продукции двойного назначения в российском оборонно-промышленном комплексе по состоянию на 2016 г. остается довольно скромной и составляет 16,1 % [25]. М.И. Тайво отмечала, что, к сожалению, в России отсутствует организационно-правовая система трансфера технологий между государственным научно-техническим и частным секторами, создающая условия для всех участников процесса [28]. Между тем санкции, импортозамещение, а также конкуренция на рынке технологий требует внедрения в гражданский оборот наукоемких технологий, способных конкурировать с иностранными аналогами. Поэтому возникла необходимость в распределении технологий между гражданской и военной сферами.

Что же такое конверсия оборонно-промышленного комплекса? Конверсия представляет собой изменение соотношений в распределении материальных средств, трудовых и финансовых ресурсов между гражданской и военной сферами [12]. Между тем определение конверсии оборонно-промышленного до 01.01.2005 г. содержалось в Федеральном законе № 60-ФЗ от 13.04.1998 «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации», в котором под конверсией оборонной промышленности понимался - регулируемый государством процесс организационных, правовых, технологических, научно - технических и социально - экономических преобразований оборонной промышленности в целях частичной или полной переориентации на выпуск продукции гражданского назначения ранее задействованных в оборонном производстве производственных мощностей, научно - технического потенциала и тру-

довых ресурсов организаций оборонной промышленности.

Конверсия оборонно-промышленного комплекса может быть осуществлена в следующих видах: полная конверсия, частичная конверсия и диверсификация, псевдоконверсия и трансфер технологий. Между тем, именно частичная конверсия и диверсификация, а также трансфер технологий обеспечивает высокую степень коммерциализации без ущерба национальной безопасности.

Так, частичная конверсия и диверсификация предполагает изначальную ориентацию компании на выпуск гражданской продукции, а также оперативную смену направленности компании, а трансфер связан процессом распространения научно-технических знаний между военной и гражданской сферой. Князьнеделин Р.А. определял трансфер технологий как форму конверсии, связанную с передачей инноваций из сферы военного производства на предприятия, занятые выпуском гражданской продукции [15]. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 996 от 25.08.2017 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017 - 2025 годы» трансфер – это передача научных и (или) научно-технических результатов и продукции для практического использования, и повышение квалификации участников научно-технического обеспечения развития сельского хозяйства (далее - трансфер технологий).

В соответствии с решением Совета Евразийской экономической комиссии № 23 от 30.03.2018 «О Концепции создания и функционирования евразийской сети трансфера технологий» под «трансфером технологий» понимается процесс передачи, внедрения (применения), адаптации существующих знаний, результатов научных исследований, новых технологий и разработок, осуществляемый между пользователями с участием уполномоченных органов [20].

Таким образом, в условиях глобализации возможно развитие международного научно-технического и инвестиционного сотрудничества на основе встречного технологического трансфера и совместной коммерциализации конверсионных российских технологий.

Так, в 2016 г. доля гражданской продукции в военно-промышленном комплексе

в РФ снизилась до 16,1% [21]. В докладе экспертного совета Военно-промышленной комиссии Российской Федерации указано, что требуется совершенствование нормативного регулирования в части трансфера технологий и коммерциализации созданных в организациях оборонно-промышленного комплекса результатов интеллектуальной деятельности. Различные сложности возникают для использования в оборонно-промышленном комплексе технологий и изделий, разработанных и применяемых в гражданских секторах [13].

Необходимо выделить в трансфере технологий экономический и юридический аспекты. Так, экономический аспект трансфера технологий связан с повышением производительности оборонных предприятий в условиях сокращения гособоронзаказа. Трансфер технологий позволит предприятиям оборонного комплекса работать на полную мощность без простоев и сохранить финансовую стабильность на период, когда пик расходов на перевооружение армии и флота пройдет, а также снизятся масштабы гособоронзаказа. Между тем юридический аспект трансфера технологий в ходе конверсии обусловлен необходимостью выработки эффективного правового механизма передачи наукоемких военных технологий в гражданскую сферу.

С.С. Алексеев определял под правовым механизмом взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [9]. Таким образом, правовой механизм должен обладать системностью и эффективностью. В связи с этим необходимо отметить, что имеющийся правовой механизм [4], регулирующий отношения, связанные с передачей единой технологии, не обеспечивает системность и эффективность регулирования процесса конверсии оборонно-промышленного комплекса.

Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что объем гражданской продукции предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) должен составить 17% к 2019 г., к 2025 г. - 30%, а к 2030 г. - 50% [17]. Трансфер технологий, обусловленный конверсией оборонно-промышленного комплекса, представляет собой экономическую категорию, имеющую юридическую форму, а также алгоритм

действий. При конверсии оборонно-промышленного комплекса он предполагает: во-первых, изменение статуса технологии, а во-вторых, юридическое оформление сделки, связанной с передачей технологий. В связи с этим, изменение правового статуса продукции военного назначения является необходимым условием осуществления конверсии оборонно-промышленного комплекса, связанной с изменением области назначения передаваемой технологии. Между тем в правовом аспекте мы имеем дело с трансформацией правовых, а не физических свойств товаров и технологий.

Так, в процессе конверсии оборонно-промышленного комплекса изменяется правовой режим объекта, а не сам объект. В.А. Белов указывал, что в праве (и правоотношении) мы не находим собственно объектов, а только лишь правовое отражение или, то же самое, правовую форму, известную под названием правового режима» [10]. В правовой доктрине правовые режимы используются, в том числе применительно к конкретным объектам гражданских прав, обуславливая права и обязанности субъектов режима.

Гражданский юрист В.И. Синайский отмечал: «предмет, в отношении которого устанавливаются права и обязанности лиц, и есть объект права» [24]. Как справедливо указал Морозов А.А. спецификой объектов гражданских прав, используемых при осуществлении предпринимательской деятельности, является установление для них определенного правового режима, позволяющего не только использовать указанные блага, но и свободно отчуждать с целью извлечения прибыли [19]. Таким образом, процесс изменения режима продукции военного назначения обусловлен процессом конверсии оборонно-промышленного комплекса.

Между тем необходимо определить, что же представляет собой дефиниция «продукция военного назначения»? Она носит комплексный характер, включающий в себя следующие категории: вооружение, военная техника, оружие, а также иные объекты гражданских прав, предназначенные для военных целей. Так, к продукции военного назначения законодательство Российской Федерации относит вооружение, военную технику, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на

них (интеллектуальную собственность) и информацию в военно-технической области, за исключением информации, которая может быть опубликована в соответствии с законодательством Российской Федерации в средствах массовой информации, произведениях науки, литературы и искусства, рекламных материалах [2].

Таким образом, основу продукции военного назначения составляют военная техника и вооружение. Военная техника – технические средства, предназначенные для боевого, технического и тылового обеспечения деятельности и обучения войск (сил), а также для контроля и испытания вооружения и военной техники, а вооружение – средства, включая составные части, предназначенные для поражения живой силы, техники, сооружений и других объектов противника, а также средства, непосредственно обеспечивающие их применение (наведение, пуск, управление и обслуживание) [8].

Е.А. Свинных определяла следующие цели продукции военного назначения: поражение живой силы, техники, сооружений и других объектов противника; обеспечение применения вооружения; контроль и испытание вооружения и военной техники; достижение иных военных целей при обороне страны и обеспечении безопасности государства [30]. Следовательно, дефиниция «продукция военного назначения» используется в основном в сфере регулирования военно-промышленного сотрудничества, а дефиниции «вооружение», «военная техника» и «оружие» в сфере регулирования национального оборота оружия и военной техники.

Кроме того, следует отметить, что отнесение того или иного объекта гражданских прав к вооружению или военной технике на практике осуществляется в основном на стадии проектирования в рамках государственного оборонного заказа и отражается в технической документации (технический паспорт, сертификат и т.п.), в которой обозначается сфера военного применения.

Законодательство Российской Федерации, посвященное военно-техническому сотрудничеству, закрепило перечень продукции военного назначения, который утвержден Указом Президента Российской Федерации от 10.09.2005 № 1062 [5]. В связи с этим возможно провести дифференциацию между товарами двой-

ного назначения и продукцией военного назначения. Между тем в законодательстве Российской Федерации отсутствует перечень вооружения и военной техники, что на практике может вызвать проблемы дифференциации продукции военного назначения от вооружения и военной техники. Следует учитывать, что к продукции военного назначения не относятся детали, агрегаты, оборудование, материалы, запасные части и комплектующие изделия, применяемые для обеспечения производства, эксплуатации и ремонта продукции военного назначения, если они имеют гражданское (общепромышленное) назначение или изготовлены для применения в продукции военного и гражданского назначения по единым требованиям.

Таким образом, законодатель предусмотрел военную и гражданскую (двойную) область применения тех или иных товаров и технологий в качестве критерия их дифференциации. Дефиниция «товары двойного назначения», отражает частноправовой аспект товаров двойного применения как объектов гражданских прав, участвующих в коммерческом обороте, в целях удовлетворения спроса потребителей, а дефиниция «продукция военного назначения», отражает публично-правовой аспект, связанный с обеспечением безопасности государства в сфере военно-технического сотрудничества.

Технологии двойного назначения представляют собой сложные объекты гражданских прав, ограниченные в обороте в целях осуществления безопасности государства. Так, к их числу можно отнести технологии, связанные с авиационными двигателями, суперкомпьютерами, волоконной оптикой, лазерами и композитными материалами. В правовой науке имеются исследования, посвященные проблемам регулирования оборота товаров и технологий двойного назначения. Можно выделить работы А.Л. Ковтуна [16], В.Н. Рассадина [22], В.И. Ермакова [14], Н.В. Терехина [27] и Oltmann S. [34].

Вместе с тем, авторы в основном акцентировали свое внимание на проблемах, связанных с анализом режимов товаров и технологий двойного назначения, а также на проблемах обеспечения баланса частных и публичных интересов в ходе осуществления экспортного контроля. Однако не получил должного внимания функциональный аспект технологий двойного

назначения, обусловленный конверсией оборонно-промышленного комплекса. Так, статус товаров и технологий двойного назначения приобретает в результате создания объектов, обладающих особыми свойствами, связанными с возможностью их использования при создании вооружения, либо в результате трансформации правового режима в ходе конверсии оборонно-промышленного комплекса.

К основным признакам товаров и технологий двойного назначения можно отнести:

- технические особенности товаров и технологий;
- область применения (использования) товаров и технологий;
- участие в качестве предмета внешне-торгового контракта;
- наличие экспортного контроля.

В законодательстве Российской Федерации товарами (услугами) двойного назначения являются сырье, материалы, оборудование, научно-техническая информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники и в отношении которых установлен экспортный контроль [7]. Законодательство США понимает под товарами двойного использования товары, которые могут использоваться в гражданских целях, так и террористических, военных целях, а также целях, связанных с производством оружия массового поражения [32]. В Европейском союзе контроль над оборотом товаров и технологий двойного назначения, предусматривает не только ограничение в рамках международных обязательств по нераспространению оружия массового поражения, но и содействие конкурентоспособности промышленности и создания высокотехнологичных рабочих мест» [33].

Раскрыть правовое содержание дефиниции «технология двойного назначения» невозможно без раскрытия понятия технология. Дефиниция «технология» является сложным объектом гражданских прав. Наука определяет технологию как совокупность методов и инструментов, составляющих научное знание, для достижения желаемого результата, который выражается в решении практической задачи [35]. Между тем понятие «технология» в гражданском законодательстве носит усечен-

ный характер в виде единой технологии (ст. 1542 ГК РФ). Кроме того, понятие технология встречается в иных отраслевых нормативно-правовых актах. Так, законодательство в сфере оборота информации дает легальное определение информационным технологиям - процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [3].

Экспортное законодательство определяет дефиницию «технология» как специальную информацию, которая требуется для разработки, производства или применения какой-либо продукции. Она принимает форму технических данных или технической помощи. Конкретная технология определена в общем технологическом примечании и списке товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль [6].

Между тем законодатель не включил в Гражданский кодекс Российской Федерации [1] технологию в качестве объекта интеллектуальной собственности (ст. 1225 ГК РФ). Следовательно, гражданское законодательство определяет технологию в составе сложного объекта, включающего в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (ст. 1240 ГК РФ), либо в качестве объекта, представляющего собой секрет производства (ст. 1465 ГК РФ), содержащий сведения производственного, технического, экономического, организационного характера. О результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющих действительную или потенциальную коммерческую ценность, вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании, и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны.

Ю.И. Вахитова отмечает, что к сложному объекту следует отнести комплексный субъектный состав (авторы первоначальных произведений и организатор, приобретающий права использования) и многоуровневый объект (сложный объект как таковой и его отдельно взятые элементы)

[11]. В.С. Толстой рассматривает сложный объект как синоним комплексного произведения, являющегося синергетическим результатом, который не исчерпывается набором отдельных произведений [29].

Между тем технологии двойного назначения включают в себя объективную и субъективную составляющие. Так, их объективная составляющая обусловлена возможностью использования в военных целях, а субъективная составляющая обусловлена волевыми действиями участников предпринимательской деятельности, связанными с заключением внешнеторговых сделок, а также соблюдения запретов и ограничений, связанных с мерами экспортного контроля, например, обязанностью проведения идентификации товаров и технологий двойного назначения.

Таким образом, технология двойного назначения, представляет собой комплексную категорию, включающую в себя систему объектов гражданских прав, объединенных единым замыслом, которые могут использоваться как в гражданских, так и в военных целях.

Между тем именно дефиниция «технология двойного назначения» отражает результат трансформации правового статуса продукции военного назначения в ходе конверсии военно-промышленного комплекса, а также является необходимым условием для осуществления трансфера технологий. В результате конверсии переплетаются экономический и технический аспекты технологии. В.Н. Рассадин отмечал, в продукции военного назначения цели задаются техническими параметрами, а не эффективностью производства, другими словами, первостепенным является достижение установленных качественных и количественных характеристик, а не размер затрат [22]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что инновационные свойства продукции военного назначения в ходе конверсии сохраняются в товарах двойного назначения, обуславливая их конкурентные преимущества.

Так, в сотрудничестве с Институтом нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН «НИИ измерительных приборов – Новосибирский завод имени Коминтерна» наладил производство геолокаторов, незаменимых в жилищно-коммунальном хозяйстве, а именно в тех населенных пунктах, где расположено много брошенных коммуникаций. Госкорпорация Ростех

планирует направить на диверсификацию ОПК Новосибирской области 4,3 триллиона рублей к 2025 году [23].

Кроме того, взаимосвязь оборота продукции военного назначения и технологии двойного назначения проявляется в корреляции целей их правового регулирования. Так, регулирование оборота товаров двойного назначения преследует цель, связанную с интеграцией экономики Российской Федерации в мировую экономику, которая невозможна без допуска наукоемких технологий на мировой рынок. Между тем целью регулирования оборота продукции военного назначения является укрепление военно-политических позиций Российской Федерации, развитие научно-практической базы, производства и конверсия оборонно-промышленного комплекса.

Важным моментом конверсии оборонно-промышленного комплекса является юридический аспект, связанный с регулированием трансфера технологий, который представляет собой сделку, связанную с передачей объектов гражданских прав. Так, в переводе с английского (technology transfer) трансфер технологий означает: 1) процесс распространения научно-технических знаний; 2) практическое использование научных знаний, полученных в другой организации; 3) переход от фундаментальных знаний к техническим средствам; 4) приспособление существующей техники к новому использованию [31]. П. Сушков определял трансфер технологий как процесс передачи результатов исследований и разработок, знаний для какого-либо их использования [26]. Трансфер технологий осуществляется как в коммерческих, так и в некоммерческих целях, которые обуславливают различие правовых форм передачи технологий. Так, к некоммерческим формам передачи технологий можно отнести: научные публикации, выставки, ярмарки, обучение и т.д. К коммерческим формам трансфера технологий можно отнести: продажу патентов, лицензий, секретов производства, инжиниринг, научно-техническую кооперацию и т.д.

Между тем необходимо отличать трансфер технологий в ходе военно-технического сотрудничества, внешнеэкономической деятельности, а также национального оборота. Так, трансфер технологий в форме продукции военного назначения осуществляется в рамках военно-технического сотрудничества, в

форме технологий гражданского (двойного) назначения в рамках внешнеторговой деятельности, в форме общегосударственных технологий в национальном обороте. В связи с этим необходимо обозначить особую роль технологий двойного назначения как связующего звена в системе трансформации правового статуса продукции военного назначения в ходе конверсии военно-промышленного комплекса. Так, органическая связь продукции военного назначения с технологией двойного назначения, обуславливается физическими свойствами продукции военного назначения, которые в процессе конверсии никуда не исчезают, формируя правовой статус технологий двойного назначения. Следовательно, правовой статус товаров и технологий двойного назначения является логическим результатом процесса конверсии оборонно-промышленного комплекса, обусловленного экономическим аспектом введения конкурентоспособной продукции в экономический оборот.

В связи с этим необходимо отметить, что дефиниция «технология двойного назначения», обуславливается не только запретами и ограничениями (полем сдерживания), связанными с мерами экспортного контроля в сфере оборота объектов гражданских прав, но и дозволениями, связанными с расширением возможностей (субъективных прав) участников предпринимательской деятельности (полем активности).

Процесс конверсии оборонно-промышленного комплекса характеризуется не только изменением режима товаров и технологий, но и изменением качества «энергетического поля» регулирования. А. Санчес-Андерс отметил, что применение в гражданской сфере технологий двойного назначения заключается в адаптации этих технологий к новой среде их применения [22].

В заключении можно сделать вывод, что необходимо выработать четкий и прозрачный правовой механизм, регулирования процесса диверсификации оборонно-промышленного комплекса, а также процесса трансфера технологий посредством трансформации «поля сдерживания» в «поле активности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федер. закон РФ от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собр. зако-

нодательства РФ. - 2006. - № 52 (Часть 1). - Ст. 5496

2. О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами: Федер. закон РФ от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Собр. законодательства РФ. - 1998. - № 30. - Ст. 3610

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // Собр. законодательства РФ. - 2006. - № 31 (1ч). - Ст. 3448.

4. О передаче прав на единые технологии: Федер. закон РФ от 25.12.2008 № 284-ФЗ // Собр. законодательства РФ. - 2008. - № 52 (часть 1). - Ст. 6239

5. Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.09.2005 г. № 1062 // Собр. законодательства РФ. - 2005. - № 38. - ст. 3800

6. Об утверждении Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль: утв. Указом Президента РФ от 17.12.2011 № 1661 (ред. от 07.04.2017) // СЗ РФ. - 2011. - № 52. - Ст. 7563.

7. О контроле за выполнением обязательств по гарантии использования импортируемых и экспортируемых товаров (услуг) двойного применения в заявленных целях: постановление Совета Министров – Правительства РФ от 11.11.1993 г. № 1030 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. - 1993. - № 44. - ст. 4199

8. О лицензировании разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации вооружения и военной техники: постановление Правительства Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 581 // Собр. законодательства РФ. - 2012. - № 25. - Ст. 3377

9. Алексеев С. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. - М.: Статут, 1999. - С. 76 - 89.

10. Белов В. А. Гражданское право. Т. 2. Общая часть. Лица, блага, факты: учебник для бакалавров / В. А. Белов. - М.: Издательство Юрайт, 2013. - 82 с.

11. Вахитова Ю.И. Анализ сложного объекта интеллектуальных прав на примере театрально-зрелищного представления

// Вестник Пермского университета. - 2015. - № 2(28). - С. 41-46.

12. Военная экономика и тыловое обеспечение войск (сил). Словарь. М. : Штаб тыла ВС РФ, 2006. - 415 с.

13. Диверсификация ОПК: доклад [электронный ресурс]. - URL: <http://www.instrategy.ru/pdf/367.pdf>

14. Ермаков В.И. Особенности и перспективы взаимодействия России и США в области контроля за передачей товаров, технологий и услуг двойного назначения. М. Дипломатическая Академия МИД РФ, 2003 - 219 с.

15. Князьнедин Р.А. Научно-методическое сопровождение процессов конверсии, диверсификации и технологического трансфера на предприятиях оборонно-промышленного комплекса // Государственное регулирование экономики. М. - 2017. - С. 15-18

16. Ковтун А. Л., Поклонский Д. Л. Анализ значимости технологий двойного назначения в современном рассмотрении проблем биологической безопасности // Молекулярная медицина : журнал. - 2012. - № 5

17. Механик А., Хазбиев А. Кроме «Калашникова» // Эксперт. № 9. -2017. - С. 13-19

18. Механизм отбора и освоения инновационных проектов при создании продукции двойного назначения (на примере двигателестроения) [Текст] : автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.05 - Экон. и упр. нар. хоз. Экон., организ. и управ. предпр., отрас., комплексами. Промыш-ть / Тайво, М. И. - М. : [б. и.], 2006. - 25 с.

19. Морозов А.А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - М., 2010. - С.47.

20. О Концепции создания и функционирования евразийской сети трансфера технологий [электронный ресурс]. - URL: <http://docs.cntd.ru/document/557013895>

21. Послание президента Федеральному собранию. 01.12.2016. [электронный ресурс]. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

22. Рассадин В. Н., Сначес-Андерс А. Технологии двойного назначения в оборонной промышленности и перспективы их использования (рус.) // Проблемы прогнозирования : журнал. - 2001. - № 6. - С. 35-42

23. С упором на гражданку: конвер-

сия даст толчок российской оборонной промышленности [электронный ресурс]. - URL: <https://www.eg-online.ru/news/360597/>

24. Синайский В.И. Русское гражданское право: в 2 вып. - Киев: Прогресс, 1917. - Вып. 1. - С.124.

25. Совещание по вопросам диверсификации [электронный ресурс]. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56699>

26. Сушков, П. Центр коммерциализации технологий -организационное развитие: как создать, управлять, организовать мониторинг и оценку деятельности / П. Сушков, О. Лукша, А. Яновский // Проект Europe Aid «Наука и коммерциализация технологий». - М., 2006. - С. 9.

27. Терехин Н.В. Международно-правовые аспекты экспортного контроля за передачей продукции двойного и военного назначения (на примере России и США): дис ... канд. юрид. наук: 12.00.10 М., 2004.

28. Тайво М.И. Совершенствование процесса отбора и освоения инновационных проектов на создание сложной научно-технической продукции. Сб. науч. тр. «Технология, экономика и организация производства технических систем». - М. : МГИУ, 2005. - 359 с.

29. Толстой В.С. Гражданское информационное право. М. : Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. - 296 с.

30. Электронный журнал «Военное право» [электронный ресурс]. - URL: <http://www.voennoepravo.ru/magazinepravo>.

31. ABBYY Lingvo 12: электронный словарь [электронный ресурс]. - URL: en.wikipedia.org/wiki/Technology_transfer.

32. CFR/EAR §730.3 Dual-use and other types of items subject to the EAR [электронный ресурс]. - URL: www.law.cornell.edu/cfr/text/15/730.3.

33. Communication from the Commission on the Review of the EC Regime of Controls of Exports of Dual-Use Items and Technology, Brussels, 18.12.2006, COM(2006) 828 final [электронный ресурс]. - URL: http://rjea.ier.ro/sites/rjea.ier.ro/files/articole/RJEA_2017_vol17_no1_art4.pdf.

34. Oltmann S. Dual Use Research: Investigation Across Multiple Science Disciplines [электронный ресурс]. - URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24671464.

35. Technology [электронный ресурс]. - URL: www.britannica.com.

УДК 34

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

ПРАВО В ЦИФРОВОЙ ОНТОЛОГИИ (РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНУЮ МОНОГРАФИЮ МОРХАТА П.М. «ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»)

В.А. БЕРЗИН

V.A. BERZIN

REVIEW

THE RIGHT IN DIGITAL ONTOLOGY (REVIEW OF THE SCIENTIFIC MONOGRAPH BY P.M. MORHAT, "LAW AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE")

В.А. БЕРЗИН, доктор юридических наук, начальник юридического отдела ООО «Киевская площадь 1»
E-mail: berzin1976@mail.ru

V.A. BERZIN, doctor of jurisprudence, head of legal department of LLC Kiyevskaya ploshchad 1
E-mail: berzin1976@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается проблематика применения искусственного интеллекта на полях сражений, а также гуманности и безопасности его использования. Автор рецензии рассуждает о плюсах и недостатках выдвинутой теории.

Abstract: The article deals with the problems of applying artificial intelligence on the battlefields, as well as the humanity and safety of its applying. The author of the review discusses the pros and cons of the theory advanced.

Ключевые слова: искусственный интеллект; юнит; Морхат П.М.; информационное право

Keywords: artificial intelligence, unit, Morhat P.M., information law

Монографическое исследование Морхата П.М. «Право и искусственный интеллект» (М., 2018) посвящено актуальной теоретической и прикладной тематике, представляющей собой в настоящее время основу одной из самых непростых научных дискуссий. Тех самых дискуссий (такого уровня), что позволяют переместить мировое технологическое развитие на качественно более высокий уровень. Мы уже сегодня являемся свидетелями появления и взрывообразного развития и внедрения совершенно новых технологий, в том числе и тех, что обоснованно или не совсем считаются имеющими отношение к искусственному интеллекту.

Создание эффективно функционирующего на новейших принципах юнита искусственного интеллекта (не просто компьютерной программы с продвинутым так называемым генетическим потенциалом, а реально такого объекта, который мыслит подобно человеку и подобно человеку, самообучаясь, способен самостоятельно решать задачи, поставленные в неявных или парадоксальных формулировках) сегодня многими экспертами определяется как залог будущего технологического доминирования в мире такого государства или такой корпорации, которые достигли столь невероятного успеха. Ведь такая разработка поставит

на службу такой юнит искусственного интеллекта, который позволит создавать изобретения и делать научные открытия. По крайней мере, два десятка лет уже реально действуют программно-аппаратные комплексы с элементами искусственного интеллекта, которые создают изобретения.

Все мы прекрасно осознаём, что развитие и внедрение технологий и юнитов искусственного интеллекта осуществляется на благо человечества. Проблема состоит в том, как и в каких направлениях это делать (развивать и задействовать потенциал искусственных интеллектов), но главное, как делать это безопасно для человечества. Научная монография Морхата П.М. «Право и искусственный интеллект» предлагает, по сути дела, «дорожную карту».

Морхат П.М. является одним из признанных ведущих специалистов по правовым проблемам и вопросам искусственного интеллекта. И это предопределяет высокий научный и экспертный интерес к его монографии. Многие научные выкладки и построения, даже просто суждения автора, выглядят более чем интересными и заслуживают одобрения и поддержки.

Названное монографическое исследование Морхата П.М., основанное на тщательном обзоре гигантского объёма научной литературы и нормативного материала, на самостоятельных эмпирических исследованиях автора, охватывает колоссальнейшее число аспектов тематики: понятие и существование юнита искусственного интеллекта, правосубъектность юнита искусственного интеллекта, юнит искусственного интеллекта как производитель творческих художественных произведений или изобретений, как угроза правам, законным интересам и даже самому бытию человечества в результате развития и внедрения технологий и юнитов искусственного интеллекта и т. д.

Можно было бы пойти традиционным путём и изложить далее содержание этой важной новой научной монографии Морхата П.М., скопировав оглавление и

снабдив его своими комментариями. Но, во-первых, это не наш стиль, а во-вторых, что самое главное – это было бы «спойлером» (намеренным преждевременным раскрытием важных подробностей содержания), что было бы бесчестным по отношению к тем читателям, которых настоящая рецензия подвигнет прочесть названную монографию (рецензии мы пишем именно для того, чтобы поделиться впечатлением от прочитанной хорошей книги и дать свои гарантии, что какая-то конкретная книга действительно хороша). А книгу Морхата П.М. следует читать, читать внимательно, с карандашом в руках, делая пометки на полях, потому что эта книга заслуживает классического отношения к её прочтению. При этом замечательное путешествие по её страницам одновременно погрузит читателя и в мир надлежащей научно-правоведческой исследовательской методологии.

Книга Морхата П.М. имеет не только несомненные достоинства, но и недостатки. Поэтому было бы уместно и резонно завершающую часть настоящей рецензии посвятить разбору отдельных содержательных аспектов рецензируемой монографии, являющихся, по нашему мнению, дискуссионными или недоработанными.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что методологической ошибкой Морхата П.М. явилось то, что, намеренно и компетентно артикулируя многообразие видов искусственного интеллекта и сфер их применения (задействования, а в будущем – и самозадействования), Морхат П.М. пытается идти в вопросе о правосубъектности юнита искусственного интеллекта по пути универсализации. Хотя очевидно, что монография только выиграла бы, если бы в ней (например, в форме таблицы) было представлено соответствие разновидовости юнитов искусственного интеллекта и разновидовости правосубъектностей. Для большей ясности: юниту искусственного интеллекта – изобретателю резонно атрибутировать правосубъектность условно «первого рода», юниту искусственного интеллекта – агрегатору

новостей и копирайтеру резонно атрибутировать правосубъектность «второго рода», юниту искусственного интеллекта в составе автономного комплекса вооружений – правосубъектность «третьего рода», юниту искусственного интеллекта – хирургу атрибутировать правосубъектность «четвёртого рода». Подчеркнём, всё это условно, для наилучшего понимания нашей мысли. Но вот такой расклад был бы более чем полезен и существенно прояснил бы авторские подходы Морхата П.М. Отметим, однако, что Морхат П.М. при всём этом сумел отразить и учесть эту неопределённость в своей научной теории, в частности в том его научном концепте, который раскрывает его видение возможного релевантного решения вопроса о правосубъектности юнита искусственного интеллекта. Но основания для прозвучавшего замечания есть веские.

Ещё одним недостатком является отсутствие в теории Морхата П.М. такого очень неприятного для этой теории «бага» (фактора неопределённости), который отражает то, что в компьютерных программах (тем более таких сложных, которые имеют место в исследуемой им тематике) существуют «случайные сегменты кода, которые, взаимно скомпоновавшись и интегрировавшись, образуют непредвиденные протоколы» (так называемые «программы-призраки»), а также программные вирусы. И сложное сочетание всего этого может привести, мягко говоря, не к таким результатам, какие хотел бы видеть человек. И этот значимый содержательный момент вовсе отсутствует в монографии Морхата П.М., что не делает её лучше.

И в дополнение отметим следующее. Читателей всегда интересует, что стало побудительным импульсом для того или иного автора, впоследствии получившего всеобщее признание его фундаментального труда и высокие его оценки, к

тому, чтобы взяться за его написание. И хотелось бы увидеть в книге ответ на этот вопрос.

Я также искренне желаю Морхату П.М., чтобы в последующих переизданиях этой его книги (дополненных и исправленных) появилось бы больше «готовых» идей и рецептов, помогающих найти «беспроблемные» решения.

Рецензируемое монографическое исследование Морхата П.М., выступая «разрушителем» множества ставших на его фоне уже не столь существенными, потерявшими актуальность дискуссий, объявляет новую эру правопонимания рассматриваемой тематики, позволяя исследователям-правоведам уйти от дискуссий по несущественным вопросам и сосредоточиться на фундаментальных дальнейших исследованиях, начиная с той весьма высокого уровня теоретической «площадки», которую кропотливым своим трудом выстроил Морхат П.М.

Научная монография Морхата П.М. «Право и искусственный интеллект», полная оригинальных очень толковых авторских идей и массы справочных сведений, элегантно написанная и достаточно комфортно читаемая, представляет огромную ценность для всех специалистов не только по рассматриваемой в ней тематике, но и по гражданскому праву, информационному праву, инновационному праву, может (и несомненно – будет) использоваться практикующими юристами и теми, кто только учится на юриста (о каком бы уровне образования не шла речь), теми, кто им преподаёт, и теми, кто ведёт научные исследования этой темы и тем, с нею связанными, представителями органов судебной власти и персоналом федеральных и региональных органов государственной власти, экономистами, философами, представителями многих других научных сфер, а равно всеми теми, кого интересует или заинтересует в будущем указанная тематика.

УДК 341; 342;

20.02.03 – Военное право, военные проблемы международного права

ВОЙСКОВЫЕ СВЯЩЕННИКИ (КАПЕЛЛАНЫ)
– КАКОВ ПРАВОВОЙ СТАТУС?
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Т.М.
ЧЕЛПАНОВОЙ «ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА И
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ КАПЕЛЛАНОВ»
(М. : БУКИ ВЕДИ, 2018)

В.К. БОТНЕВ, С.В. БОТНЕВ

VLADIMIR K. BOTNEV, SERGEY V. BOTNEV

REVIEW

MILITARY PRIESTS (CHAPLAINS) – WHAT IS THE LEGAL STATUS? SCIENTIFIC REVIEW
ON SCIENTIFIC MONOGRAPH OF T.M. CHELPANOVA «FOREIGN EXPERIENCE OF
REGULATION OF THE LEGAL STATUS AND ACTIVITIES OF MILITARY CHAPLAINS»

Ботнев Владимир Константинович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой ГМУ факультета ГМУ Института ГСиУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, E-mail: botnevmigsu@yandex.ru

Botnev Vladimir Konstantinovich, doctor of jurisprudence, head of the department of GMU of faculty of GMU of Institute of GSIU RANEPa under the President of the Russian Federation
E-mail: botnevmigsu@yandex.ru

Ботнев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Отделения «Высшая школа правоведения» ИГСиУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: sv.botnev@migsu.ru

Botnev Sergey Vladimirovich, Candidate of Law Sciences, senior teacher of department of state and legal disciplines of Office «Higher school of jurisprudence» IGSIU of a RANEPa under the President of the Russian Federation
E-mail: sv.botnev@migsu.ru

Аннотация. Настоящая публикация представляет собой рецензию на научную монографию Т.М. Челпановой «Зарубежный опыт регулирования правового статуса и деятельности военных капелланов» (М. : Буки Веди, 2018).

Keywords: chaplain, constitutional law, international law, administrative law, religious freedom, relations between the state and religious organizations, religious rights and freedoms.

Ключевые слова: капеллан, конституционное право, международное право, административное право, свобода вероисповедания, отношения между государством и религиозными организациями, религиозные права и свободы.

Keywords: chaplain, constitutional law, international law, administrative law, religious freedom, relations between the state and religious organizations, religious rights and freedoms.

Принадлежащая перу начинающего ученого-правоведа Т.М. Челпановой научная монография «Зарубежный опыт регулирования правового статуса и деятельности военных капелланов» [1], увидевшая свет в конце 2018 г. в московском издательстве «Буки Веди», посвящена наисложнейшей, почти не исследованной и не репрезентированной в надлежащих объяснениях и экземплификациях предметно-объектной области – военным капелланским службам, систематически вводит современные явления, отношения и процессы, связанные с этим, в четкие конституционно-правовые и теоретико-правовые рамки.

Названная монография, надо сказать, – очень достойный, основанный на фундаментальной проработке темы и на колоссальной источниковой основе труд, весьма масштабный, многоплановый и многоаспектный. Используя многочисленные текущие примеры, автор успешно раскрывает заявленную тему.

И надо сказать, что эта весьма амбициозная книга уже зазвучала в профессиональном юридическом сообществе, а также вызвала отклики среди духовенства, причем не только православного, но и мусульманского, ведь в российской армии сегодня есть и мусульманские капелланы.

Актуальность темы исчерпывающе обоснована Т.М. Челпановой во введении монографии, и с ее аргументами следует согласиться.

И вправду, насколько эта тема, действительно, актуальна? Гораздо более чем. Даже и сомневаться не приходится. В Российской Империи этот инструмент был хорошо известен, и есть множество научно-исторических исследований, подробно представляющих опыт (и нередко героический) участия войсковых священников в сражениях Русской армии. В СССР по понятным причинам ничего такого не было и быть не могло, а в современной постсоветской России эти начинания имеют место и видны. И эти начинания следует воспринимать и оце-

нивать весьма позитивно, учитывая, что войсковые священники образуют механизм воспроизводства своеобразной духовной идентичности российского солдата, обеспечивают его особое воспитание.

Однако все современные начинания в указанной сфере в России, к сожалению, основаны, более, на кулуарных договоренностях, а, как справедливо отмечает Т.М. Челпанова, не на нормах профильного для этой сферы Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и не на положениях какого-то Постановления Правительства РФ.

Т.М. Челпанова, взявшись за исследование этой темы, пошла на высокий риск, ведь эта тема, в принципе, крайне резонансна, вызывает по сей день ожесточенные дискуссии. В частности есть сторонники позиции, согласно которой религиозным служителям, в принципе, не место в войсках, и со стороны таких лиц автору еще придется вкусить жесткой критики. И одна эта смелость автора уже вызывает уважение, хотя дело не в смелости, а в высококачественном содержании данной монографии.

Монография Т.М. Челпановой открывает новое измерение для всех, чья работа связана с духовным окормлением (духовным попечительством) и в целом воспитанием военнослужащих и служащих правоохранительных органов.

В рассматриваемой монографии масштабно и глубоко, концептуально и критически репрезентован и объяснен зарубежный опыт правового обеспечения и функционирования военных капелланов, весьма развитый, где-то, уже в течение веков, а где-то – по крайней мере, многие десятилетия. Исследован опыт значительного числа зарубежных государств, причем с глубоким профессиональным знанием предмета. В силу этого названная монография представляет собой кладезь знаний по теме, энциклопедически ценна.

Большинство опубликованных в России статей по теме правового положения войсковых священников поверхностно

касается лишь некоторых аспектов темы, содержит распространенные (а потому уже известные) и повторяющиеся суждения преимущественно абстрактного плана. Да и весьма немного их, этих научных статей по этой теме на сегодняшний день, исследователей этого тематического горизонта – буквально единицы (сама же автор выделяет лишь И.А. Пибеева и еще нескольких авторов). С другой стороны, практически все, что выходило в свет по этой теме до издания названной монографии Т.М. Челпановой по теме правового обеспечения капелланств, – это было лишь кросс-источниковым цитированием и вольным пересказом опять же, что называется, в десятой версии, что совершенно выхолащивало, искажало содержание доносимых сведений, не позволяло должным образом разобраться в этом опыте. И совсем не было серьезных сравнительно-правовых исследований по теме, основанных на первоисточниках.

Практически впервые читательской аудитории представлен, не побоимся этого сказать, замечательный научный труд по теме военных капелланств (напомним, что, помимо того, есть еще тюремные капелланства и больничные капелланства), оперирующий почти исключительно первоисточниками – нормативными правовыми актами, официальными концептуально-доктринальными и программными документами, конкордатами. А потому к содержимому монографии стоит отнестись с доверием.

Надо отметить удачность выстраивания содержательной концепции этой монографии. Теоретический раздел дополняется и обкатывается на приводимой в извлечениях и анализируемой референтной тебе исследования судебной практике США. Это позволяет автору выдвинуть и обосновать ее авторский концепт артикулирования уникальности и высокого конституционно-правового значения института военных капелланов как важнейшей гарантии конституционной свободы вероисповедания, объяснения детерминантов таких уникальности и

значения, а также ее авторский концепт оригинального и весьма толкового объяснения природы капелланства в конституционно-правовой проекции ее понимания и интерпретации, выражающий таковую природу через описание ряда пребывающих в сложной неразрывной взаимосвязи значимых обстоятельств, детализированно описываемых и объясняемых в названной монографии.

Т.М. Челпанова знакомит читателя с ключевыми основаниями выстраиваемой ею научно-исследовательской концепции, с базовыми понятиями, с существующими научно-теоретическими подходами к проработке всего этого.

К числу достоинств книги следует отнести концептуальную универсальность и методологическую гибкость подхода, добросовестность и скрупулезность в работе с нормативными и другими источниками. Прекрасно выстроена аргументация авторских суждений и научных конструкций. Вообще монография Т.М. Челпановой читается, что называется, на одном дыхании, хотя юридический научный язык этой книги не просто, очень далек от публицистического, а в работе содержится множество специфических терминов и сложных авторских научных конструкций.

Основным по объему является раздел монографии, описывающий опыт нормативно-правового обеспечения, выстраивания и функционирования военных капелланств в целой линейке зарубежных государств. И этим данная монография превращена в совершенно уникальное издание. При этом автор, сосредоточившись на актуальном современном зарубежном законодательстве, обращается также и к истории вопроса, например, самое раннее, к Указу Карломана от 742 года, что еще более повышает ценность данной научной монографии.

Рассматриваемая монография Т.М. Челпановой, при всех ее значительных и бесспорных достоинствах, из общего числа которых мы выше затронули лишь немногие, неидеальна, характеризуется и

рядом недостатков, которые мы никак не могли обойти вниманием. Но дискуссионные места – это неотъемлемый элемент любой хорошей книги.

Прежде всего, мы отметим как недостаток то, что на фоне столь блестяще и беспрецедентно детализированно проработанного в рассматриваемой научной монографии опыта США, Франции, Великобритании, Канады и Испании, автор монографии явно сэкономила на описаниях опыта Чехии, Швейцарии, Норвегии, Венгрии и еще нескольких государств, чей опыт описан в книге.

Недостатком является также некоторая несбалансированность структурного деления научного материала этой монографии.

Еще одним недостатком мы бы оценили сведенность массива исследованных в монографии судебных решений по ее теме только лишь к опыту США и Великобритании. Понятно, что тут есть о чем поспорить. К примеру, нам известна весьма небезынтересная судебная практика Франции по этим вопросам, увы, не затронутая Т.М. Челпановой в ее монографии. Думается, что и по другим государствам в судебной практике можно было бы много чего толкового найти в тему.

Можно также придираться к тому, что автор монографии, затрагивая исторические аспекты, делает это слишком мало, явно недостаточно, хотя очевидно, что именно в понимании генезиса правового положения и деятельности военных капелланов может корениться более глубокое понимание правовой природы военного капелланства. А уж высказать замечание к излишне аскетичному объему этой монографии и слишком малому ее тиражу (при ее-то ценности!) – без этого точно никак не обойтись.

Однако же сделанные замечания не снижают общей научно-теоретической и научно-практической ценности рецензируемой монографии. Обоснованно отнесем эти, указанные выше, замечания к числу научных авансов автору, наших ей пожеланий на доработку ее концептов,

впрочем, всенепременно ожидая от нее устранения этого недостатков.

Весьма сложно переоценить значение рецензируемой монографии Т.М. Челпановой для отечественной и мировой конституционной науки, а равно для целого ряда других направлений юридической науки.

Эта смелая всеобъемлющая теоретическая монография – явно не из тех, что могут годами пылиться на полке, будучи ни разу или лишь пару раз открытыми. Высокий читательский интерес ей совершенно точно гарантирован. Названное сочинение безусловно является очень собой ценный теоретический вклад в юридическую науку, одновременно имея столь же высокое практическое значение, поскольку благодаря этой научной основе становится возможным решение задач, которые раньше казались невыполнимыми. Данная монография Т.М. Челпановой обязательно окажет влияние на качественное развитие названной сферы отношений.

названной сферы отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Челпанова Т.М. Зарубежный опыт регулирования правового статуса и деятельности военных капелланов / Под ред. И.В. Понкина / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. – М. : Буки Веди, 2018. – 165 с.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ» НУЖДАЮТСЯ В ДОРАБОТКЕ

В 2018 г. Министерством обороны Российской Федерации разрабатывался проект федерального закона «О внесении изменений в Федер. закон РФ «О материальной ответственности военнослужащих» (в части совершенствования правового регулирования привлечения военнослужащих к материальной ответственности и устранения коррупциогенных факторов)» (далее – Законопроект).

Разработка законопроекта осуществлялась в целях приведения отдельных положений Федерального закона № 161-ФЗ от 12 июля 1999 г. «О материальной ответственности военнослужащих» в соответствие с законодательством Российской Федерации, с учетом сложившейся судебной практики привлечения военнослужащих к материальной ответственности» и направлен на совершенствование работы по защите имущественных интересов государства, а также прав военнослужащих.

Законопроектом предусмотрено внесение ряда изменений и дополнений в положения закона о материальной ответственности военнослужащих.

Прежде всего планируется уточнить терминологию (понятийный аппарат) закона о материальной ответственности военнослужащих, закрепить новые термины и дать им определения. Так же законопроект направлен на конкретизацию отдельных действующих положений закона о материальной ответственности военнослужащих. Например, предлагается законодательно определить, что понимается под днем обнаружения ущерба – день, когда командиру (начальнику) воинской части стало известно о наличии материального ущерба, причиненного военнослужащим.

В качестве основных нововведений, предусмотренных в законопроекте, необходимо отметить:

- приостановление течения срока привлечения военнослужащего к материальной ответственности на период досудебного производства и (или) судебного

разбирательства;

- расширение перечня обстоятельств, при которых не допускается привлечение военнослужащих к материальной ответственности;

- возможность военнослужащего в случае добровольного возмещения ущерба, осуществлять такое возмещение с рас-срочкой платежа;

- предоставление права уменьшения размера денежных средств, подлежащих взысканию с военнослужащего для возмещения причиненного им ущерба, только суду (при этом в законопроекте конкретизируются обстоятельства, позволяющие уменьшить размер указанных взысканий);

- установление срока привлечения к материальной ответственности должностных лиц, не принявших мер по своевременному взысканию ущерба с виновных в его причинении.

К разработке законопроекта были привлечены специалисты различных органов военного управления, участие в его подготовке также приняли представители Военного университета.

Кроме того, законопроект разрабатывался в тесном взаимодействии с иными силовыми ведомствами, в которых в соответствии с законодательством Российской Федерации предусмотрено прохождение военной службы.

Наибольшую дискуссию вызвали положения законопроекта касающиеся: понятийного аппарата, прав и обязанностей участников данных правоотношений, определения срока привлечения к материальной ответственности, а также возможности возмещения причиненного ущерба не только в денежной, но и в натуральной форме (по результатам согласительных процедур такая возможность в законопроекте не предусмотрена).

В настоящее время законопроект прошел согласование с заинтересованными органами военного управления, также на законопроект получены заключения Минюста России и Института законодатель-

ства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Предусмотренные законопроектом изменения призваны не только привести его терминологию в соответствие с современной правоприменительной практикой, но и обеспечить рациональное распределение прав и обязанностей сторон данных правоотношений: учесть справедливые интересы военнослужащего при причинении ущерба имуществу воинской части, сформировать реальные стимулы для добровольного возмещения военнослужащим причиненного ущерба, при этом обеспечив надлежащую защиту имущественных интересов государства, а также освободить командиров (начальников) от несвойственных им функций и исключить дополнительные предпосылки для совершения коррупционных правонарушений.

Вместе с тем проект федерального закона в целом получил положительные отзывы. В частности отмечалось, что:

«...Предлагаемое в законопроекте определение воинских частей более четко структурировано, сформулировано с учетом положений иных федеральных законов, а также устраняет необоснованное обособление военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования от иных организаций, поскольку особенностей материальной ответственности военнослужащих, проходящих военную службу в военных образовательных организациях, законом о материальной ответственности военнослужащих не установлено». (Начальник отдела по укомплектованию организаций военного образования Главного управления кадров Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Феде-

рации полковник А.В. Рузанов);

«...Освобождение соответствующих командиров (начальников) от рассмотрения вопросов о снижении размера денежных средств, подлежащих взысканию с военнослужащего за причиненный им ущерб, способствует уменьшению коррупционных правонарушений в войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрено прохождение военной службы, поскольку данные вопросы, имеющие оценочный характер и прямо не относящиеся к основным задачам командиров (начальников), больше не будут подлежать их рассмотрению». (Заместитель начальника Управления предупреждения, профилактики коррупционных и иных правонарушений, учета кадров Главного управления кадров Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации О.М. Бурнышев);

«...Уточнение законопроектом понятийного аппарата закона о материальной ответственности военнослужащих обеспечивает приведение его отдельных положений в точное соответствие со смыслом (сутью) самого закона. Расширение перечня обстоятельств, при которых не допускается привлечение военнослужащих к материальной ответственности, нормативное закрепление определений каждого такого обстоятельства, а также определение в законопроекте, что понимается под днем обнаружения ущерба – все эти нововведения должны положительно повлиять на практическое применение положений закона о материальной ответственности военнослужащих». (Заместитель начальника отдела правового обеспечения Федеральной службы охраны Российской Федерации).

АНТОНОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

15 января 2019 г. тяжелая болезнь оборвала жизнь полковника юстиции в отставке, Заслуженного юриста РСФСР, доцента кафедры криминалистики прокурорско-следственного факультета Военного университета Министерства обороны Российской Федерации Владимира Петровича Антонова.

Владимир Петрович родился 26 сентября 1937 г. в Москве. После окончания школы Владимир Петрович решил стать военным. В 1957 г. он завершил обучение в Горьковском военном училище связи,

проходил службу на офицерских должностях в Вооруженных Силах. В 1968 г. он с золотой медалью окончил военно-юридический факультет Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

В годы учебы он проводил много времени в следственной части прокуратуры РСФСР. Совместно с прокурорскими работниками принимал участие в раскрытии и расследовании тяжких преступлений, совершенных в условиях неочевидности, приобрел бесценные знания и практические навыки в области кримина-

листки. Полученный опыт эффективно использовал при прохождении службы в должностях военного следователя и старшего военного следователя военных прокуратур Орловского и Дзержинского гарнизонов Московского округа противовоздушной обороны.

Любовь к криминалистике и стремление к повышению своего профессионального уровня привели Владимира Петровича в большую военно-юридическую науку. В 1973 г. он окончил адъюнктуру кафедры криминалистики военно-юридического факультета Военно-политической академии им. В. И. Ленина, успешно защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Свою дальнейшую жизнь он посвятил научной и преподавательской деятельности. Последовательно занимал должности преподавателя, заместителя начальника и начальника кафедры криминалистики Военного Краснознаменного института Министерства обороны. Он воспитал не одно поколение высококвалифицированных военных юристов, многие из которых занимают руководящие должности в системе органов военной прокуратуры и военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации.

Антонов В.П. являлся автором более 70 научных и методических работ по широкому спектру научных исследований в сфере криминалистики, ряда учебных фильмов, обладатель авторских свидетельств на изобретения в области криминалистической техники. Как признанный научный авторитет, Владимир Петрович много внимания уделял оказанию квалифицированной помощи практическим работникам и консультированию их в расследовании наиболее сложных преступлений, получивших широкий общественный резонанс.

После увольнения в 1993 г. с военной службы продолжил трудиться на кафедре в должности профессора вплоть до 2019 г.

Являлся членом Союза ветеранов следствия, Методического совета Российского федерального центра судебных экспертиз, редколлегии журнала «Следственная практика» Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Награжден медалью «За боевые заслуги», многими другими государственными, ведомственными и общественными наградами.

Память о Владимире Петровиче Антонове навсегда сохранится в наших сердцах.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА»

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Основным содержанием рецензируемого научного издания – журнала «Вестник военного права» (далее – Журнал) являются научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы, соответствующие научным специальностям, по которым Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.
2. Направляемые в Редакцию для публикации научные статьи должны содержать основные научные результаты, самостоятельно полученные авторами в ходе проведения научных исследований, обладать актуальностью, практической значимостью, научной новизной и представлять интерес для специалистов.
3. Научные статьи, подготовленные по научным специальностям, которые входят в группы 12.00.00 «Юриспруденция» и 20.00.00 «Военные науки», должны тематикой и содержанием соответствовать указанным специальностям и обеспечивать раскрытие военно-правовых вопросов.
4. Представление в Редакцию статей, ранее опубликованных, размещённых в сети «Интернет» или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.
5. При использовании результатов чужих исследований или чужих научных идей обязательна ссылка на источник публикации и авторов этих сведений. Все материалы, направляемые в редакцию Журнала, проходят обязательную проверку на плагиат в системе «Антиплагиат.ВУЗ». Допускаемый порог оценки оригинальности составляет 60% и более объема текста статьи.
6. В одном номере Журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора, даже если он выступает соавтором.
7. К статьям прилагаются сведения об авторе (авторская справка).
8. Представляемые к изданию статьи, в которых содержатся сведения, находящиеся в компетенции Военного университета, проходят обязательную экспертизу в соответствии с требованиями Инструкции о порядке подготовки в Вооружённых Силах Российской Федерации материалов к открытому опубликованию. Заключение экспертизы направляются в Редакцию вместе со статьёй.
9. Авторы, в статьях которых содержатся сведения, не находящиеся в компетенции Военного университета, вместе с рукописью представляют экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати, заверенное подписью руководителя и скреплённое печатью организации.
10. Рукописи адъюнктов, аспирантов, слушателей принимаются к рассмотрению только при наличии заключения соответствующей кафедры с рекомендацией к опубликованию статьи.
11. Принятые к рассмотрению рукописи в обязательном порядке подвергаются рецензированию и в случае положительного результата его прохождения – научному, литературному редактированию и корректуре.
12. Электронные версии полнотекстовых типографских номеров Журнала (полнотекстовые варианты статей) в обязательном порядке размещаются в сети «Интернет» на сайте Журнала и в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) в открытом доступе.
13. Переписка с авторами осуществляется только по электронной почте.
14. Все материалы публикуются в Журнале на безвозмездной основе: плата с авторов не взимается, гонорар им не выплачивается.
15. Перепечатка, воспроизведение и иное использование материалов, опубликованных в Журнале, возможны только по согласованию с Редакцией с обязательным указанием названия, номера и года издания Журнала.
16. При цитировании материалов ссылки на Журнал и авторов публикаций обязательны.

Представляя научную статью в Редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен с полной версией Правил направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник военного права», размещённой на сайте Журнала.

**RULES OF SENDING, REVIEWING AND PUBLISHING SCIENTIFIC
ARTICLES IN THE “VESTNIK VOENNONGO PRAVA” JOURNAL
(THE JOURNAL OF MILITARY LAW)
GENERAL REQUIREMENTS**

1. The main content of the peer-reviewed scientific journal “Vestnik Voennongo Prava” (The Journal of Military Law) (hereinafter – “the Journal”) is the scientific articles, scientific surveys, scientific reviews, testimonies that correspond to groups of scientific specialties, according to which the Journal is included in the list of peer-reviewed scientific editions for publishing main scientific results of dissertations for the academic degree of Candidate of Sciences and the academic degree of Doctor of Sciences.

2. The scientific articles sent to the Editorial Office for publication should contain the main scientific results obtained independently by the authors in the course of scientific research, have relevance, practical significance, scientific novelty and be of interest to specialists.

3. Scientific articles prepared on the scientific specialty, which is part of the 12.00.00 “Jurisprudence” and 20.00.00 “Military Sciences” groups, should, in accordance with the name and subject matter of the Journal, disclose military-legal issues on the topic of the article.

4. Submission to the Editorial Office of materials previously published, posted on the Internet or sent for publication to other publishing house is not allowed.

5. In case of using the results of someone else’s researches or scientific ideas, a reference to the source of the publication and the authors of this information is mandatory. All materials sent to the Editorial Office of the Journal undergo mandatory test for plagiarism in the “Antiplagiat.VUZ” system. The originality of the article should be 60% or more.

6. No more than two materials of one author can be published in one issue of the Journal, even if he is a co-author.

7. The information about the author (author’s background) is attached to the articles.

8. The articles submitted for publication that contain information within the competence of the Military University are subject to compulsory examination in accordance with the requirements of the Instruction on the Procedure for Preparing Materials for Open Publication in the Armed Forces of the Russian Federation.

9. The authors whose articles contain information not falling within the competence of the Military University together with the manuscript should present an expert opinion on the possibility of publishing an article in the open press certified by the signature of the head officer and sealed with the organization seal.

10. The manuscripts of adjuncts, post-graduate students, attendees, cadets and students are accepted for consideration only if there is a review of the scientific supervisor or lecturer with a recommendation to publish the article.

11. The manuscripts accepted for consideration are necessarily subjected to peer review and in case of a positive result of the review, they are subjected to scientific & literary editing and proofreading.

12. The online versions of the full-text typographic issues of the Journal (the full-text versions of the articles) are compulsorily placed in the Internet on the Journal’s website (www.vestnik-vp.ru) and in the Russian Science Citation Index (RSCI) on the platform of the Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru) in the public domain.

13. Communication with authors is carried out only by e-mail.

14. All materials are published in the Journal free of charge: no fee is charged to the authors, no fee is paid to the authors.

15. Reprinting, reproduction and other use of materials published in the Journal are possible only with the approval of the Editorial Office, with obligatory indication of the title, number and year of the Journal issue.

16. It is obligatory to refer to the Journal and authors of the publications when quoting.

Presenting a scientific article to the Editorial Office, the author confirms that he/she is acquainted with the full version of the Rules of sending, reviewing and publishing scientific articles in the “Vestnik Voennongo Prava” journal (The Journal of Military Law), posted on the Journal’s website.